

УЧИТЕЛЯМ: ЭКОНОМЬТЕ БУМАГУ

В НОВЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД СТРАНА ВХОДИТ С НОВЫМ министром образования – Ольгой Васильевой, сменившей в этой должности Дмитрия Ливанова. Проблем перед ней стоит немало. Обычно на первое место в обсуждении вопросов образования ставят деньги. Без денег действительно ни с какими реформами дело не заладится, а самые благие намерения обернутся маниловскими прожектами. Однако лоббистских усилий одного профильного министерства тут недостаточно: как минимум надо «уговорить» Минфин.

А вот что Министерство образования и науки может сделать самостоятельно, так это резко сократить ныне совершенно неподъемную отчетность. Из-за нее учителя головы поднять не могут, чтобы на детей посмотреть. То есть уделить им должное внимание. Не говоря уж о собственном творческом и профессиональном росте. Куда там! Они затурканы составлением бесконечных отчетов.

Согласно опросам, проведенным Общероссийским Народным фронтом среди учителей школ в разных регионах, от 80 до 94 процентов работников образовательных учреждений жалуются, что за последний год отчетов стало существенно больше. По данным комитета Госдумы по образованию, в год общеобразовательные организации готовят до 300 отчетов, около 80 процентов которых пишут сами учителя. Этот бумажный вал составляет 60 процентов школьного документооборота. Кому нужны все эти отчеты, справки, формы и пр., порой отдающие полной бессмысленностью и бюрократической мертвечиной и о которых раньше бюрократы от образования даже не слышали?

Подчас совершенно разные ведомства обрушиваются на несчастных учителей и директо-

ров школ с дублирующими друг друга запросами, участились случаи повторных проверок и запросов на одну и ту же тему. Несмотря на формальное введение электронного документооборота, контролирующие и надзирающие структуры продолжают требовать (так и хочется добавить – «тупо») дублирования на «бумажном носителе». На самом деле уже многие специалисты говорят, что по степени обеспокоенности невыносимая и отупляющая бюрократическая нагрузка среди учителей опережает даже тот самый денежный вопрос, касающийся учительских зарплат. Запретить плодить новую отчетность и резко сократить имеющуюся, разработать и ввести законом четкие регламенты, касающиеся запросов и проверок школ со стороны органов, не имеющих отношения к системе образования, в том числе силовых, – все это вполне в компетенции профильного министерства. И ведь что важно, это обойдется недорого. Практически даром. Но станет бесценным вкладом нового министра в дело улучшения нашей системы образования. ■

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

06 Дружба на все времена

ИНТЕРВЬЮ

10 Русские Латвии:
ресурс или угроза?14 Библиотека
странника

ИСТОРИЯ

20 Кашубы, маламуты
и бикини26 Круг
жизни

НАСЛЕДИЕ

32 Дар слышать,
как растет трава
40 Завещание
Пушкина

А. СВЕРДЛОВ / РИА НОВОСТИ

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

46 Экстравагантный
антиквар

КУЛЬТУРА

50 «Открытая карта»
для влюбленных в город56 Коллеги
северного
сияния

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

62 Краска, кисти и идея

РЕГИОНЫ РОССИИ

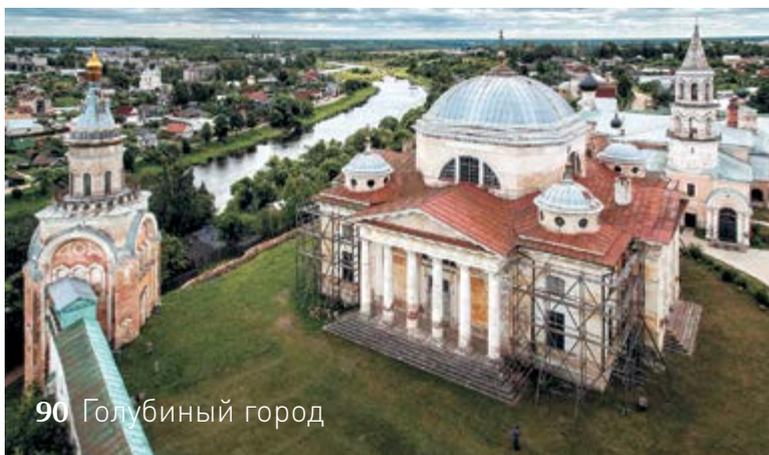
70 Мой Север

ГОРОДА РОССИИ

80 Ногин и Аляска

ПУТЕШЕСТВИЕ

90 Голубиный город

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Алексей ГУДКОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Зинаида КУРБАТОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Валентина ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Дмитрий РУДНЕВ
Андрей СЕМАШКО
Галина УЛЬЯНОВА
Дмитрий УРУШЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
Леонида АРОНЧИКОВА

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ДРУЖБА НА ВСЕ ВРЕМЕНА

АВТОР
АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

КОГДА ПОЛИТИКИ НЕ МОГУТ ДОГОВОРИТЬСЯ МЕЖДУ СОБОЙ, А В ВОЗДУХЕ СГУЩАЮТСЯ ТУЧИ ВОЙНЫ, ЗА ДЕЛО БЕРУТСЯ ПРОСТЫЕ ЛЮДИ. В ТАКИХ СЛУЧАЯХ ЕЩЕ В ДАВНИЕ ВРЕМЕНА СУЩЕСТВОВАЛА «НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ». ВОЗРОЖДАЕТСЯ ОНА И В НАШИ ДНИ. И ПЕРВЫМИ ПРИМЕР ПОКАЗАЛИ НЕМЦЫ, РЕШИВШИЕ УДАРИТЬ АВТОПРОБЕГОМ ПО АНТИРОССИЙСКОЙ ПРОПАГАНДЕ И АГРЕССИИ НАТО. СОБРАВШИЕСЬ РАННИМ ВОСКРЕСНЫМ УТРОМ 7 АВГУСТА В БЕРЛИНЕ У БРАНДЕНБУРГСКИХ ВОРОТ, ВЫПУСТИВ В НЕБО БЕЛЫХ ГОЛУБЕЙ, 250 МИРОТВОРЦЕВ С ПЛАКАТАМИ «ЗА МИР И ДРУЖБУ С РОССИЕЙ» ОТПРАВИЛИСЬ НА СВОИХ МАШИНАХ И БАЙКАХ НА МОСКВУ. ДА, DRANG NACH OSTEN! НО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО В МИРНЫХ ЦЕЛЯХ.

... **А** НАЧАЛОСЬ ВСЕ с одного очень рассерженного немца. Год назад блогер и музыкант Ове Шаттауер, сидя в своем автомобиле, раздраженно слушал выпуск новостей по берлинскому радио. Там опять костерили Россию и восхваляли НАТО.

Обругав крепкими словами «болтунов и врунов», Ове записал на видео все, что он думает о подаче новостей в немецких СМИ. За первые трое суток ролик в соцсетях набрал более миллиона просмотров и «лайков». Живущий в Германии владелец видеоканала «Голос Германии» Сергей Фильберт перевел

этот страстный монолог на русский язык. Так Ове прославился и среди русскоязычных пользователей мировых соцсетей, получив прозвище «рассерженный немец». К жарким дискуссиям на видеоканале вскоре подключился и немецкий профессор, политолог Райнер Ротфусс. Оказалось, в Германии живет огромное число людей, которым уже до смерти надоело вранье в немецких СМИ в отношении России. Проведенный в соцсетях опрос показал, что более 80 процентов населения ФРГ хотят улучшения отношений с Россией. 80 процентов! Вопреки всем уверениям в обратном официальных медиаресурсов. Тогда-то профессор Ротфусс предложил перейти от разговоров к делу. Допустим, провести хотя бы автопробег под девизом: «Дружба народов против пропаганды НАТО». Идея моментально обрела большую поддержку у тысяч рядовых немецких граждан, которые включились в сбор средств для проведения народной миротворческой акции. Откликнулись байкеры и автовладельцы не только из разных уголков Германии, но и из Австрии, Швейцарии, Франции, Израиля...

Автопробег Берлин – Москва завернул в столицу Латвии по приглашению местных евроскептиков

ВОСТОРГ И ТАНЦЫ. В ЗНАК ПРОТЕСТА

Проехав через Польшу, колонна из 70 машин и мотоциклов прибыла в Калининград, где немцев встречали как самых дорогих гостей. На многих из них были георгиевские ленточки, что тоже вызывало добрую улыбку у калининградцев. Вместе с горожанами гости возложили цветы к памятникам Героям Первой мировой войны и 1200 гвардейцам, побывали на могиле Иммануила Канта, осмотрели кафедральный собор. И пришли в восхищение. Среди участников автопробега оказались люди чуть ли не всех самых мирных профессий на земле – учителя, врачи, строители, артисты, писатели, художники. Есть еще студенты и безработные, рабочие заводов и автомастерских... В автопробег отправились даже семьи с детьми и пенсионеры, бывшие граждане СССР и коренные немцы, чьи деды когда-то тоже гуляли, а то и жили в этих краях... В бывшем Кенигсберге вечером 8 августа на территории развлекательного комплекса «Резиденция королей» прошел грандиозный совместный российско-германский концерт «Дружба народов» с участием немецких и русских исполнителей. На следующий день колонна отправилась в город Гвардейск, а оттуда поздно вечером – в Литву. Участники автопробега опасались, что прибалты не особо будут рады борцам за мир и дружбу с Россией, с которой отношения у Литвы сейчас хуже некуда. Опасения подтвердились: на литовской границе миротворцев продержали до поздней ночи. Памятуя о миролюбивом характере их акции, немцы, которых литовцы почему-то не хотели так долго пускать, ругаться и ссориться не стали. В знак протеста они начали... дружно танцевать! Прямо на трассе на глазах у изумленных пограничников. И вот же сила искусства в мирных целях – в итоге «Дружбу народов» пропустили в Литву. Хотя и предположили, что они работают на кремлевскую пропаганду – ну как без этого! Не выспавшийся, но полный энтузиазма автопробег «За мир...» в сопровождении полиции доехал до расположенной по пути из Шяуляя базы НАТО, постояв здесь с антивоенными плакатами. На прощание немцы хором исполнили песню, адресованную солдатам НАТО, – «Вы можете ехать домой!». После чего колонна направилась в Ригу.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Ставший знаменитостью в соцсетях «рассерженный немец» Ове Шаттауер (слева) приветствует своего рижского единомышленника Станислава Букайна

ЕВРОСКЕПТИК И ЕГО ТРЕЗВАЯ МЫСЛЬ

Это ничего, что в маршруте латвийская столица не значилась, видимо, из тактических соображений. Посетить город на Даугаве, который, к слову, в августе отметил свое 815-летие, немецких единомышленников пригласили активисты партии евроскептиков. За эту несогласованную с властями инициативу одного из них даже вызвали на воспитательную беседу в Полицию безопасности. Тем не менее евроскептики, водрузив на свой транс-

порт флаги Латвии и своей партии, выехали на границу Риги встречать колонну из Германии. Тем временем в ожидании миротворцев большая группа журналистов собралась в самом популярном заведении в Риге – развлекательном комплексе «Лидо», на просторной автостоянке которого и должны были разместиться 70 немецких машин и мотоциклов. Пока мы гадали, прорвутся ли немцы в Ригу или автопробег Мира в страну не пропустят, я попросила известного в Латвии евроскептика, коренного латы-

Один из главных «двигателей» автопробега Мира, профессор Райнер Ротфусс, в Риге

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«ACHTUNG! НЕМЦЫ В ГОРОДЕ!»

...И тут вдруг все фотокорреспонденты засуетились и побежали к главному входу. В воздухе пронеслось: «Achtung! Немцы в городе!» И мы действительно увидели первый немецкий десант на мотоциклах, въезжающий на территорию «Лидо». Прорвались! Подъехав на парковку под приветственные возгласы встречающих, довольные теплым приемом путешественники зачехлили металлические кофры и с удовольствием бросились пожимать руки и обниматься с рижанами. Первые фото и первые интервью.

– В Россию многие из нас отправились впервые в жизни. Какие чувства? Мы до сих пор поражены, какие доброжелательные, открытые люди – русские. Это совсем не то, что нам рассказывали про этот народ в немецких СМИ, – охотно делились граждане Германии своими впечатлениями от пребывания в Калининграде. – Мы просто в полном восторге!

Среди брутальных «кожаных» байкеров мое внимание привлекла единственная женщина. Вспомнив слегка подзабытые навыки немецкого языка, я расспросила участницу автопробега об отношении немцев к нагнетанию истерии вокруг России. Александра Росигар рассказала, что она по профессии слесарь-автомеханик, до этой акции даже не была знакома с большинством людей, с кем собралась преодолеть 4200 километров до Москвы и обратно с миссией Мира. Но буквально с первых же дней ей стало понятно, что она в прекрасной компании друзей-единомышленников, которым просто надоело тупо сидеть и ждать, когда по злой воле политиков на немецкой земле опять могут вырасти семена ненависти. «Многие люди в Германии обеспокоены тем, что дело действительно может кончиться войной, а у нас еще хорошо помнят, что это такое, – сказала моя собеседница. – Люди боятся, это правда. Но не России, а того, что НАТО и наша политическая администрация развяжут войну. Но открыто они об этом не говорят, так как думают,

ша Сигурда Граудиньша рассказать кратко, против чего они так скептически настроены. Сигурд – мужчина серьезный, с бритой наголо головой и значком «Нет ЕС!» на груди – с готовностью выложил всю свою правду: «Мы решили объединиться, когда с подачи бабушки из Канады нами вдруг заинтересовалась Европа. Я не верю в результаты голосования по вхождению Латвии в ЕС – подтасовка в чистом виде! Евроскептики выдвинули свое видение того, что с нами будет, если мы туда вступим, – 10 пунктов. Там и разгром экономики, социальных институтов, здравоохранения... Единственное, что даже мы тогда не могли предвидеть – и это будет уже 11-й пункт, – что нам придется еще отказаться от своих традиционных семейных ценностей в обмен на... однополые браки. Но это не все. Нас поссорили с русскими, сделали их врагами Латвии. Зачем? Я всегда говорил, что, если мы не будем жить в мире вместе с русскими – латышам конец! А русский язык? Кому он мешал? Я прагматик и реалист, если наши русские – а это почти половина населения страны – платят налоги, они имеют право обучать детей в школах на родном языке.

Да, государственным должен быть латышский, но на муниципальном уровне вполне можно использовать еще и русский язык. Если исходить из здравого смысла, конечно. Мы поддерживаем этот антинатовский пробег. Почему? А там появилась трезвая мысль. Немецкий народ увидел, что с ним случится, если они и дальше будут послушной игрушкой в руках американских ястребов. Ну, если по-честному? Они поняли, что единственная опора – на Россию. И мы в этом с ними солидарны».

Первыми в столицу Латвии с миссией Мира прорвались немецкие байкеры

Убеденный евроскептик Сигурд Граудиньш: «Если мы не будем жить в мире с русскими, латышам конец!»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

что все равно ничего не могут изменить. Поэтому тихо сидят у себя по домам и молчат. Но это неправильно, нам всем уже пора что-то делать».

О своей тревоге, которая и погнала их в дальнюю дорогу, говорили и другие участники мирного автопробега. Говорили о том, что в Германии многие люди уже давно не верят тому, что вещают немецкие СМИ, а теперь и сами убедились в этом. А еще они поняли – и в Польше, и в Прибалтике живут люди, которые хотят дружить со всеми своими соседями. Война не нужна никому. И в первую очередь – России. Недаром в Германии большой популярностью пользуется песня «Хотят ли русские войны?». На немецком языке эти знаменитые стихи Евгения Евтушенко неподражаемо читает известный немецкий актер и режиссер Бен Беккер, выступая на публичных мероприятиях и концертах...

Пока мы беседовали, на автостоянку подъехал очередной немецкий десант, из головной машины которого вышел инициатор автопробега Берлин – Москва Райнер Ротфусс, усталый, но явно довольный ходом своей акции. Побратившись с немецким «камрадом», рижские евроскептики вручили ему большой мешок яблок из своего сада – как символ добрососедских отношений между нашими странами. Профессор Ротфусс сердечно поприветствовал своих рижских единомышленников и подтвердил, что движение за мир с Россией среди простых людей находит очень большую поддержку.

– Об этом нам говорили и берлинцы у Бранденбургских ворот, когда напутствовали нас в путь-дорогу, – рассказал Ротфусс. – И хотя германские медиа нас упорно не замечают, мы – послы немецкого народа. И мы верим в мир с Россией. Автопробегом Мира мы объединяем людей, города, страны, народы. Мы хотим ближе познакомиться с такими же простыми русскими людьми, как и мы сами. Это нужно, чтобы разрушить предрассудки и покончить с конфронтацией, навязанной нашим странам.

По словам берлинской байкерши Александры Росигар, простые люди в Германии боятся не России, а агрессоров из НАТО, мечтающих развязать войну в Европе

Предприниматель из Германии Давид (слева) и его сосед Андреас не смогли усидеть дома, услышав про автопробег Мира

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

НЕ ПЕРЕВЕЛИСЬ ЕЩЕ «НАШИ» В ГЕРМАНИИ!

После окончания блиц-пресс-конференции немецкий десант отправился на обед и короткий отдых, но я по дороге успела познакомиться еще с одним участником проекта. Давид Райтц – наш бывший соотечественник, этнический немец из Казахстана, в 90-е годы переехавший в Германию. Живет недалеко от Ганновера, в маленьком немецком городке. В Россию он поехал не один, а еще прихватил своего лучшего немецкого друга и соседа Андреаса. И вот как было дело. Они сидели и слушали передачу в Интернете с участием Райнера Ротфусса, который рассказывал о предстоящем автопробеге в Россию. «Понимаете, я вырос на русской культуре и считаю себя принадлежащим Русскому миру, – говорит Давид. – Все происходящее сейчас вокруг России вызывает у меня огромное возмущение. Потому что я знаю – это откровенное вранье! Мы с нашими немецкими СМИ как будто живем на разных планетах. Они публикуют не-

достоверные статьи на своих сайтах, под которыми сотни комментариев от читателей, уличающих их во лжи. Сотни! Но ничего не меняется... Когда мы услышали про автопробег, я говорю соседу: «Это – наше! Надо ехать!» Но у него дети, которых он должен возить в школу, у меня – строительная фирма, тоже не могу ее на целых две недели бросить. И тем не менее! Увидев, что к проекту присоединились уже 200 желающих, мы тоже подскочили со своих диванов. И вот мы оба здесь! Он, как и я, просто в восторге от всего увиденного, особенно в Калининграде и особенно от встречи с русскими. Нас ведь там встречали на своих байках местные «ночные волки» – байкеры. Это, я вам скажу, уникальные мужики! Они нас чуть не переманили в Севастополь на шоу байкеров с ними лететь. Но – у нас же миссия!»

Еще я успела узнать, что у Давида двое взрослых сыновей, которые, хотя и говорят по-русски не очень хорошо, тоже считают себя «русскими». А его младший сын, студент Гамбургского колледжа, сейчас поехал на практику в Россию – сам выбрал. Через несколько дней они все вместе должны прилететь в Крым. Через Москву. В Германии, в отличие от Латвии, за это не преследуют...

«Камраде, ком цу мир!» – звучит приглашение на совместное фото латвийских евроскептиков и немецких миротворцев на фоне больших рижских дубов. И мы прощаемся с нашими новыми друзьями, которые направляются далее по маршруту в Москву. Счастливого пути! И да – Дружба – Freunshaft! На все времена. 🇷🇺

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

РУССКИЕ ЛАТВИИ: РЕСУРС ИЛИ УГРОЗА?

БЕСЕДОВАЛА

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В ЛАТВИИ ВСЕ ЧАЩЕ БЬЮТ ТРЕВОГУ ЭКОНОМИСТЫ И ДЕМОГРАФЫ: ИЗ СТРАНЫ В МАССОВОМ ПОРЯДКЕ УЕЗЖАЕТ МОЛОДЕЖЬ. И КАК ПОКАЗАЛИ НЕДАВНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОПРОСЫ, БОЛЕЕ 60 ПРОЦЕНТОВ ИЗ НИХ НА РОДИНУ ВОЗВРАЩАТЬСЯ НЕ СОБИРАЮТСЯ. А ЭТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ОСТАВШИМСЯ В СТРАНЕ ПЕНСИОНЕРАМ ПРОСТО БУДЕТ НЕ ИЗ ЧЕГО ПЛАТИТЬ ПЕНСИИ. КАЗАЛОСЬ БЫ, ИМЕННО ЭТОТ ВОПРОС СЕЙЧАС БОЛЕЕ ВСЕГО ДОЛЖЕН БЕСПОКОИТЬ ЛАТВИЙСКИЕ ВЛАСТИ. НО НЕТ, ПО-ПРЕЖНЕМУ ГЛАВНЫЙ «КОРЕНЬ ЗЛА», ПО МНЕНИЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА, РУССКИЙ ЯЗЫК, С КОТОРЫМ ЗДЕСЬ ВОТ УЖЕ ДВА ДЕСЯТКА ЛЕТ ГЕРОИЧЕСКИ БОРЮТСЯ ЧИНОВНИКИ ВСЕХ МАСТЕЙ. НЕДАВНО ЯЗЫКОВЫЕ ИНСПЕКТОРА ДОБРАЛИСЬ И ДО МЭРА РИГИ НИЛА УШАКОВА, ДВАЖДЫ ОШТРАФОВАВ ЕГО ЗА ОБЩЕНИЕ НА «ИНОСТРАННОМ» ЯЗЫКЕ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ – НА ОСНОВАНИИ АНОНИМНОЙ ЖАЛОБЫ ПАТРИОТОВ ЛАТВИИ...

Н О ЕСТЬ И ХОРОШИЕ НОВОСТИ. В ТОЙ же Латвии и президент, и даже премьер-министр вдруг заговорили о необходимости более активного привлечения русскоязычных жителей к общественной жизни страны и даже – о, Боже! – о возможном решении проблемы института неграждан хотя бы к грядущему юбилею – 100-летию республики в 2018 году. Однако лидеров страны быстро одернули партнеры по фракции, стоящие на страже

национальных интересов «латышской Латвии». И слабый сигнал в сторону русскоязычных сограждан быстро затух... Но робкие реверансы правящих властей все же дали толчок для проведения новых дискуссий на тему русских Латвии. В СМИ и в социальных сетях – видимо, не без внешнего давления – начался разговор о вероятности возникновения этнических конфликтов и о том, является ли русское население Балтии угрозой ее национальной безопасности.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Потомственный гражданин Латвии, лидер Русской общины Владимир Соколов пытался восстановить статус русского языка через Конституционный суд страны – получил отказ

КАК ЭТО НИ СТРАННО, МЫ ГОВОРИМ НА ИНОСТРАННОМ...

По мнению президента Русской общины Латвии Владимира Соколова, русские, проживающие на территории этой страны на протяжении трех веков, не только не представляют никакой угрозы для своей страны, но и являются ее богатейшим ресурсом. Эту мысль он пытается донести до латышской части общества давно. Да, признает выходец из семьи рижских староверов, пока без особого успеха. Но он уверен, латышский народ – по крайней мере, его здравомыслящая часть – рано или поздно обязательно оценит долготерпение и миролюбие своих русских сограждан, и справедливость по отношению к ним будет восстановлена. Сам Владимир, будучи потомственным гражданином Латвии, гражданство получил в порядке наследования в 1993 году, как человек, чьи предки имели латвийское гражданство до 1940 года.

– И таких людей, получивших гражданство по праву наследования на момент восстановления независимости Латвии в 1990-е годы, было не так уж мало – около 290 тысяч человек, – говорит Владимир Соколов. – И надо сказать, что в основном это были представители именно русского населения страны. Как мы знаем, до войны в Латвии проживали три крупных национальных меньшинства – русские, евреи и немцы. Но в 1939 году немцы в массовом порядке по призыву германских властей переехали в «Фатерлянд», а евреи во время оккупации практически все были полностью уничтожены – около 70 тысяч из 90 тысяч человек. К сожалению, вместе с правом на гражданство в нашей стране по сей день так и не были восстановлены все остальные права в отношении национальных меньшинств, которые существовали в Первой Латвийской республике. В результате русский язык, который является родным почти для 40 процентов населения страны, был отнесен к иностранным языкам. Да-да, как это ни странно, мы говорим на иностранном... В нашей стране только один язык объявлен государственным – латышский. Хотя в годы Первой республики в латвийском законодательстве никакого упоминания о государственном языке не было, на заседаниях самоуправления и в других присутственных местах, а также во всех сферах жизни широко использовали русский и немецкий языки.

– Вы ведь даже обращались в Конституционный суд, чтобы на этом основании восстановить статус русского языка?

– После языкового референдума 2012 года, когда большая часть граждан Латвии проголосовала против придания русскому языку статуса второго государственного, стало ясно, что в нашей стране произошла огромная политизация языкового вопроса. Ведь на самом деле русскоязычные латвийские граждане, поддержавшие референдум, но оказавшиеся в меньшинстве, голосовали

за то, чтобы русский язык не считался в Латвии иностранным. Была надежда, что после референдума, сильно встревожившего наши власти, они согласятся на придание русскому языку хотя бы статуса языка национального меньшинства, как это и было во времена Первой республики. И я вместе с другими такими же потомственными гражданами просил Конституционный суд Латвии, чтобы, опираясь на те же принципы преемственности, в соответствии с которыми были восстановлены наши гражданские права, русскому языку также был бы возвращен его официальный статус. Таким образом я хотел вывести языковой вопрос из политической плоскости в законодательную. Я получил любопытный ответ на нескольких листах, суть которого сводилась к тому, что в данном случае принцип преемственности не работает. То есть в отношении гражданства, возвращения собственности – да, можно применять. А вот в отношении языка – нет.

– И почему же?

– А вот на этот вопрос я ответа так и не получил. Но, как говорится, на нет и суда нет. Даже Конституционного. Поэтому так и живем – в подвешенном состоянии, без прав на свой родной язык и образование на русском языке. Я уж не говорю о сотнях тысяч русскоязычных неграждан, которым было отказано в получении гражданства Латвии на том основании, что они приехали в страну после 1940 года...

– И ваши многочисленные обращения в европейские и мировые правозащитные организации также не возымели никакого воздействия?

– Да, можно сказать так. Хотя в своих обращениях я неоднократно напоминал нашим европейским комиссарам, надзирающим за соблюдением прав человека, а также лидерам всех фракций ЕС, что в 2004 году в Евросоюз были приняты не только латыши, литовцы и эстонцы, но и большое число русскоязычного населения, традиционно проживающего на территории стран Балтии. В общей сложности это более миллиона человек, чьим родным языком является русский. Кто должен их поддерживать, защищать, окормлять в конце концов? Когда это пытаются делать Россия, то сразу поднимается шум и крик – «российская пропаганда». Но в Евросоюзе-то этим никто не занимается, разве что выпишут Латвии очередные рекомендации, которые она не выполняет, ссылаясь на свой особенный исторический путь. За выполнением своих рекомендаций ЕС не следит, чем, конечно, сильно подрывает свой авторитет.

– Владимир, а вы тоже голосовали за вступление в Евросоюз?

– Да, как и многие другие русскоязычные граждане Латвии, потому что мы наивно верили, что уж они-то – европейцы! – быстро введут все в правовые рамки. Понимаете, Евросоюз мы вос-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Владимир Соколов: «В 2004 году в ЕС были приняты не только литовцы, латыши и эстонцы, но и около миллиона русских, традиционно проживающих на территории стран Балтии»

принимали как территорию, где помимо демократии главенствует законодательство, которое не может противоречить здравому смыслу. Мы живем в Латвии уже много веков, поэтому наш язык никак не может быть здесь иностранным, русские такой же народ Латвии, как и латыши. Но есть реальная жизнь и есть латвийское законодательство, которое вступает с ней в противоречие. Увы, за те двенадцать лет, что мы живем в составе Евросоюза, ситуация к лучшему не менялась.

– Да я бы сказала, что за последние годы она только ухудшилась. Давайте вспомним вопиющий случай с депутатом Думы из города Балви Иваном Барановым из партии «Согласие». На него написали жалобу «сознательные жители», обвинив избранного на третий срок депутата в плохом знании госязыка. После общения с ним «языковая инквизиция» объявила свой вердикт – до нужного уровня недотягивает. В марте 2016 года Латгальский окружной суд на этом основании выносит весьма странное постановление об аннулировании депутатских полномочий народного избранника! Такое же дело сейчас передано в суд и на депутата из Даугавпилса Владислава Бояруна, которого тоже могут лишить мандата – за язык.

– А мне вспоминается случай с депутатом Лиепайской думы, гражданином Дании, который не мог свободно общаться на латышском языке, но у него для этого был нанятый им же переводчик. На все упреки в свой адрес датчанин отвечал, что он избран народом и должен работать. А знание языка – это его личная проблема. И его в конце концов оставили в покое. Как

мы ощущаем на себе, Центр госязыка все силы направил на борьбу именно с русским языком и русскими депутатами. Самый скандальный случай произошел недавно с мэром Риги Нилом Ушаковым, который был оштрафован за то, что в социальных сетях ведет общение не только на латышском, но и на русском языке! Это, конечно же, полнейший чиновничий беспредел. Даже закон о госязыке не запрещает наряду с латышским использовать и другие языки, а уж тем более – в зарубежных социальных сетях, которые во всем мире считаются территорией свободы слова.

– Даже президент страны Раймонд Вейонис недавно был подвергнут критике за его «явно русский акцент». Кто-то из наших бдительных сограждан умудрился услышать это во время беседы главы государства – на английском языке! – с премьер-министром Канады... Уже даже латышские публицисты отмечают, что русофобия в нашей стране приобретает клинические формы.

– Соглашусь, ситуация действительно переходит грани здравого смысла. Мы в этом еще раз убедились, увидев, что в открытом годовом отчете Полиции безопасности в списке неблагонадежных были упомянуты региональные русские общины Латвии, которых объединяет одно – желание сохранить русский язык и культуру. При этом некоторые наши регионалы ничем, кроме как Масленицей и фольклором, вообще не занимаются. Чем народная самостоятельность может угрожать национальной безопасности страны? Вы знаете, несмотря на видимый абсурд, это совсем не так смешно, как

Почти все региональные русские общины Латвии были занесены в черные списки Полиции безопасности...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

кажется. Оказаться в черных списках ПБ чревато большими неприятностями на работе, причем не только для фигурантов, но и для их родных. Это может отразиться при рассмотрении заявления о получении гражданства, при оформлении зарубежной визы или продлении лицензии на какую-либо коммерческую деятельность. Обеспокоенный таким отношением со стороны авторитетной силовой организации Латвии, я, как председатель РОЛ, отправил запросы в три адреса – комиссию Сейма ЛР по нацбезопасности, в Совет по национальной безопасности и Консультативный совет по нацменьшинствам при президенте страны – с просьбой пояснить, на каком основании официально зарегистрированные местные русские организации были отнесены к угрозам Латвии. Получил один очень путаный ответ из Сейма на трех листах, но ситуацию прояснить так и не удалось.

– Но зато президент Латвии господин Вейонис вдруг заговорил о возможности облегчения процедуры натурализации для местных неграждан к 100-летию юбилею Латвии. А затем и премьер-министр страны заявил о необходимости «борьбы за русские души». Это многообещающие сигналы, как думаете?

– Все хотят жить в стабильной и спокойной стране, где царит благополучие и согласие. Но в Латвии до сих пор актуальна проблема сплочения общества. Нам предлагают консолидироваться на базе общего прошлого, единой исторической памяти. Но это не работает, потому что у каждого свое понимание прошлого и свой взгляд на происходящее в современном мире. Но сегодня,

похоже, власти все же начинают осознавать, что нельзя почти 40 процентов населения страны воспринимать как угрозу. Тем более что на бытовом уровне латыши и русские прекрасно ладят между собой. А, например, в возрожденных Днях русской культуры в Латвии и в фестивале «Татьянин день» все большее участие принимают латышские коллективы. Показателем интегрированности общества являются межнациональные браки, и Латвия по их количеству лидирует в Балтии.

– Готовы ли русские на компромисс?

– Думаю, скорее да, чем нет. Русские ведь не пошли ни на какие радикальные шаги, что предсказывали многие зарубежные политологи, пугая повторением в Прибалтике украинских событий. Но мы действовали и действуем исключительно в рамках законов. Поэтому хотели бы со стороны властей видеть какие-то реальные встречные шаги. Для начала надо разработать внятную «дорожную карту», где были бы четко изложены основные этапы и даты ее реализации – изменение статуса русского языка, легализация образования на русском языке, участие неграждан в выборах самоуправлений и в Европарламент. И тогда мы будем знать, что нас ждет в будущем, поскольку нынешняя ситуация, когда твой язык, на котором говорит половина населения страны, называют иностранным, а тебя самого – чужаком, а то и оккупантом, очень тревожит русскоязычную часть населения. И эта тревога была и остается. Ведь мы так и не услышали от властей Латвии ответ на вопрос: латвийские русские – это ресурс или угроза?..

БИБЛИОТЕКА СТРАННИКА

БЕСЕДОВАЛ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД МОЛОДОЙ ИСТОРИК БОРИС НИКОЛАЕВИЧ МОРОЗОВ ВЗЯЛСЯ ИССЛЕДОВАТЬ МАЛОИЗУЧЕННЫЕ РУКОПИСИ XVI–XVII ВЕКОВ, ПРИНАДЛЕЖАЩИЕ ПЕРУ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА. И ОТКРЫЛ ДЛЯ НАУКИ ГЕНИАЛЬНОГО СТРАНСТВУЮЩЕГО МОНАХА-ЭНЦИКЛОПЕДИСТА, ВОЗИВШЕГО С СОБОЙ В МЕШКАХ СОБСТВЕННОРУЧНО ПЕРЕПИСАННУЮ БИБЛИОТЕКУ. УСТАНОВИЛ ДАЖЕ ИМЯ ЭТОГО МОНАХА – ИОНА СОЛОВЕЦКИЙ.

– Я ОБРАТИЛ ВНИМАНИЕ НА ЭТУ рукопись совершенно случайно, – рассказывает Борис Николаевич. – И в первую очередь нашел в ней самый ранний список послания князя Курбского Ивану Грозному, разрешив тем самым многолетний спор в славистике. В 1971 году американский ученый Эдвард Кинан написал книгу, в которой утверждалось, что переписка Ивана Грозного с князем Андреем Курбским – подделка. По версии Кинана, переписка была создана князем Шаховским в 20-х годах XVII века, то есть спустя сорок лет после смерти Грозного. Ученый нашел параллели из писем Курбского в посланиях других авторов, все очень интересно преподнес. Слависты всего мира обсуждали версию Кинана, были подняты рукописи, проделана огромная текстологическая работа. Конечно, параллели с письмами других авторов – аргумент не очень серьезный. В те времена не только удачные обороты друг у друга заимствовали, но и целиком всю канву письма могли скопировать – только

имена адресатов меняли. Утверждение о подделке основывалось на том, что нет не только автографов Грозного и Курбского, но и самые ранние списки посланий датируются как раз 20–30-ми годами XVII века.

Я об этом споре знал, но не участвовал в нем. Одной из сфер моих научных интересов были царские славословия на пирах Ивана Грозного. В 1984 году в связи с этим я и приобрел в букинистической лавке брошюрку «Чаши Государевы». Это была статья из журнала «Чтения в Обществе истории и древностей российских» – одного из дореволюционных журналов, которые букинисты разрывали на статьи и продавали по отдельности. Года два брошюрка лежала без дела, и как-то я взял ее почитать на досуге. Автор статьи, будущий академик Александр Сергеевич Орлов, описывал рукопись неизвестного автора XVI–XVII веков. Отмечал, что она трудночитаема, до сих пор не разобрана, и между делом замечал, что в ней содержится послание Курбского Ивану Грозному, не зафиксированное исследователями текста. Меня озарило: это же то, что ищут ученые всего мира! Я поехал в Ленинград, в Публичную библиотеку, где хранилась рукопись, и начал ее изучать. Сразу понял, что тексты в ней разновременные. Однако бумага с посланием Курбского отнеслась к концу XVI века. Это доказывалось достаточно убедительно: вся бумага в те времена маркировалась специальными водяными знаками, по которым существуют многочисленные справочники.

Статья «Чаши Государевы», купленная Борисом Морозовым в 1984 году у букиниста за 20 копеек, оказалась для ученого судьбоносной

– *То есть рукопись, найденную более ста лет назад, ученые не замечали?*

– В том-то и дело, этот архив – известнейший, найден он двести лет назад. Рукопись была частью знаменитой коллекции графа Федора Толстого – первого большого собрания древнерусских рукописных книг. «Колумбы» нашей археографии, Константин Калайдович и Павел Строев, сделали научное описание этой коллекции еще в 1825 году. Но соль в том, что они не могли всю эту рукопись разобрать: почерк очень мелкий, сложно читаем, нет явных заголовков. Осталось незамеченным не только послание Курбского, но и произведения, которые больше нигде не встречаются. И в дальнейшем многие части рукописи не удостоились серьезного исследования. Так, когда я готовил статью о послании Курбского, одна моя коллега призналась, что видела это произведение в данной рукописи, но ничего интересного в этом не усмотрела – послание Курбского известно во множестве списков.

– *Каким образом вам удалось установить имя автора рукописи?*

– На первой странице сборника помещена автобиография автора с точными датами от «рождения плоти», 20 ноября 1561 года, до последнего путешествия из Нилова скита в Кириллов монастырь в июне 1621 года. Надо сказать, такая биография для XVI века – большая редкость. Тем не менее она двести лет пролежала никем не разобранная и не опубликованная. В своих странствиях по монастырям автор рукописи зарабатывал пением на клиросе; несколько раз он побывал в Тихвинском монастыре. Я нашел в архиве тогдашнего Ленинградского института истории приходно-расходную книгу Тихвинского монастыря конца XVI века. Так вот, даты посещения обители автором рукописи соответствуют записям в книге о выплате жалованья «головщику» странствующего монастырского хора «Ионе Соловецкому». Запись совпала точно по дням, а всего плата была совершена за две недели, то есть нет сомнений, что это какие-то случайные совпадения с другим лицом, дольше жившим в монастыре, это был именно писец сборника.

– *Что за феномен такой – «странствующий монастырский хор»?*

– Было такое явление, давно забытое. Хотя у Пушкина в «Борисе Годунове» описаны именно такие странствующие монахи – спутники Григория Отрепьева Варлаам и Мисаил. Пушкин взял эту историю у Карамзина, а тот – из исторического памятника начала XVII века «Извет старца Варлаама». В нем описана первая встреча с Отрепьевым, когда тот спрашивал Варлаама: «И который чин имеешь, крылошанин ли?», то есть профессиональный певец, с которым можно было пуститься в путь. Это была своего рода аскетическая практи-

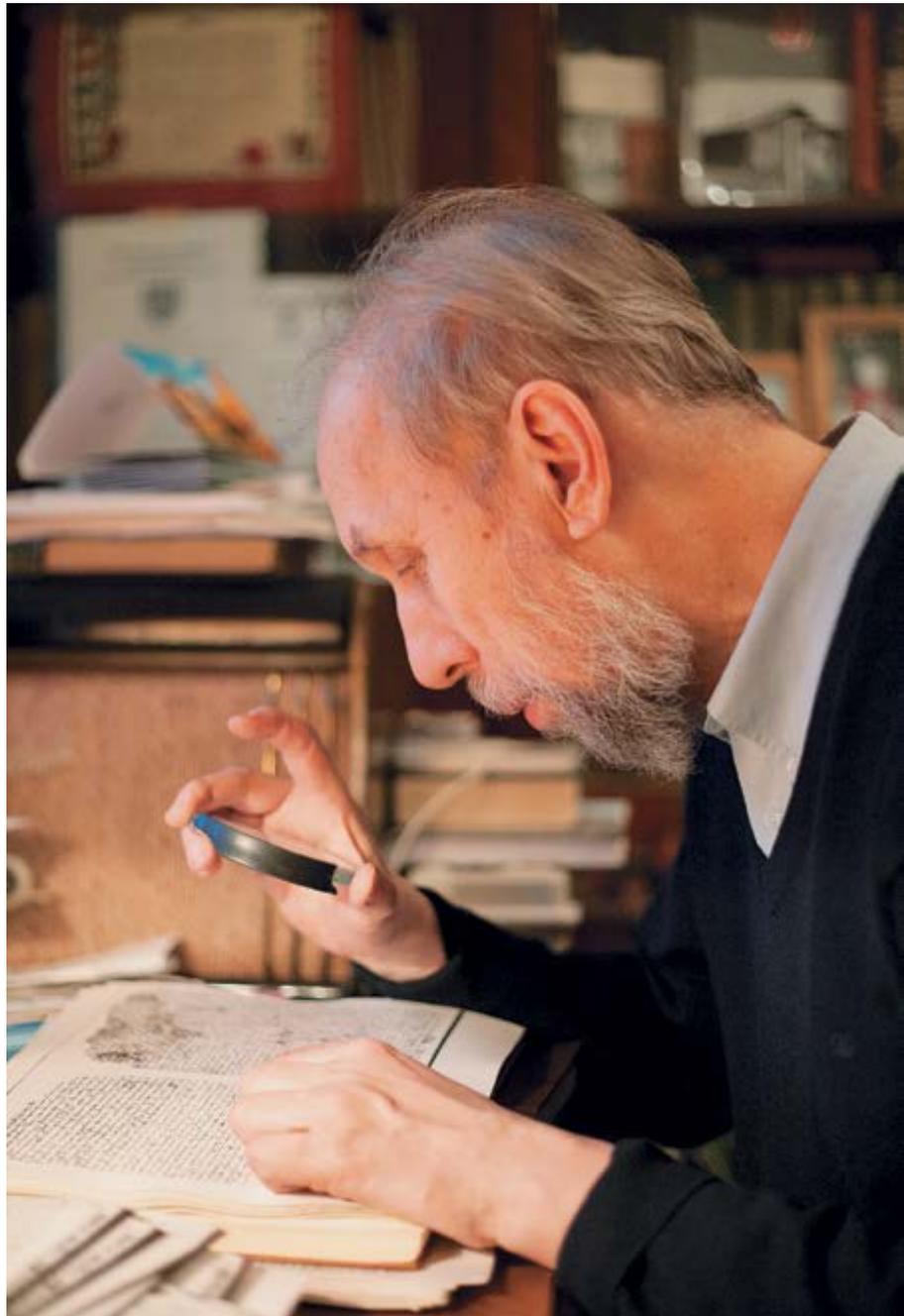
ка, монашеский подвиг, особое искусство церковного пения.

Иона Соловецкий, конечно, был не просто головщиком хора, а настоящим гением. Выходец из среды московских служилых людей, он проявил свои способности еще в отрочестве, когда проходил обучение в Чудовом монастыре Кремля. В возрасте 12 лет Иону назначают на должность секретаря-нотария при новгородском архиепископе Леониде. Понятно почему: до того Леонид был настоятелем Чудова монастыря. В середине 1570-х годов весь двор Ивана Грозного перемещается в покоренный Новгород, и архиепископ Леонид становится фактически во главе Русской церкви. Леонид пользовался полным доверием царя, он являлся проводником опричной политики. Интересно, что, будучи известным книжником своего времени, в Новгороде Леонид становится похожим на своего патрона. В так называемой второй Новгородской летописи Леонид поносит новгородское духовенство в излюбленных выражениях Ивана Грозного: «собаки, воры, изменники». Однако это не спасло Леонида от царской жестокости – в 1575 году он был смещен с кафедры и убит.

Иона опалы избежал. После смерти архиепископа он отправляется в Соловецкий монастырь, где в 1580 году принимает монашеский постриг. Соловки – центр интеллектуальной жизни того времени; Иона живет там несколько лет, совершенствует свои книжные знания. В 1587 году он уходит в странствие, которое, по сути, продолжается около сорока лет – до конца жизни. В 1606 году Иона возвращается в свое «обещание», то есть Соловецкую обитель. Однако в сентябре 1609 года, в разгар Смуты, вновь уходит в странствие. Всего он побывал в 22 монастырях, в основном на Вологодчине и Северо-Западе Руси.

– Почему же ученый книжник решил скитаться?

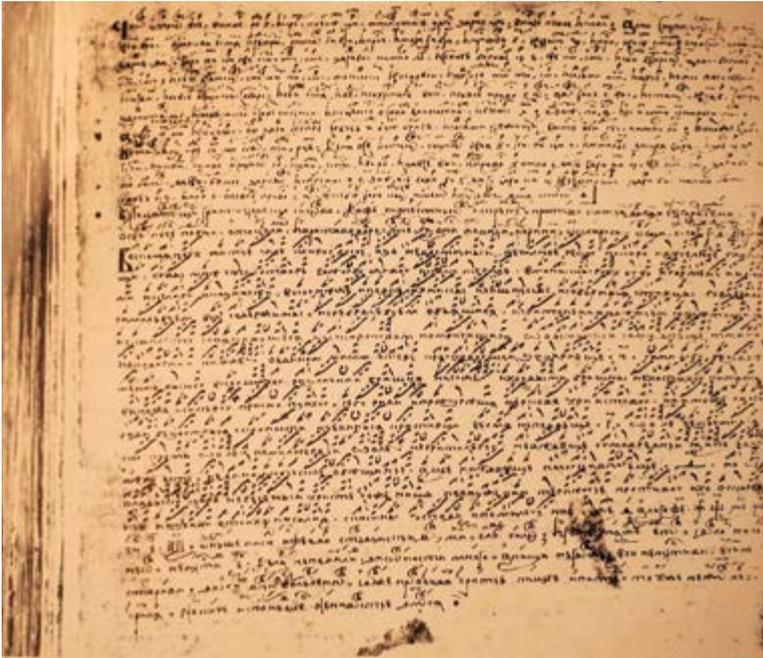
– Об этом есть только одна оговорка в его рукописи. У молодого постриженника произошел странный конфликт с соловецким игуменом Иаковом, хорошо известным своей деятельностью в сфере развития соловецкой книжности. Игумен монастыря решил возвести Иону в сан иеродиакона. Иона ответил, что «недостойн такого чину» и уходит жить «от таланта, еже ми даровал творец». Помимо клиросного жалованья Иона зарабатывал перепиской книг – в его архиве сохранился целый ряд технических руководств в этой области. Не забывал он и свою первую профессию – составление деловых бумаг и писание челобитных для третьих лиц. Его изысканный почерк должен был цениться по достоинству. Тексты архива-библиотеки Ионы написаны оригинальной каллиграфической скорописью, которая поражает не только своей миниатюрностью – высота букв порой не превышает миллиметра, – но и особым изяществом, прекрасной разборчивостью. Четкие, равномерно плотно исписанные

буквами строки имеют между собой пространство, заполненное элегантными лигатурами, надстрочными знаками, иногда использовалась тонкая вязь. Иона разработал и свою систему сокращения слов – иногда до одной-двух букв.

– Но ведь библиотеку он писал для себя. Понятно присутствие там сочинений Святых Отцов. А зачем монаху понадобилось послание князя Курбского?

– Монастыри того времени были центрами образованности не только духовной. В монастырских библиотеках хранились исторические произведения, естественно-научные, художественная литература, публицистика. Иона странствовал по разным монастырям и переписывал в их библио-

Страница
рукописи Ионы
с песней
«Воспомянух
житие своё
клиросное»

теках интересные книги или отрывки из книг. Уже в юные годы в его архиве появляются сложнейшие математические, медицинские, астрономические, астрологические трактаты, составившие основу средневековой мудрости. На одной из страниц рукописи Ионы приведен перечень книг его библиотеки – «Указ, что в сих тетрадах есть». В тетрадах, столбцах и 15 кодексах библиотека составляла свыше 2500 листов. Весь этот архив он носил с собой в мешках – передвигался Иона в основном пешком, лишь изредка его подвозили на телеге или на судне по воде. До нас дошла только небольшая часть – 240 листов – этой громадной библиотеки, но и она благодаря необыкновенно мелкому почерку содержит более 400 текстов. Рукопись Ионы включает немало уникальных и древнейших списков различных памятников древнерусской письменности, таких как «Почтение полезно к своей комуждо души некоего Ермалая», памятник литературы нестяжателей «Повесть зело полезна отца Нила», полуфантастические рассказы о сибирских народах «Сказание о человецех незнаемых в Восточней стране и о языкех розных», «Повесть о посаднике Щиле»; календарно-математические тексты, восходящие к «Учению» Кирика – первого русского математика XII века; астрологическо-медицинский трактат со схемой точек кровопускания. В архиве имеется большое количество практических наставлений и рецептов разнообразного содержания: по домашнему хозяйству и кулинарии, сельскому хозяйству и садоводству, рыболовству, медицине и ветеринарии, разным ремеслам; особенно подробны и оригинальны тексты, касающиеся техники книжного и живописного дела.

– Должно быть, в архиве много церковных распевов. Кому-нибудь удалось их расшифровать?

– Собственно церковного пения почти не сохранилось. В рукописи имеется клирошанский фольклор, в частности песня, начинающаяся словами: «Воспомянух житие своё клиросное». Песня записана «крюками», как церковное пение того времени. Существует и современная ее обработка композитором Альфредом Шнитке.

– Что представляют собой «сложнейшие математические, астрономические трактаты»?

– Например, пасхалия – наука, занимающаяся исчислением даты Пасхи. В те времена пасхалия считалась очень сложной умственной работой, в которой использовалась масса математических и астрономических вычислений. В рукописи сохранилось пособие по исчислению и записи очень больших чисел – по тем понятиям «высшая математика». Для записи тысяч и миллионов использовались особые буквы с хвостиками, кружочками, звездочками, лучиками. Иона записывает и самое большое число тогдашней математики – 100 миллионов.

– Остальная часть библиотеки Ионы Соловецкого потеряна безвозвратно?

– В наше время, когда все древние архивы изучены, найти другие рукописи Ионы представляется маловероятным. Но мне все-таки посчастливилось один текст найти. Я работал в Архиве древних актов, просматривал рукописи из собрания графа Румянцева. Открыл Судебник Ивана IV – и ахнул... Судебник написан неповторимым почерком Ионы! Текст оформлен в превосходной каллиграфии: многие начальные буквы утолщены и имеют элементы украшений, превращаясь, таким образом, в мелкие инициалы; к этим инициалам близки по начертанию и вынесенные на поля номера глав. Дата в начале текста Судебника – «Лета 7058-го июня в 1» – выполнена изящной вязью высотой букв в три строки и «вмонтирована» в текст в середине листа. Филигрань рукописи – одноручный кувшинчик, на крышке которого украшение, напоминающее гребешок с полумесяцем.

Вообще, история с открытием архива Ионы Соловецкого довольно темная. Рукописи нашел Константин Калайдович в начале XIX века. Основатель нашей археографии, как и Иона, тоже был своего рода вундеркинд. Константин окончил Московский университет в 16 лет, сразу стал преподавать, в 17 лет написал первую книгу. В 1812 году он вступил в ополчение, а после окончания войны в 1814 году отправился во Владимирскую губернию в первую археографическую экспедицию. Ехал Калайдович самостоятельно, за свои деньги, без какой-либо поддержки. И чтобы власти губернии к нему благосклонно отнеслись, он подделал для себя подорожную грамоту – тогда ведь без сопроводительных документов передвигаться по стране было затруднительно. Однако обман был раскрыт, и Калайдовича уволили из

университета. И даже поместили в сумасшедший дом. А через полгода по протекции отца, известного врача Федора Калайдовича, определили на покаяние в Николо-Пешношский монастырь. Архив Ионы Калайдович наверняка нашел в ходе своей владимирской экспедиции. Как уж он его заполучил – остается тайной. Только когда юный ученый вышел из монастыря на свободу, ему нужно было как-то устраиваться. Основную часть найденной рукописи Калайдович продал графу Федору Толстому, а Судебник подарил графу Румянцеву, чтобы тот его на работу взял в Комиссию печатания государственных грамот и договоров. В 1817 году Калайдович вместе с Павлом Строевым отправились по подмосковным монастырям в первую официальную экспедицию. Нашли уникальные материалы, например Судебник Ивана III, который до сих пор известен в единственном экземпляре. Ученые собрали множество рукописей и, чтобы опубликовать их, создали Археографическую комиссию, в которой я до сих пор и работаю. Так получается, что вся история нашей науки связана с Ионой Соловецким.

– Почему вы считаете, что архив Ионы был найден во Владимирской земле?

– Последние десять лет своих странствий Иона провел в пришекснинских монастырях – Кириллове, Феррапонтове, Зосимо-Ворбозомской пустыни, Нилове ските и в соседнем Спасо-Каменном монастыре, – по своему обыкновению переходя и возвращаясь из одного в другой. Последняя дата в автобиографии, написанная на отдельном листе и сознательно помещенная в самом начале сборника, совпадает с палеографической датировкой как данного листа, так и описания рукописей архива-библиотеки. Изучение сборника прямо говорит о том, что Иона в 1621 году – в год своего шестидесятилетия – приводил в порядок свои рукописи, написанные в разные периоды и в разных местах. Тетради сгруппированы по понятным их писцу признакам, пронумерованы и постатейно описаны. Более поздних датированных текстов в сборнике нет. Однако в одной записи, озаглавленной «Летописец вкратце от царство Неронова...», указаны 1621–1622 годы. На эту запись обратили внимание первые исследователи сборника, но не смогли ее правильно расшифровать. На самом деле в ней фигурируют игумен Федоровского монастыря города Переславля-Залесского Рафаил и владыка Суздальский. Последним в то время был Арсений Элассонский – греческий епископ, приехавший Москву в 1586 году. Арсений известен как видный деятель своей эпохи, ученый, поэт, автор воспоминаний – важного источника по истории России конца XVI – начала XVII века.

Я уверен, Иона познакомился с Арсением Элассонским еще в 1595 году, когда единственный раз во взрослом возрасте приехал в Москву и жил в тече-

Страница рукописи с пособием по «высшей математике». Шестизначные числа в верхней части листа даны весьма оригинальными знаками

ние трех месяцев в Чудовом монастыре. Арсений тогда являлся настоятелем Архангельского собора Кремля. Номинально назначенный на Суздальскую кафедру в 1615 году, престарелый епископ реально приехал в Суздаль только в 1621 году. Можно предположить, что, узнав о занятии Суздальской кафедры просвещенным иерархом, Иона решил провести остаток своей жизни под его покровительством и переехать в один из владими́ро-суздальских монастырей или по своему обыкновению переходить из одного в другой. Большая дорога из Белоозера в Суздальщину шла через Переславль, где Иона, очевидно, останавливался в Федоровском монастыре.

Дальнейшая судьба Ионы Соловецкого неизвестна. Однако я полагаю, что само приведение Ионой рукописей в порядок и составление автобиографии было сделано под влиянием Арсения. Ученый грек в то же самое время пишет свои мемуары, составленные, так же как и автобиография Ионы, на основании многолетних дневниковых записей. Кроме того, в архиве странствующего клирошанина имелась тетрадь с упоминанием владыки. Видимо, во Владимирской земле Иона и умер, а его архив хранился в одном из местных монастырей. Логично предположить, что Калайдович нашел рукопись во время своей владимирской экспедиции. Хотя у него и прежде имелась библиотека рукописей, но она сгорела в пожаре в 1812 году. Калайдович не мог передать графу Толстому сборник Ионы

Соловецкого ранее, так как познакомился с ним на полях Отечественной войны уже после гибели своей библиотеки.

– *Дошедшие до нас тексты Ионы Соловецкого все опубликованы?*

– Нет конечно. Я исследовал и опубликовал всего несколько произведений, на мой взгляд, самые интересные: «Автобиографию», «Послание Курбского», «Приход в Кириллов монастырь» – это подробное описание порядка приема в монастыре странствующего хора; частично дорожники, частично письмовник, в котором просматривается личность автора. Задача ведь не просто расшифровать рукопись и напечатать ее – нужно научную работу проделать, сверить данный список произведения с другими известными списками. Так, я взялся за сочинения Максима Грека в библиотеке Ионы и потратил все два месяца своего отпуска на их сверку с другими источниками.

– *Что это за письмовник и какой портрет автора проявляется в нем?*

– Письмовник – сборник писем, составленный из своих и чужих писем. Основная масса содержит лишь формуляры и отрывки с образцами красноречия. Например, такой: «Послание протопопу Воскресенского собора города Корелы Иже в Третий Риме велицей России по области благочестивых скипетродержателей русских от многочисленных градов Богом спаса-

емого града...» Однако несколько личных писем Ионы приведены целиком. Интересна его переписка с бывшим рязанским епископом Филофеем. Иона встретился с ним на Соловках, куда Филофей был сослан Иваном Грозным еще в конце 1560-х годов. Между ними сразу установилось духовное родство, продолжавшееся до самой смерти иерарха в 1594 году. Филофей не был его формальным духовником – просто старшим наставником. Мне удалось установить, что Филофей также был ученым книжником, в частности найти некоторые его рукописи, на которых, как особо отмечено в описных книгах, были роскошные «заставицы фряжские». Вероятно, у Филофея когда-то была большая библиотека, от которой до нас дошли лишь крохи. Что касается периода изгнания рязанского владыки, то, кроме писем Ионы, у нас нет других сведений о его жизни. Иона переписывался и с другими видными книжниками – круг интеллектуалов того времени был довольно замкнут, все они знали друг друга и поддерживали связь. Причем социальный статус книжника роли не играл – тот же Иона был никто, странствующий инок, но он на равных делился своими мыслями и даже наставляет архиереев и настоятелей монастырей. Иона Соловецкий – представитель малоизвестного типа вольных интеллектуалов Древней Руси, уделом большинства из которых было монашество. И его богатейшее рукописное наследие еще ждет своего комплексного изучения. **❶**

КАШУБЫ, МАЛАМУТЫ И БИКИНИ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ГОРОД NN, В КОТОРЫЙ ПРИБЫЛ КОЛЛЕЖСКИЙ СОВЕТНИК ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ ЧИЧИКОВ «ПО СВОИМ НАДОБНОСТЯМ», СКРОМНО, НО ГОРДО НЕС ЗВАНИЕ ГУБЕРНСКОГО. А ПОСЕМУ ИМЕЛ РЕПЕРТУАРНЫЙ ТЕАТР, А НЕ КАКУЮ-ТО ТАМ ЯРМАРОЧНУЮ АНТРЕПРИЗУ. В ДЕНЬ ЗНАКОМСТВА ЧИЧИКОВА С NN АФИША СООБЩАЛА, ЧТО ТРУППА ДАЕТ СПЕКТАКЛЬ ПО ПЬЕСЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ПОПУЛЯРНОГО В РОССИИ НЕМЕЦКОГО ДРАМАТУРГА АВГУСТА ФОН КОЦЕБУ.

В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века пьесы этого литератора ставились во множестве театров, прежде всего российских. Если проводить аналогию с сегодняшним днем, то Коцебу для своего времени был тем, чем сегодня для шоу-бизнеса является Стас Михайлов. Среди критиков и продвинутой публики даже бытовал такой термин – «коцебятина», означавший предельно тривиальную мелодраматургию. Тем не менее находились люди, сравнивавшие творения Коцебу с шедеврами Шиллера и Гёте. Однако все сказанное вовсе не означает, что Август Фердинандович был таким авантюристом от литературы, потакавшим исключительно низменным или пошлым вкусам.

Уроженец саксонского города Веймара, Коцебу получил отличное образование. Жил попеременно в Берлине, Петербурге, под Нарвой, вновь в Берлине и вновь в Петербурге. В годы царствования Павла I умудрился попасть в опалу и отправился в ссылку в Сибирь. Был прощен императором после прочтения одной из свежих пьес. Коцебу был чрезвычайно плодовит. Во всех смыслах. В профессиональном плане он успел реализовать не только как драматург, но и как издатель, собственный корреспондент Екатерины Великой в Пруссии, политик, дипломат,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Август Фридрих Фердинанд фон Коцебу (1761–1819), немецкий драматург и романист

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иван Федорович
Крузенштерн
(1770–1846),
мореплаватель,
адмирал.
Литография
П.Ф. Бореля.
Середина
XIX века

биограф. Как литератор, Коцебу оставил после себя 210 драматургических произведений! Полное собрание его сочинений составило 40 томов. А кроме того... Как истовый продолжатель древнего рода, Август Фердинандович тоже «впереди планеты всей». Он был три раза женат и родил 18 детей. И, что крайне удивительно для начала XIX века, почти все девочки и мальчики выжили и достигли взрослого возраста. Одним из них был Отто Коцебу. Кстати, о фамилии, ударение в которой на последний слог. Звучит совсем не по-германски. И тому есть объяснение. «Ботаники», специализирующиеся на родовых древах, относят происхождение фамилии к названию славянского племени, населявшего земли польского Поморья. Когда-то оно так и называлось – поморяне. Позже – кашубы.

Шлюп
«Надежда».
Рисунок
из дневника
Ермолая
Левенштерна.
21 июня
1804 года

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

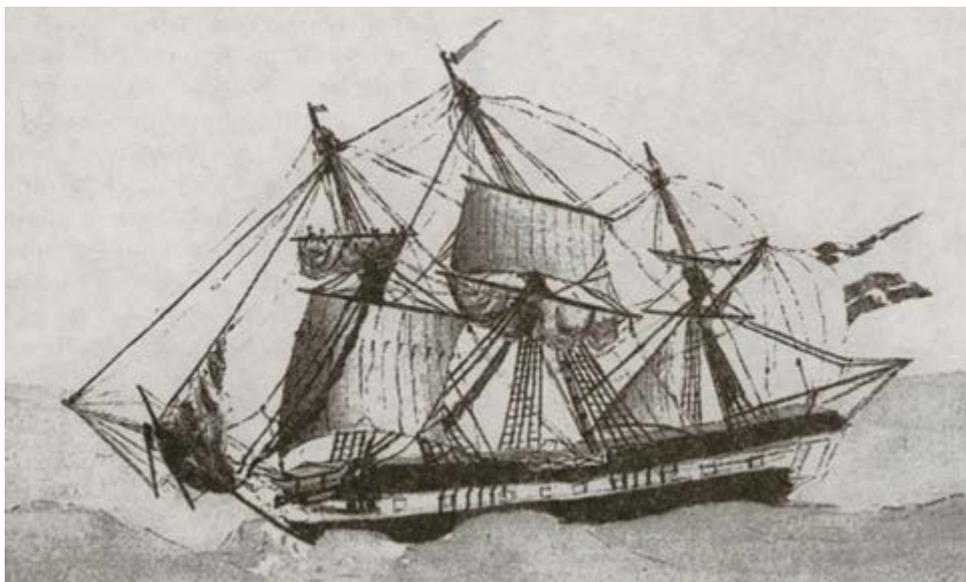
Отто явился на свет в первом браке Августа фон Коцебу 30 декабря 1788 года в Ревеле, то бишь Таллине. Мать носила фамилию Эссен. И пусть в этом старинном дворянском шведско-немецком роду, осевшем в России в XVIII веке, большинство мужчин служили на суше, нам он более известен благодаря Николаю Оттовичу фон Эссену, командующему Балтийским флотом в годы Первой мировой войны.

Большой мир не собирался улыбаться маленькому Отто. В неполные два года он потерял мать, умершую при очередных родах. Отец как раз в это время впутался в неприятную политическую историю в Германии, и ему было не до детей. В 6 лет мальчик обрел мачеху, которая тут же принялась приумножать семью Коцебу. Старших сыновей начали распределять по военным учебным заведениям. Отто угодил в Первый петербургский кадетский корпус, готовивший офицеров для сухопутных войск. Неизвестно, как бы сложилась его судьба, если бы не выбор отца во втором и третьем браках. Жены плодовитого драматурга были сестрами известного русского моряка и путешественника Ивана Крузенштерна. Вторая жена, Кристина Гертруда, умерла в 1803 году. Следующая, Вильгельмина Фредери-

ка, появилась в 1804-м. Само по себе все это не слишком интересно, но есть нюанс. Именно в 1803-м в России затеяли первую кругосветную экспедицию, которая продлилась до 1806 года. И одна из сестер посposоествовала тому, чтобы Иван Крузенштерн, назначенный государем руководить проектом, изъял из кадетского корпуса 14-летнего Отто Коцебу и его младшего брата, Маврикия, и определил обоих волонтерами на головной шлюп «Надежда».

Кадетская рутина в одночасье превратилась в невероятное приключение, которое и определило дальнейшую жизнь юноши. Шлюпы «Надежда» и «Нева», которыми командовали капитан-лейтенанты Крузенштерн и Юрий Лисянский, покинули кронштадтский рейд 7 августа 1803 года. О значимости события свидетельствует то, что император Александр I, относившийся к морю и флоту, мягко говоря, равнодушно, тем не менее лично проверил состояние шлюпов, построенных и прибывших из Англии. Не исключено, впрочем, что государя эта экспедиция заинтересовала не по причине ее научной значимости, а в связи с куда более прозаическими задачами. Британские, французские, голландские монопольные торговые компании, вроде широко известной Ост-Индской, осваивали ресурсы земель, отделенных от Европы тысячами морских миль. Россия еще в самом конце XVIII века двинулась по этому пути, когда с подачи сибирских купцов и промысловиков Павел I в 1799 году утвердил-таки создание Российско-американской компании (РАК). Задачи частной монопольной компании, наделенной рядом государственных функций, определялись так: организовать достойное управление Русской Америкой (см.: «Русский мир.ру» №2 за 2015 год, статья «Земля российского владения»).

Шлюпы «Надежда» и «Нева» должны были посетить Аляску, Сахалин, Камчатку, Курильские

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

острова, Японию. Все эти земли в той или иной степени входили в сферу интересов сибирских торговцев из РАК. А посему именно Российско-американская компания и финансировала весь проект. От императорского двора в «нагрузку» начальнику экспедиции Крузенштерну добавили Николая Резанова со свитой. Резанов был отправлен императором в Японию в качестве посланника, первого в истории, между прочим. Полномочия Николаю Петровичу были даны обширные, так как параллельно он представлял интересы созданной не без его участия Российско-американской компании. Формально он руководил экспедицией наряду с Крузенштерном, о чем последний узнал уже далеко от родных берегов. Конфликт на борту разразился нешуточный, погасить его удалось только в Петропавловске-Камчатском. Первые месяцы плавания экипаж развлекал еще один пассажир – знаменитый бретер начала XIX века граф Федор Толстой по кличке Американец. Вернее, кличка прилипла к нему как раз после того, как он поучаствовал в первой кругосветке и был раньше ее окончания высажен Крузенштерном на Камчатке за немислимое на борту военного корабля поведение.

Очевидно, что юный Коцебу оказался в блистательной компании. Но если верить воспоминаниям участников похода, предпочитал в склоки и интриги кают-компаний не ввязываться. Да и статус волонтера не позволял ему вести себя с офицерами на равных. Отто тяготел к простой матросской жизни. Этот опыт общения с моряками шлюпа «Надежда» впоследствии сослужил ему хорошую службу. Морской офицер Коцебу всегда легко находил общий язык с экипажами. Начальнику двух кругосветных экспедиций без этого никак нельзя. А вот что вспоминал о Коцебу сам Крузенштерн: «В весьма молодых, правда, летах сопутствовал он мне, будучи кадетом, на

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Л. Чорис.
Корабль
«Рюрик»
у Пенриновых
островов.
Литография
XIX века

корабле «Надежда», и в сем путешествии положил весьма хорошее основание к познаниям по той службе, которой решил себя посвятить. Особенно имел я случай заметить, что он с отличным рвением занимался описью берегов, астрономическими наблюдениями и черчением карт, что для него было весьма кстати, поелику он, по окончании того путешествия, не мог бы иметь столь удобного случая образоваться в сей области морского служения».

Дж. Доу.
Парадный
портрет графа
Николая
Петровича
Румянцева

ВТОРАЯ КРУГОСВЕТКА

Участников первой русской кругосветной экспедиции наградили щедро. Офицеров – пожизненным пенсионом и повышением в чинах. Всем рядовым матросам предоставили возможность выйти в отставку, явись у кого из них такое желание. Отто Коцебу получил первый офицерский чин – мичмана, минуя обязательный кандидатский чин гардемарина. В то время флотский чин «мичман» соответствовал армейскому «поручик». По-нашему, примерно старший лейтенант. Спустя пять лет Коцебу получил эполеты лейтенанта флота, что равноценно нынешнему званию капитана в армии. И было за что. Отто Евстафьевич (отчество Августович было изменено после перехода в православие. – Прим. авт.) вошел в историю как русский рекордсмен кругосветных плаваний, открыватель новых земель, ученый. Но поведать ему тоже довелось.

В 1808–1809 годах грянула очередная, и последняя, война со Швецией. Поводом стал отказ шведского короля воевать вместе с Данией и Россией против... Англии, с которой, в свою

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

очередь, уже начала войну за Пиренейский полуостров наполеоновская Франция, готовая поддержать Россию в войне против Швеции за... Финляндию. Если вспомнить, что в антинаполеоновской 3-й коалиции от 1805 года состояли русские, англичане и шведы вкупе с австрийцами и что в 1812 году Бонапарт вторгся в Россию, а сама Россия в 1813-м гнала его по Европе вместе с англичанами и шведами... Лихое было времечко!

Как бы то ни было, мичман Коцебу исполнял свой долг, командуя транспортным парусником «Фрау Корнелия», отбитым у шведов. В 1811–1814 годах лейтенант Коцебу – командир яхты «Ласточка». Казалось бы, сны о покрытых зеленью тропических островах, едва выступающих из океана коралловых атоллах, белоснежных шапках камчатских хребтов, холодном блестящем в аляскинских заливах навсегда останутся снами. Равно как и реальность повседневной жизни морского офицера в водах и портах изученных-переизученных Балтийского и Белого морей.

Второй раз мир широко улыбнулся Коцебу в 1814 году. На флоте в достатке имелось опытных и бесстрашных офицеров, но Крузенштерн вспомнил именно об Отто. Вспомнил и порекомендовал назначить его командиром скромного брига «Рюрик», специально построенного для осуществления давнего крузенштерновского проекта. Очень хотелось Ивану Федоровичу открыть или хотя бы поспособствовать открытию северо-западного морского пути из Тихого океана в Атлантический в обход Северной Америки. Еще в середине XVIII века такую попытку предпринял будущий адмирал, единственный среди адмиралов кавалер ордена Святого Георгия 1-й степени Василий Чагагов. Однако льды не пропустили. Идею повторить опыт одобрил граф Николай Румянцев, считанные месяцы назад вышедший в отставку с высшей государственной должности – канцлера Российской империи. Сын вели-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

кого полководца Петра Румянцева славился любовью к большим проектам в науке и искусстве и желанием их оплачивать. 180-тонный 8-пушечный бриг заложили на верфи в финском городе Або, ныне – Турку. Построили быстро, и к лету 1815 года корабль был готов к дальнему плаванию. Коцебу вышел в свою вторую кругосветку 30 июля 1815 года, спустя полтора месяца после роковой для Наполеона битвы при Ватерлоо. Так что выход «Рюрика» из Кронштадта просвещенной общественностью был не замечен. Впрочем, государь откликнулся на просьбу Коцебу поднять над бригом военноморской флаг. В экипаже числилось помимо самого командира еще 27 человек при двух офицерах – лейтенантах Глебе Шишмареве и Иване Захарьине. Научную часть коллектива составили естествоиспытатели Иоганн фон Эшшольц, Адальберт Шамиссо, Мортен Вормскильд и живописец Луи Чорис. Да, длина брига составляла 30 метров, осадка – 2. Осталось представить себе Тихий

Л. Чорис.
Русская экспедиция под руководством Отто Коцебу на Гавайях. 1816 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

О.Е. Коцебу.
Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив [Ч. 1–3. С.-Пб., 1821]. Титульный лист

океан где-нибудь между Чили и Австралией.

Довольно сказать, что в этой экспедиции Коцебу был дважды рядом со смертью. Когда «Рюрик» огибал крайнюю южную точку Латинской Америки, мыс Горн, одна из гигантских волн прокатилась по палубе брига. Командира сбilo с ног убегающей водой и должно было смыть за борт, но он уцепился за бухту с канатами и чудом уцелел. Уже весной 1817 года «Рюрик» попал в сильный шторм на пути от Гавайских островов к Аляске. При ударе волной Коцебу налетел грудью на острый угол палубной надстройки с такой силой, что на секунды потерял сознание. Досталось всем, кто находился на палубе. К слову, за три года экспедиции экипаж потерял трех человек: лейтенант Захарьин сошел на берег на Камчатке, кузнец Сергей Цыганов умер после долгой болезни, скрыв ее при формировании экипажа, матрос Шафей Адисов сбежал с корабля в Чили, в порту Консепсьон.

Ну и зачем все это понадобилось? Перечислять все открытия и полезные наблюдения, сделанные во время этой кругосветки – дело долгое и ненужное. Детали можно узнать из книги самого Коцебу «Путешествия вокруг света», впервые изданной в 3-х томах в Петербурге еще в 1823 году. А общие итоги таковы: открыты три сотни островов в Тихом океане, внесены поправки в местоположение ранее открытых объектов, исследованы и описаны сотни километров американского побережья на Аляске, открыт глубокий залив, названный его именем, проведены этнографические исследования коренных жителей различных мест, в частности на Маршалловых островах и Аляске. Пройти северо-западным проходом, как изначально задумывалось, не вышло. Врач категорически запретил сильно травмированному Коцебу дальнейшее пребывание в высоких широтах. Подремонтировав бриг в порту Манилы, командир взял курс домой.

ТРЕТЬЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Что до Маршалловых островов, то тут Коцебу открыл атолл, получивший название в честь исследователя Эшшольца. Такова была практика, принятая в кругосветке: давать открытым землям имена участников экспедиции или людей, причастных к ней. Аборигены называли атолл «Пикини», то есть «кокосовое место». Со временем слово трансформировалось во всемирно известное «бикини». Но случилось это уже в 1825 году, во время его третьей кругосветной экспедиции.

Вернувшись в 1818 году в Петербург и ошвартовав «Рюрик» на Неве, напротив дома графа Румянцева, Коцебу отправился служить в Ревель офицером для особых поручений при тамошнем генерал-губернаторе адмирале Алексее Спиридове. Получил очередной чин и орден. Казалось, о капитан-лейтенанте вновь забыли. Это было нетрудно, так как Отто Евстафьевич отличался скромностью и нерасположенностью к светской жизни. О себе он писал так: «Находясь в открытом море, я всегда радовался появлению земли. Правда, и мне было небезынтересно водить корабль в далекие моря и бороться с изменчивой стихией. Но по-настоящему увлекало меня лишь знакомство с новыми странами и их обитателями. Именно тут обрел я награду за трудности пути...»

Предложение о третьей кругосветке пришло неожиданно. О том, что Русская Америка спустя каких-то четыре десятка лет будет продана США, никто в 20-е годы XIX века не задумывался. Наоборот, старались про Аляску не забывать. В 1823 году снарядили в поход совершенно новый шлюп – «Предприятие». Он был не чета крохотному «Рюрику». Экипаж состоял из 118 человек, 12 из которых – офицеры. На борту 24 орудия. Мог принять до 750 тонн груза. Длина около 40 метров. В истории парусного флота «Предприятие» памятно тем, что стало первым кораблем, который строился в закрытом эллинге.

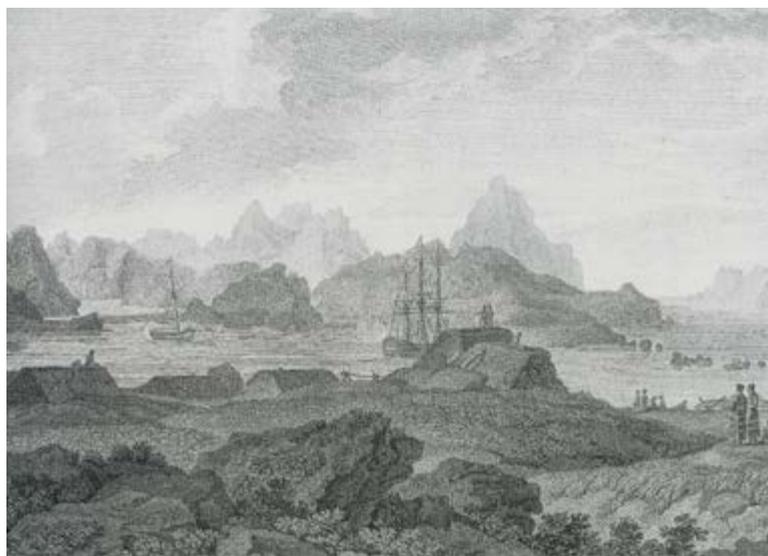
И.К. Айвазовский.
Ревель. 1844 год

Первоначальная задача тривиальна: доставить грузы в Петропавловск-Камчатский и Ново-Архангельск. Этот поселок был столицей Русской Америки. Теперь это город Ситка. После разгрузки начать патрулирование вдоль берегов, так как начиная с 1821 года появилось ощущение, что янки надо поставить на место. Уж больно бесцеремонно вели они себя рядом с русскими территориями, браконьерствовали в чужих водах и прочее. Некоторые излишне энергичные парни за океаном уж утверждали, что дело идет к полновесной войне. Активно вели себя и британцы, чьи владения в северо-западной Амери-

ке примыкали к Скалистым горам – естественной границе, отделявшей их земли от наших. Им не терпелось добраться до океанских вод на равных правах с русскими.

По мере готовности шлюпа к выходу в море задачи, поставленные перед командой, изменились. Теперь предлагалось произвести кругосветку и заняться исключительно научной работой. В состав экипажа влились студенты Дерптского университета – астроном Прейс, минералог Гофман и физик Ленц. Ленц со временем стал академиком, одним из великих русских физиков. Последняя поправка пришла за несколько дней до старта. В высших сфе-

Вид устья
Капитанской
гавани
на острове
Уналашке
от алеутского
селения
Иллюлюк.
Гравюра на меди
И.В. Ческого

рах решили, что «Предприятие» и грузы будет возить, и наукой заниматься.

Шлюп покинул Кронштадт в августе 1823 года. Первая нештатная ситуация возникла на Канарских островах. На подходе к Тенерифе шлюп был обстрелян береговыми батареями города Санта-Крус. Позже выяснилось, что местный губернатор – записной либерал и радикально не согласен с внешней политикой русского царя, надзирающего над Европой после Венского конгресса. Посему для него Андреевский флаг точно красная тряпка для быка. Это был не первый случай, когда корабль Коцебу встречали недружелюбно. Во время плавания на «Юрике» он приблизился к острову Святой Елены, где пребывал экс-император Франции. Британцы, охранявшие Наполеона, были крайне агрессивны. Даром что союзнички.

На пути к Аляске Коцебу много что успел. Например, открыл еще десятки островов и атоллов, не только Бикини. Нашел на Таити удобную бухту, в которой теперь расположена столица Французской Полинезии Папеэте. Замерил вместе с Ленцем температуру океанской воды на глубине почти 1800 метров. Впервые в истории. Фактически Ленц в этой экспедиции создал новую науку – океанографию, так как проводил множество наблюдений на воде и

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

под водой. А доктор Эшшольц описал 2400 видов животных, собрав к тому же кое-какую коллекцию фауны.

Воевать шлюпу не пришлось. Пока он добирался до Ново-Архангельска, русские и американские дипломаты заключили конвенцию, согласно которой граждане США получили право пользоваться нашими водами у берегов Аляски и Калифорнии. Опасность войны миновала, хоть и за российский счет. Коцебу понимал, что состояние здоровья вряд ли позволит ему еще раз оказаться в здешних местах. Он был готов рискнуть и еще раз попробовать найти северо-западный проход, рвануть через Берингов пролив, а там повернуть «Предприятие» на восток и продрагаться в Атлантику. Но дело шло к зиме, шлюп требовал ремонта...

Коцебу повернул в пенаты. Зашел по дороге на остров Святой Елены, Бонапарта уже не

было в живых, шлюпу никто не препятствовал. В июле 1826 года «Предприятие» появилось в Кронштадте. Отто Евстафьевич получил кавторанга. И адъютантскую должность у хорошо знакомого адмирала Спиридова. Позже стал командиром линейного корабля «Император Петр I», еще позже – командиром 23-го флотского экипажа. Была такая военно-административная единица в императорском флоте, экипажи – те же армейские полки, только численностью меньше. В 1828-м Коцебу переведен в Петербург, в состав Гвардейского флотского экипажа. В 1829-м произведен в капитаны I ранга. Изменения в жизни признанного путешественника происходили ежегодно. То ли ему искали место в системе, необременительное, но достойное. То ли он искал себя на берегу. Кончилось тем, что по состоянию здоровья Коцебу вышел в отставку в 1830-м. Последние шестнадцать лет жизни занимался землей. Такой непохожей на живые и прозрачные волны. Вел хозяйство в поместье, причем, как отмечали многие соседи, отменно. Все у Коцебу было лучшим. Жаль, не сообщают биографы о том, какие собаки водились в поместье. Может быть, удалось Отто Евстафьевичу вывезти пару-тройку щенков и с Аляски.

Л. Чорис.
Ледяные горы (ископаемый лед) на берегу залива Коцебу. Литография XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Свадьба Г.Г. Карпова и В.Н. Гучковой.
Во дворе дома А.Т. Карповой
на Большой Ордынке. 1910 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

КРУГ ЖИЗНИ

Купеческая свадьба

АВТОР

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА*

БЛАГОДАря ДОШЕДШИМ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ ВОСПОМИНАНИЯМ И ДНЕВНИКАМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БОГАТЫХ МОСКОВСКИХ КУПЕЧЕСКИХ СЕМЕЙ – АБРИКОСОВЫХ, ТРЕТЬЯКОВЫХ, ЩАПОВЫХ, ЩУКИНЫХ, САБАШНИКОВЫХ, БАХРУШИНЫХ И ДРУГИХ – МЫ МОЖЕМ РЕКОНСТРУИРОВАТЬ ТАКОЙ ВАЖНЫЙ В ЖИЗНИ КУПЕЧЕСТВА РИТУАЛ, КАК СВАДЬБА.

КАК ПРАВИЛО, КУПЕЧЕСКИЕ браки заключались внутри своей среды, чтобы предпринимательские связи дополнялись родственными. На протяжении XIX века все большее количество браков в купеческой элите заключалось по любви, когда молодежь знала друг друга, знакомясь, например, на балах или во время дачного отдыха. Во второй половине XIX века практиковалось общение молодежи для брачных поисков

на званых ужинах и танцевальных вечерах, а также сватовство. После знакомства жених и невеста приглядывались друг к другу, и если чувствовали взаимный интерес, то брак мог быть заключен.

Дочь купца Николая Харузина Вера (впоследствии профессор этнографии. – Прим. авт.) впервые присутствовала на балу, будучи 15-летней ученицей старшего класса гимназии. Бал этот происходил на Рождество 1882 года, то есть в январе, в особняке купцов Боткиных на Покровке: «Рождественский бал устроили именно для нас, подрастающей молодежи». Чтобы

заказать бальное платье, Веру повезли «к дорогой француженке-портнихе, мадам Олэнд Базен». Было сшито белое кисейное платье, украшенное розовыми лентами, волосы девушки завили тирбушоном – то есть локонами в виде спирали – и перевязали розовой лентой. Молодежь, отчасти знавшая друг друга с детства, несколько стеснялась себя повзрослевших. «Барышни топтались вместе с молодыми людьми посреди комнаты, смеялись, перекидывались шутками, дразнили друг друга». После бесед во внутренних комнатах все перешли в ярко освещенную большую залу: там «царило большое оживление» и танцевало несколько десятков пар.

На таких балах, ставших со второй половины XIX века традицией среди купечества, подражавшего дворянству, действительно составлялись брачные партии. Однако вплоть до середины XIX века доминировала деловая установка на брак, а союз по любви считался исключением и прихотью. В найденном в архиве письме, которое написано в середине 1840-х годов, купчиха Марья Борисовская пишет дочери о коллизии, создавшейся в семье. Сын Борисовских собрался жениться, мать была не против девушки, считая, что сын волен выбирать себе невесту сам, но глава

Продолжение. Начало см.:
«Русский мир.ru» №8 за 2016 год.

семьи воспротивился тому, чтобы молодой человек выбрал себе невесту самостоятельно, а не традиционным способом, когда девушку находили родители или сваха. Владелец сахарорафинадного завода и бумагопрядильни купец Мартемьян Иванович Борисовский сердился на жену, что она приучила детей к слишком большой свободе. Марья Борисовская пишет: «Мой супруг имеет на меня большую неприятность, всем жалуется, что я детей избаловала. Как он хочет, но я и живу одними только детьми. Ты знаешь, какое же мое особенное баловство? Только одна моя материнская любовь, что я вас не принуждаю жениться и выходить за тех, которые вам не нравятся. Верно уж так Богу угодно, чтобы мне этот крест нести до самой моей смерти».

В XIX веке был сильно развит институт сватовства. Мемуарист Иван Белоусов в книге «Ушедшая Москва» писал, что в Москве свахи, реже сваты, только тем и жили, что ходили по домам, где были женихи и невесты, и сватали молодых людей друг другу. Дело свах состоялось в том, чтобы расхвалить ту или другую сторону и довести дело до законного брака. Свахи обсуждали кандидатуры подходящих женихов и невест с отцами и матерями молодых людей и девушек на выданье. Главным было подобрать партию равного социального положения и с хорошим приданым. При этом родители в последнюю очередь могли спрашивать детей, хотя ли они жениться и выходить замуж. Если находилась подходящая партия, то сватовство принимало деловой характер, и сваха приносила в дом жениха роспись приданого за невестой... Если приданое устраивало, то назначались смотрины, которые происходили или на гулянье (популярным местом таких гуляний были, например, Пресненские пруды. – Прим. авт.), или в театре, где жених только на виду знакомился с невестой, а родители – друг с другом. Но чаще всего жених под-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

предводительством свахи приезжал смотреть невесту на дом. Если дело налаживалось, то в дальнейшем заключался брак. Бытописатель Иван Слонов в книге «Из жизни торговой Москвы» писал, что особенно славились свахи из Замоскворечья: «Это был очень интересный тип, они и одевались по-особенному, платья носили самых ярких цветов, сверх которых накидывали на плечи большие пестрые турецкие шали, голову повязывали

Слева направо: Саша, Соня, Люба и Жора Абрикосовы – дети Алексея Ивановича и Агриппины Александровны (четверо из 22)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Алексей Иванович и Агриппина Александровна Абрикосовы

вали шелковыми цветными козынками; от последних кончики торчали у них на лбу в виде маленьких рогов».

В пьесах Александра Николаевича Островского язык свахи «выткан необыкновенными словесными узорами», как писал в 1920-е годы известный литературовед профессор Сергей Шамбинаго. Она сыплет ласкательными эпитетами в адрес своих клиентов, называя невесту «серебряная», «бриллиантовая», «изумрудная», чтобы «дело сладилось» и сваха получила хорошее вознаграждение за свои хлопоты. На финальном этапе создания пары сваха организовывала смотрины на дому, когда в дом к невесте приезжал жених с родителями и свахой. Нередко в первую встречу жених и невеста, естественно, смущались и не знали, о чем разговаривать. Но постепенно находились общие интересы, общие темы для разговора, и неловкость исчезала.

Например, через сваху был заключен брак Алексея Ивановича и Агриппины Александровны Абрикосовых в 1849 году. По семейному преданию, ее будущий муж попросил знакомую сваху найти ему невесту с приданным, потому что заведенная его дядей и отцом в 1804 году кондитерская фабрика в 1838-м совсем разорилась. Семье Абрикосовых даже пришлось перейти из купечества в мещанство. Только Алексей Иванович (1824–1904) не опустил руки и решил возобновить семейное дело. Но без капитала вести его было никак нельзя. Для этого ему и была нужна невеста с приданным.

С помощью свахи была найдена подходящая невеста – дочь известного московского фабриканта Александра Борисовича Мусатова – купца 2-й гильдии, потомственного почетного гражданина, владельца двух фабрик – помадной и табачной. Последняя, кстати, была крупнейшей в Москве в 1840-х годах. За 16-летней Грушей Мусатовой давали 5 тысяч рублей – деньги для Алексея Ивановича, который был старше невесты на

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

восемь лет, большие. Старик Мусатов хоть и считал, что Абрикосов не пара для его Груши – дочери фабриканта, но, как пишет семейный летописец, «принял его предложение... и чутьем чувствовал те возможности, которые имеет Алексей Иванович». Полученные от Мусатовых деньги молодой супруг вложил в кондитерский бизнес: на имя жены был приобретен дом для устройства фабрики. Через двадцать лет после его основания на предприятии работало уже 70 человек, а продукции вырабатывалось на 180 тысяч рублей. Кондитерская фабрика (ныне фабрика имени Бабаева. – Прим. авт.) стала основой финансового благополучия семьи Абрикосовых. Брак Абрикосовых оказался очень счастливым: молодые полюбили друг друга и прожили душа в душу 52 года, родив в браке 22 ребенка! После стовора жених и невеста обменивались взаимными подарками. Как правило, жених дарил невесте дорогое украшение. Например, купеческой дочери Ермионии Щаповой ее жених Федор Менкель, работавший в конторе Егорьевской мануфактуры Хлудовых, подарил «богатый бриллиантовый набор с изумрудами: брошь, кольцо, браслет», а невеста подарила ему жемчужную булавку в галстук. Иногда жених и невеста также дарили подарки родителям друг друга: часы – отцам, броши – матерям.

ЦЕРЕМОНИАЛ

Богатая купеческая свадьба не раз описана в мемуарах, откуда мы узнаем подробности церемониала.

Книгоиздатель Михаил Васильевич Сабашников, оставивший интереснейшую историю своего семейства, писал, что стандартный распорядок во время свадьбы включал венчание в церкви, затем обед в доме новобрачных и после обеда – отъезд в путешествие.

Пожалуй, следует начать с приготовления невесты к свадьбе. Один мемуарист, крупный торговец текстилем и коллекционер древностей Петр Иванович Щукин, писал, что накануне

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Издатель Михаил Васильевич Сабашников в своем кабинете

свадьбы в Москве была традиция хорошо вымыться в Сандуновских банях, да чтоб невесту в конце банной процедуры окатили чистой водой из серебряной шайки.

Другой автор, сын кожевенного фабриканта и основателя театрального музея Юрий Алексеевич Бахрушин, описал свадьбу своей крестной, сестры матери: «Помню, как я присутствовал при укладке приданого невесты, когда в каждый угол массивного дубового сундука клали баранки и золотые монеты, дабы грядущий домашний очаг был чашей полной. Помню, как мой дядя, шафер невесты, стоя на одном колене, обувал свою сестру в белые атласные туфли, предварительно кладя ей под пятку по золотому, чтобы она всю жизнь ступала по золоту». Бахрушин также пишет, что жених и невеста во время свадьбы перемещались по городу, из церкви на банкет, в «белоснежной зеркальной карете». После венчания был шумный и многолюдный свадебный обед. У невесты на голове была белая фата, а у жениха – блестящий черный цилиндр.

О той же традиции пишет сын купца, инженер, в советский период профессор и автор учебников по гидротехнике Николай Михайлович Щапов. Когда его сестра Ермиония в 1894 году выходила замуж, то в ее белые атласные туфли было положено по золотому червонцу. А в сундуки с приданым на дно были «насыпаны мелкие серебряные монеты».

Венчание по православному обряду было торжественным. Вот как описывает его Николай Щапов: «Церковь – на углу, через три дома от нас, святых Петра и Павла на Новой Басманной. При входе невесты ее приветствуют лучшие певчие красивой песней, начинающейся словами: «Гряди, гряди, голубица...» Полное освещение церкви паникадилами. В центре – аналой, священник ведет к нему венчающихся. Сзади становятся шафера, по-

Екатерина Щукина, дочь Сергея Ивановича Щукина, приемателя и коллекционера

ПРЕДОСТАВЛЕНО И. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Веры Зилоги, «невеста переодевалась в вечер по три раза: то в вишневое бархатное с бриллиантами на корсаже и бархоткой на шее, то в палевое – «тюль-иллюзион», то в белое атласное с золотыми колосьями на фижмах. Жених шел за своей невестой в комнату, где весь вечер ждали куафер и горничная, и под руку вводил ее в зал; все ахали над юной красотой обоих нареченных, над роскошью невестиных платьев, шли поздравления, оркестр гремел туш». Брак этот продлился только три года – молодая жена была слаба здоровьем и умерла после смерти второго ребенка во время родов.

Брат Сергея Михайловича – владелец крупной льняной мануфактуры и основатель картинной галереи Павел Михайлович Третьяков – женился поздно, после 30 лет. Это было довольно типичным в семьях, где рано умер отец, – старший брат занимался руководством фирмой, заботой о младших братьях и сестрах и потому заводил собственную семью поздно или вообще не заводил. В возрасте 32 лет Павел Третьяков познакомился с 21-летней Верой Николаевной Мамонтовой, с которой обвенчался год спустя – в 1865 году. Свадьба проходила в Кирееве под Москвой, в имении Ивана Федоровича Мамонтова, дяди Веры Николаевны. Рассказывали, что свадьба была веселая: после великолепного обеда молодые, переодевшись в дорожные костюмы, шли пешком до станции Химки, сопровождаемые оркестром, хозяином и гостями. Молодые поехали прямо в Петербург, а оттуда в свадебное путешествие во Францию – «в Биарриц купаться».

Не только дочери Третьякова, но и многие другие мемуаристы сообщают, что во второй половине XIX – начале XX века стали популярны свадебные путешествия представителей богатого купечества по Италии или по Франции.

том – родственники и друзья жениха и невесты, приглашенные на свадьбу особыми билетами. Отпечатанные золотом билеты красивы, но скромны. Текст приглашения составлен не от имени родителей, как водилось прежде, а от лица жениха и невесты».

Известный предприниматель, меценат и общественный деятель, московский городской голова в 1877–1881 годах Сергей Михайлович Третьяков был же-

нат дважды (в первом браке он овдовел). В 1856 году в 22-летнем возрасте он женился на 19-летней Елизавете Сергеевне Мазуриной, представительнице династии, владевшей Реутовской мануфактурой. Пышная свадьба проходила в доме семьи жениха, залы которого были специально отремонтированы по последней моде. По воспоминаниям родственников, приводимым в мемуарах племянницы С.М. Третьякова

У Бахрушиных в Кожевниках

Шафера на свадьбе Ксении Александровны Найденовой и Ивана Давидовича Морозова. 26 мая 1906 года

СВАДЕБНОЕ ПИРШЕСТВО

Изощрялось купечество и в приготовлении свадебного стола для банкета, являвшегося центральным пунктом церемонии. Когда кортеж с каретой молодоженов во главе подъезжал к месту проведения банкета, то в случае, если стол устраивался дома, на крыльцо выходили родители и другие домочадцы встречать молодых хлебом-солью. Если же свадебное торжество проходило в ресторане или банкетном зале (а в Москве такие имелись уже в последние декады XIX века. – Прим. авт.), то могло быть разыграно театрализованное представление.

Например, известный купец-мемуарист Н.А. Варенцов писал, что на свадьбе его сестры Ольги, вышедшей замуж за Ивана Петровича Фирсанова, «новобрачные, прибывшие после венчания в церкви, были встречены хором певчих в красных с позументом камзолах и вместо цветов перед каждым кувертом лежала роскошная белая атласная бонбоньерка с конфетами, с выгравированными золотом вензелями имен новобрачных, с датой дня их свадьбы». Эту атласную бонбоньерку гости уносили домой в качестве подарка – теперь эти бонбоньерки изредка попадают в музейных коллекциях.

Весьма интересно описана Варенцовым происходившая в 1890-е годы свадьба представителя богатой купеческой текстильной династии Василия Федоровича Разорёнова с дочерью крупного оптового торговца кожей и юфтью Афанасия Алексеевича Мошкина, который к тому же являлся церковным старостой Покровского собора на Красной площади, известного как храм Василия Блаженного. Свадебный обед, а потом бал происходили в специальном банкетном зале Золотарского на Каляевской улице: «Большая его зала, вмещающая до двухсот человек, убранная пальмами, лавровыми деревьями и живыми цветами, была обставлена столами, уставленными прибора-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Венчание Алевтины Геннадиевны Карповой (дочери Анны Тимофеевны Морозовой) и Николая Васильевича Ненарокова. Усадьба Сушнево Покровского уезда Владимирской губернии. 1899 год

ми, вазами с фруктами, конфетами и усыпанными букетиками живых цветов; в двух же боковых залах были накрыты длинные столы, обставленные всевозможными горячими и холодными закусками, с громадным количеством бутылок иностранных лучших вин всевозможных марок и крепости. По стенам этих зал стояли длинные буфеты, где после обеда были поставлены конфеты, фрукты, мороженое с разными прохладительными напитками, здесь же был чай, кофе и шоколад с разными тортами, пече-

ньями и ликерами; все эти буфеты были завалены горами букетиков цветов, и все гости брали, сколько кто хотел. Во время обеда и бала играло два оркестра, в зале на хорах струнный Рябова, а в зимнем саду, примыкающем к большой зале, играл военный оркестр под управлением Крейнбринга».

Чтобы расслабиться, гости могли пройти в зимний сад. Там «были расположены в двух местах большие высокие глыбы льда, искрящиеся от блеска электричества; в глыбах были проделаны отверстия, где стояли бутылки шампанского и игристого мозельвейна разных лучших марок. Стоящие лакеи наливали в стопочки и разносили гостям, сидящим у столиков, декоративно убранных группами растений, образующих уютные уголки».

Обед по случаю женитьбы в январе 1899 года текстильного фабриканта (и будущего политического деятеля) 23-летнего Александра Ивановича Коновалова на 19-летней Надежде – дочери сибирского миллионера Александра Федоровича Второва – проходил в особняке семьи жениха. Обед следовал после венчания, во время которого всех поразило, что «жених и невеста стояли на коврике, сделанном из живых роз». Блюда были приготовлены поварами одного из лучших московских ресторанов, «Эрмитаж», а особое внимание мемуарист

Венчание Анны Дмитриевны Четвериковой и Константина Андреевича Ценкера. Болшевская церковь. 1910 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Перед свадьбой
в купеческом доме.
Конец XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

акцентировал на свежей клубнике, поданной гостям среди морозной московской зимы. «Посередине залы был приготовлен стол для новобрачных и их родственников, а для остальных гостей были накрыты отдельные круглые столы, тоже живописно убранные живыми цветами, фруктами и конфетами. За обедом подавали свежую клубнику (свадьба была в январе), положенную в маленькие горшочки наподобие цветочных, внутренность которых была заполнена ватой, а наверху покрытая изящной бумажкой лежала ягода клубники. Все брали этих горшочков, сколько кто хотел; я взял их несколько, но попробовал ягоды – они оказались безвкусными». После праздничного обеда с многочисленными тостами следовали танцы под оркестр.

Мария
Геннадиевна
Карпова
(дочери Анны
Тимофеевны
Морозовой)
и Алексей
Николаевич
Смолянин.
14 апреля
1903 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

***

Купеческая свадьба в известной степени была «ярмаркой тщеславия», когда демонстрация роскоши и размах торжества отражали богатство семьи и ее положение на социальной лестнице. Одежда невесты, богатство выезда – лошадей и кареты, которые специально заказывались у каретника, меню праздничного обеда – все тщательно продумывалось. Изучение свидетельств представителей самого купечества дает нам новые представления об укладе жизни купеческой семьи – и часто весьма далеком от образа жизни «темного царства» самодуров Александра Николаевича Островского. ❀

* Автор – доктор исторических наук.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ДАР СЛЫШАТЬ, КАК РАСТЕТ ТРАВА

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

В XIX ВЕКЕ СТИХИ ЯКОВА ПОЛОНСКОГО ВХОДИЛИ В КРУГ ЧТЕНИЯ КАЖДОЙ ИНТЕЛЛИГЕНТНОЙ СЕМЬИ. А В XX ЕГО ПОЧТИ ПЕРЕСТАЛИ ЧИТАТЬ – КАК БУДТО ИСЧЕЗЛО ЭТО ИМЯ ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ, СТАЛО ДОСТОЯНИЕМ ОДНИХ ФИЛОЛОГОВ. НО «МОЙ КОСТЕР В ТУМАНЕ СВЕТИТ» ПЕЛИ, ПОЮТ И ПЕТЬ БУДУТ. И КОСТЕР СВЕТИТ, СВЕТИТ.

ПОЛОНСКИЙ, РОДИВШИЙСЯ в декабре 1819 года, был пятью годами моложе Лермонтова, годом старше Фета, двумя – Некрасова и Достоевского. Он прожил 80 лет и ушел в самом конце XIX века, связав собой Золотой и Серебряный века русской литературы. Блок называл Полонского одним из «великих учителей», которые «пролили свет на «бездну века». Корней Чуковский в воспоминаниях о Блоке заметил: «Любовь к Полонскому является для него как бы мериллом людей...»

Поколение, чье отрочество пришлось на конец XIX – начало XX века, росло на Полонском и Фете – двух любимых поэтах юного Блока. Его печатала «Нива», подборка которой была в каждом читающем доме, его сочинения издавались в приложениях к «Ниве» по подписке; его стихи входили в хрестоматии для детского и юношеского чтения... А из поля зрения советского литературоведения он совершенно выпал, стал считаться поэтом второго ряда. До советских читателей он доходил самыми необычными способами: через бабушек, читающих наизусть, через романы, в искаленном виде – через девичьи песенники... Та же участь постигла другого гения романсов и современника Полонского, Апухтина (см.: «Русский мир.ru» №11 за 2011 год, статья «Любовь и кровь». – Прим. ред.), с его «васильки, васильки» из гениального «Сумасшедшего», в котором есть явная перекличка с «Сумасшедшим» Полонского. Оба они, Полонский и Апухтин, сумели слышать в своем времени тот надрывный, печальный звук лопнувшей струны, который очень скоро появится у Чехова, уловить пронзительную ноту русской тоски и воплотить ее в романсовом звучании стиха. А без него бы и Блока не было, конечно.

ЖИЗНЬ ТИХАЯ И СМИРНАЯ

Яков Полонский родом из Рязани. Его отец – бедный чиновник из дворян польского происхождения, который, по словам его сына, родился в «уездном городишке Нежине», не получил никакого образования, не знал языков, однако среди сослуживцев «считался... человеком весьма грамотным и всякое дело смекающим». Мать принадлежала к старому дворянскому роду Кафтыревых; бабка Полонского, урожденная Умская, была побочной дочерью графа Разумовского. «Жизнь наша была тихая и смиренная, – писал Полонский. – Мать моя была олицетворенная любовь и кротость. Я ни разу не слышал от нее ни одного бранного слова. Прислуга ее не боялась. Только отец мой, Петр Григорьевич, высокий худощавый брюнет, был несколько сух сердцем и вспыльчив». Отец был очень честен и неподкупен, вспоминал поэт, и на интендантской службе оставался беден. Мать любила читать, понравившиеся стихи и песни выписывала в толстые тетради. Мальчик к 7 годам выучился читать и читал все, что попадалось под руку. Любил стихи, декламировал их няньке и дворне, рассказывал братьям и сестрам сказки. Учился дома с учителем-семинаристом, а заниматься французским его водили к соседке, мадам Тюрберт. Полонский жалуется, что уже тогда обнаружилась его полная неспособность к иностранным языкам; впрочем, к концу жизни он, работая цензором, все-таки читал книги на нескольких языках.

Первые детские впечатления Полонского, которые сам он описал в воспоминаниях, – пыльная улица провинциального городка, канавка с бурьяном, сад, огород, баня, двор с конурой, где жил пес Орелка, соседский покосившийся забор. Детей в семье было восемь, Яков был старшим. Детей и слуг в семье не били и не секли; как чрезвычайное проис-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

шествие Полонский вспоминает пощечину, которую отец дал прислуге за грубый разговор с матерью, и потом горько сожалел об этом.

Яков рос очень впечатлительным: разговаривал по ночам, однажды перепугал всю семью диким криком, когда ему пригрезилась какая-то мертвая голова, то ему казалось, что в дом пришла Смерть в виде старушки.

Мама умерла при родах сына Павла, когда Якову было 11 лет. После ее смерти все изменилось. Отец уехал служить на Кавказ, детей взяли на свое попечение тетки, сестры матери, Вера и Анна Кафтыревы. Якова отдали в гимназию. Учился он плохо. Математики не понимал, языки ему давались трудно, но он живо интересовался физической географией и естественными науками, с любовью собирал гербарий, с интересом чертил, зарисовывал минералы. Он «все читал, что относится к словесности или к литературе: и лекции Давидова, и Плаксина, и Глаголева, и даже отчасти Востокова», писал стихи, подражая модному Бенедиктову, читал в

Афанасий
Афанасьевич
Фет (1820–1892),
поэт, член-
корреспондент
Академии
наук. Фото
М.Б. Тулинова.
1861–1863 годы

списках под партой Пушкина. Директор гимназии однажды поручил Полонскому написать стихи в честь приезда в Рязань наследника-цесаревича; стихи должны были петься на мотив гимна. Пения не состоялось, однако Жуковский, наставник цесаревича, сказал мальчику, что его стихи наследнику очень понравились, и передал награду – золотые часы.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Окончив гимназию, Полонский отправился в Москву поступать в университет. Здесь жила сестра его бабушки, Екатерина Воронцова, у которой он и поселился. Старуха, сохранившая привычки XVIII века, целыми днями болтала с приживалками и играла с ними в дурачки; «трудно мне было ей угодить», вспоминал поэт. Бабушка его кормила, но денег не давала, выпрашивать деньги у отца он не мог. «Я ходил в университет пешком и зимой в самые сильные морозы в одной студенческой шинели и без галош. Я считал себя уже богачом, если у меня в жилетном кармане заводился двугривенный; по обыкновению, я тратил эти деньги на чашку кофе в ближайшей кондитерской», – вспоминал поэт. В кондитерских выписывали журналы, именно там он и знакомился с новинками литературы. Когда бабушка умерла, Полонскому пришлось снимать дешевые комнаты и зарабатывать на жизнь учительством – по 50 копеек за урок; «случалось и совсем не обедать, довольствуясь чаем и пятикопеечным калачом...». Беготня по урокам мешала ему учиться; Полонский не выдержал экзамена по римскому праву и остался на третьем курсе на второй год.

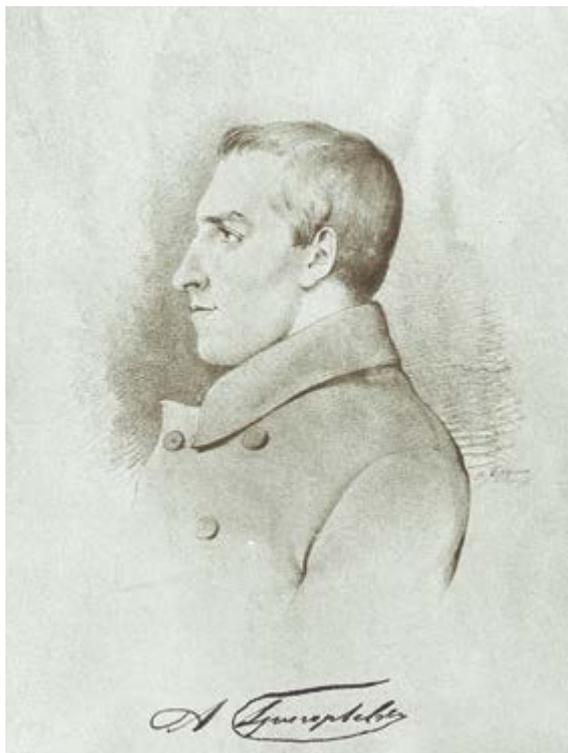
Первым из однокурсников, с кем познакомился Полонский, был Аполлон Григорьев; у Григорьевых жил Фет, который рано оценил поэтическое дарование Полонского. Друг и однокурсник Николай Орлов ввел молодого поэта в дом своего отца, бывшего декабриста

Михаила Орлова, где Полонский свел знакомство с поэтом и философом Алексеем Хомяковым, с профессором Грановским, с Чаадаевым и Иваном Тургеневым. Именно Михаил Орлов порекомендовал Полонского в качестве учителя для детей князя Мещерского – 50 рублей жалованья в месяц вполне позволяли не бедствовать.

В университете в это время порядки были жесткими – вольномыслие не поощрялось, стихотворство тоже (поэтому первые свои публикации Полонский не подписывал полным именем), философия считалась опасной. Тем не менее студенты не могли не задумываться о философии и политике, не могли не мечтать об уничтожении крепостного права. Полонский вспоминал, как один из друзей его, Ровинский, входивший в литературно-философский кружок Николая Станкевича, объединявший Михаила Бакунина, Виссариона Белинского, Василия Боткина, Константина Аксакова, впервые заставил Якова задуматься о вопросах, которые раньше и вовсе его не беспокоили. Ровинский познакомил Полонского с поэтом Иваном Ключниковым, который одобрил первые опыты юноши, и с Белинским. Белинский к этим опытам отнесся довольно холодно, и Полонский вспоминал, что написал ему письмо, где чуть не со слезами доказывал, что уверен в своем призвании поэта.

Со временем Полонский стал бывать у профессора Степана Шевырева, возглавлявшего литературно-критический отдел журнала «Москвитянин». У Шевырева он однажды видел Гоголя, который, впрочем, весь вечер молча пролежал на диване. После смерти Гоголя в его бумагах нашли переписанное им стихотворение Полонского «Пришли и стали тени ночи...». Гоголь обычно списывал себе понравившиеся стихи.

Сын актера Щепкина, выпускник математического факультета, первым предложил мо-

Аполлон Александрович Григорьев (1822–1864), поэт, литературный и театральный критик. Рисунок П. Бруни. 1846 год

лодому поэту собрать и издать его стихи по подписке. Сборник «Гаммы» вышел в 1844 году, почти одновременно с тем, как его автор окончил университет. Петр Кудрявцев в «Отечественных записках» благожелательно отозвался об этом сборнике: «Если это не сама поэзия, то прекрасные надежды на нее»...

От Мещерских Полонский ушел, снова остался без денег: не мог репетиторствовать, надо было сдавать выпускные экза-

Я.П. Полонский. Стихотворения 1845 года. Титульный лист

мены. Будущее было совершенно туманным. У выпускника Полонского не было денег даже на то, чтобы пошить себе гражданскую одежду вместо студенческого мундира; пришлось продать золотые часы, которые ему, еще шестикласснику, подарил наследник-цесаревич. В довершение всего он влюбился. Юную красавицу звали Софья Коризна. Она, кажется, тоже любила его, но он притворялся равнодушным, чтобы не морочить девушке голову: бездомный и неустроенный, он сейчас не годился в женихи. По совету приятеля Полонский уехал в Одессу – по сути, сбежал от себя и от нее. «Я попытаюсь забыть вас, но чувствую, что это будет нелегко и невозможно», – написала ему девушка в прощальном письме. Ни ей, ни ему забыть не случившейся любви не удалось.

ЗНОЙНЫЕ ДНИ

В Одессе он начал жизнь с чистого листа, поступил на таможенную службу. Подружился со Львом Пушкиным, младшим братом поэта. Стал снова давать уроки. Друзья издали без его ведома книжечку стихов – «Стихотворения 1845 года». Белинский ее разобрал в «Отечественных записках»: «г. Полонскому решительно не о чем писать». Полонского это больно задело – но Белинский, в общем, был прав.

Полонский прослужил в Одессе почти два года. Затем генерал-губернатор Воронцов был назначен в Тифлис, и вслед за ним на Кавказ стали перебираться одесские чиновники. Один из них выхлопотал Полонскому место редактора в газете «Закавказский вестник», и поэт отправился к новому месту службы.

Тифлис ошеломил его жарой, пестротой, экзотикой. «Он любил бродить по городу. Заглядывал на базары, в духаны, в караван-сарай, посещал знаменитые серные бани. Ему нравились живописные тифлиссские сады, виноградники, сакли с плоски-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ми кровлями. На этих кровлях вечерами танцевали девушки – грузинки и армянки – в национальных костюмах. Повседневная жизнь коренных жителей Тифлиса оказалась куда живее, колоритнее быта приезжих чиновников с обычной картежной игрой по вечерам», – писал биограф Полонского Сергей Тхоржевский.

Служба в Тифлисе оказалась немногим лучше службы в Одессе. Местный начальник Полонского вовсе не хотел, чтобы новый подчиненный что-то менял в работе газеты, и ограничил его редакционные обязанности корректурой, а вместо редакторской деятельности поручил ему сбор статистических сведений по Тифлису и Тифлисскому уезду. Эта работа требовала постоянных разъездов – и Полонский отправился в путь. Все лето 1847 года он разъезжал по Тифлисскому уезду, часто верхом, объездил чуть не каждую деревню в окрестностях Тифлиса, ночевал с пастухами у костра, в мазанках у духоборов, в татарских юртах. Он научился понимать эту жизнь, любить ее, находить прелесть в диких для русского уха звуках здешней музыки («Сатар!

Сатар! твой плач гортанный – // Рыдающий, глухой, молящий, дикий крик – // Под звуки чяну-нур и трели барабанной // Мне сердце растерзал и в душу мне проник...»).

В Тифлисе он познакомился с вдовой Грибоедова, о которой написал стихи. Здесь нашел новую любовь. Местная красавица Софья Гулгас (ее он изобразил в рассказе «Тифлисская сакли», назвав Магданой. – Прим. авт.) была самостоятельной и беспутной соломенной вдовой. Знойная, как тифлисская ночь, страсть завладела Полонским, но постепенно стала себя изживать. Софья изменяла Полонскому, затем ушла от него к другому; сам он обратил к возлюбленной удивительные строки:

*Не ты ли там стоишь
на кровле под чадрую,
В сиянье месячном?!
Не жди меня, не жди!
Ночь слишком хороша,
чтоб я провел с тобою
Часы, когда душе простора
нет в груди...*

Тифлисская ночь – всего 12 стихотворений – Полонский собрал в книгу «Сазандар», что значит «певец», и издал в 1849 году. Одно

Г.Г. Гагарин.
Тифлис.
1840-е годы

из стихотворений, написанных на юге, знаменитая «Ночь»:

*Сам не знаю, за что я
люблю тебя, ночь, –
Так люблю, что страдаю
любуюсь тобой!*

*Сам не знаю, за что я
люблю тебя, ночь, –
Оттого, может быть,
что далек мой покой!*

Это неразрывное сочетание страдания и блаженства – постоянный мотив у Полонского.

В 1850-м Полонский навсегда уехал с юга. Тяжело больной отец прислал денег и звал к себе в Рязань. Яков Петрович вез с собой новую драму, «Дареджана», о коварной грузинской царице, и хотел получить в столицах разрешение на ее постановку. Цензура не позволила: про цариц нельзя. Пристроить драму в печать долго не удавалось; наконец она вышла в «Москвитянин» с цензурными искажениями – и не принесла автору ни славы, ни денег.

Жизнь в родном доме оказалась ему скучной, совсем далекой от всего, чем он дышит. Соня Коризна вышла замуж. Надо было все начинать сначала.

Он решил поселиться в Петербурге и жить литературным трудом. Но гонорары за стихи были ничтожны, рассказы уродовала или запрещала цензура: «Цензура разоряла вконец», – жаловался он в письме Фету. Он снова взялся за уроки: в 1853 году стал домашним учителем у сына графа Павла Толстого.

Новый сборник стихов Полонского, вышедший в 1853 году, был благожелательно принят публикой и прессой. Его хвалили «Отечественные записки» и «Современник». Некрасов в «Современнике» заметил, что «произведения г. Полонского, кроме достоинства литературного, постоянно запечатлены колоритом симпатичной и благородной личности». О благородстве и обаянии личности Полонского писали и его знакомые в письмах друг другу, и мемуаристы. Елена Штакеншнейдер, дочь архитектора Штакеншнейдера и многолет-

ний друг Полонского, вспоминала о нем: «Доброты он бесконечной и умен, но странен. И странность его заключается в том, что простых вещей он иногда совсем не понимает или понимает как-то мудрено; а сам между тем простой такой по непосредственности сердечной... Он, кажется, в самом деле имеет дар слышать, как растет трава». Успех мало что изменил в жизни Полонского: прожить литературным трудом он не мог. И снова стал домашним учителем – на сей раз в семье петербургского губернатора Смирнова. Его жена, Александра Смирнова-Россет, в молодости хорошо знавшая Пушкина и Гоголя, сейчас была уже немолода и глубоко религиозна; ее суровое благочестие казалось поэту, скорее, фарисейством. Он избегал душеспасительных разговоров с ней – больше слушал ее рассказы, чем говорил сам. Положение домашнего учителя его безмерно тяготило. Ему уже было 36 лет, а он оставался все таким же неприкаянным...

НЕДОЛГОЕ СЧАСТЬЕ

После смерти императора Николая I в обществе стали появляться признаки перемен. Цензура ослабила давление на литературу, стало возможно издаваться. Полонский приветствовал новое историческое время стихами «На корабле»:

*Заря!.. друзья, заря!
Глядите, как яснеет...
Мы мачты укрепим,
мы паруса подтянем,
Мы нашим топотом
встревожим праздных лень
И дальше в путь пойдем,
и дружно песню грянем:*

Господь, благослови грядущий день!
Смирновы вызвали учителя в Европу, где жили сами. Полонский приехал к ним в Баден-Баден. Он давно уже увлекался рисованием, а теперь рисовал каждую свободную минуту. Рисование и дало Смирновым возможность дружески расстаться со слишком либеральным учителем: Смирнов предложил

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

Я.П. Полонский.
Гравированный
портрет 1860-х
годов

Полонскому поехать учиться живописи в Женеву и снабдил его деньгами.

Несколько месяцев Полонский учился живописи у художника Дидэ. Любовался Женевой, чувствовал себя молодым, свободным и беззаботным – и потом называл эти месяцы счастливейшим временем в своей жизни. Из Швейцарии он отправился в Италию, побывал в Генуе и Риме. Там он встретился с графом Кушелевым-Безбо-

родко, который собирался финансировать издание нового литературного журнала и предложил Полонскому стать его помощником, обещая 2 с половиной тысячи рублей жалованья в год. Поэт заколебался: сотрудничество с графом, ничего не понимающим в литературе, казалось ему невозможным... Но, как сам объяснял в письме друзьям, этого предложения «нельзя было не принять, у меня оставалось в кармане несколько франков и за последним из них уже зияла черная бездна...».

С Кушелевыми Полонский путешествовал по Италии, затем отправился в Париж. Там виделся с Тургеневым и Полиной Виардо. И там, в Париже, встретил 18-летнюю Елену Устюжскую, дочь русского псаломщика и француженки. Девушка по-русски почти не говорила, хотя несколько фраз произносила без акцента. Она оказалась замечательной пианисткой, он долго слушал ее игру – ушел домой зачарованный, влюбленный и той же ночью написал ее родителям, прося ее руки. В июле 1858 года Полонский и Елена Устюжская обвенчались в па-

Я.П. Полонский.
На этюдах.
1854 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

Я.П. Полонский, Н.Н. Страхов и А.А. Фет в имении Фета Воробьевка Курской губернии. Лето 1890 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

рижской церкви и почти сразу уехали в Россию. «Русское слово» начало выходить, но Полонский не получил от Кушелева редакторских полномочий. По словам Полонского, три редакционных сотрудника – он сам, Аполлон Григорьев и Егор Моллер – тащили журнал в разные стороны, как лебедь, рак и щука. В журнале Полонский напечатал легкую, воздушную поэму «Кузнечик-музыкант», которую многие критики называли его лучшим произведением. Но из журнала все-таки ушел: не хотел отвечать своим именем за чужую работу. Остаться без ра-

боты и дохода сейчас было совсем некстати: жена родила сына, которого назвали Андреем. Сам Полонский за несколько часов до родов жены упал с дрожek и сильно повредил колени – настолько, что слег в постель, и жене пришлось ухаживать и за новорожденным сыном, и за мужем. Потом он перенес две операции на колени и до конца своих дней хромал, без костыля почти не мог ходить. Андрей прожил на свете всего полгода и умер в январе 1860 года. В конце мая заболела беременная 20-летняя жена Полонского. Врач назвал ее болезнь

«тифоидальной лихорадкой». У Елены случился выкидыш. Она харкала кровью, жар не спадал; наконец она впала в беспамятство – и 8 июня 1860 года умерла. Полонский был совершенно раздавлен. Стихи его, озаглавленные «Безумие горя», очень страшное чтение. Речь там идет о двух гробах: один гроб – ее, зарытый в могилу. А второй гроб – его:

Другой был мой – он был просторен, Лазурью, зеленью вокруг меня пестрел, И солнца диск, к нему прилаженный, как бляха Роскошно золоченая, горел.

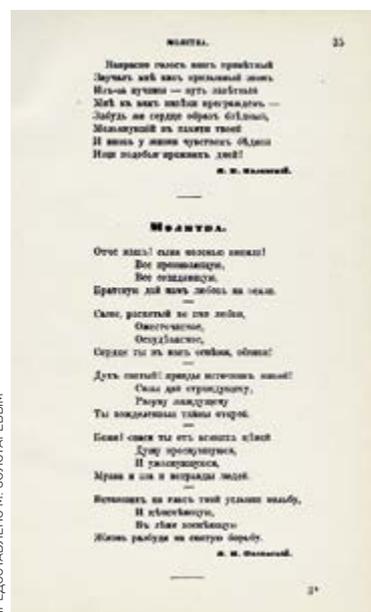
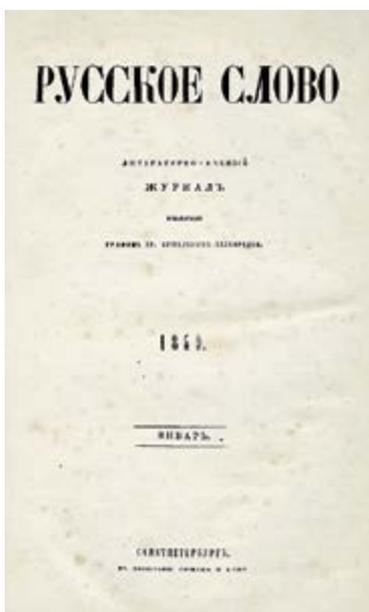
Тургенев писал ему об этом горе: «Оно так велико, что и коснуться до него нельзя никаким утешением, никаким словом: весь вопрос в том, что надобно, однако, жить, пока дышишь; в особенности надо жить тому, которого так любят, как любят тебя все те, которые тебя знают...»

Даже великие перемены, происходящие в стране, и те померкли для него, погруженного в отчаяние.

Что со мной! с невольным страхом В душу крадется тоска... Словно книгу заслонила Чья-то мертвая рука – Словно чья-то тень поникла За плечом – и в тишине Тихо плачет – тихо дышит И дышать мешает мне.

Этот «кто-то» потом не раз появится у него – странное, иномирное дыхание; может быть, и за это странное дыхание другой реальности Полонского любили символисты; этот «кто-то» в поэзии символистов постоянно присутствует где-то рядом. Для 1861 года это удивительное предчувствие нового, а ведь тогда эти стихи были вопиюще несовременны.

Эпоха все время предлагала Полонскому сделать выбор: ты за тех или за этих? За чистое искусство или за гражданственность? За Тургенева или за Некрасова? А он или не мог, или не считал нужным выбирать, не включался в борьбу одного лагеря против другого.

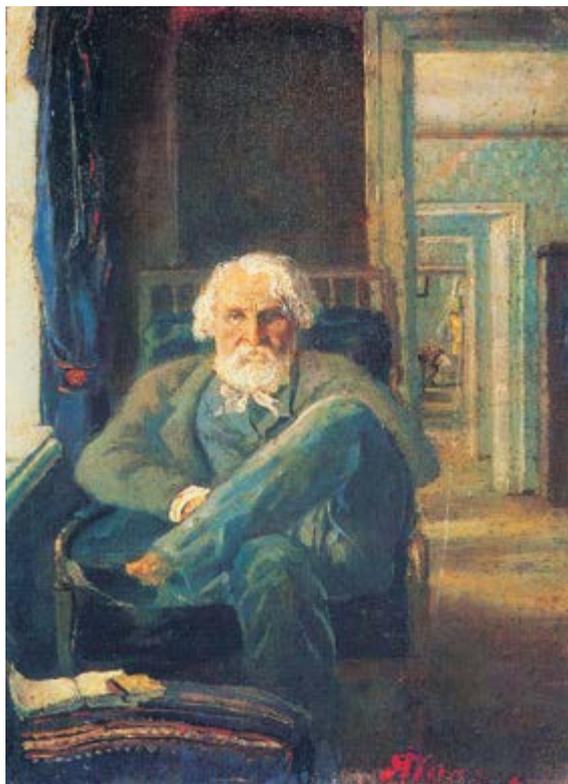
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Стихотворения Я.П. Полонского на страницах первого номера журнала «Русское слово»

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

Новую работу для него нашли друзья – в комитете иностранной цензуры, где председательствовал Тютчев. Полонский колебался: называться цензором ему не хотелось, но скрепя сердце он за эту работу взялся. Советовался с Некрасовым; тот назвал его Дон Кихотом и сказал, что отказываться глупо.

Он снял квартирку вместе со знакомым художником. Опубликовал в журнале «Время» у братьев Достоевских роман в стихах «Свежее преданье» – о прошлом, о поэте, прототипом которого был его старый наставник Ключников. Роман жестоко высмеял молодой поэт Дмитрий Минаев. Примечательно, что через несколько лет, когда Минаева арестовали после каракозовского выстрела и он несколько месяцев провел в Петропавловской крепости, Полонский написал стихотворение «Литературный враг», где говорит об отказе от литературной борьбы, пока его противник вынужден молчать: «Я краснел бы перед вами и собой, // Если б узника да вздумал уличать, // Поневоле он замолк передо мной – // И я должен поневоле замолчать». «Литературный враг» этого не забыл: когда через много лет праздновали 50-летие литературной деятель-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ности Полонского, Минаев прислал ему стихотворное приветствие. Изругал роман и Писарев в «Русском слове», назвав Полонского одним из «микроскопических поэтиков», которые ничего не сделали для молодого поколения. Гражданский лирик из Полонского никак не выходил, хотя он честно пытался. В 1856 году

Я.П. Полонский.
Портрет
И.С. Тургенева.
1881 год

Я.П. Полонский.
Спасское-
Лутовиново.
Усадебный дом
И.С. Тургенева.
1881 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

он однозначно сформулировал свое кредо: «Не знаю, отчего я чувствую невольное отвращение от всякого политического стихотворения; мне кажется, что в самом искреннем политическом стихотворении столько же лжи и неправды, сколько в самой политике». А время требовало от поэта гражданственности; и многие современники, и советские литературоведы были убеждены, что Полонский не заметил главного в своей эпохе. Салтыков-Щедрин, рецензируя его стихи, припечатал: «Неясность мирозерцания есть недостаток настолько важный, что всю творческую деятельность художника сводит к нулю».

Нельзя сказать, что Полонскому была присуща «неясность мирозерцания». Он всей душой волновался о знакомых, которые были арестованы и отправлены на каторгу, искренне пытался разобраться в происходящем, переживал о неустройстве российской жизни, но природа его поэтического дарования не имела никакого отношения к социальной жизни. Зато имела отношение к жизни как таковой: он в самом деле умел слушать звезды и понимать, как растет трава: «Ко мне виденья прилетают, // Мне звезды шлют немой привет – // Но мне немногие внимают – // И для немногих я поэт...»

А лучшим его гражданским произведением оказались четыре афористические строчки:

*Писатель, если только он
Волна, а океан – Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.*

ГОЛУБИНАЯ ДУША И СТАТУЯ

Он пытался заново построить личное счастье – сватался к дочери Тютчева Марии Федоровне, но получил отказ. Он, кажется, был готов уже поставить крест на всякой возможности быть счастливым, но однажды встретил в гостях у врача Конради юную сироту Жозефину Рюльман, которой был совершенно очарован. Ей было 18,

Жозефина Антоновна Рюльман
(1844–1920), вторая жена
Я.П. Полонского, скульптор-любитель

ему 46. Он посватался. Записал в дневнике, что, если она откажет, никогда больше не женится. Она согласилась, хотя не любила его. По замечанию Елены Штакеншнейдер, «ей некуда было голову приклонить». Штакеншнейдер писала, что после свадьбы Жозефина была холодна как статуя, а Полонский, по его собственному признанию, пытался научить молодую жену поменьше с ним церемониться – но «потом обошлось, они сжились. Голубиная душа отогрела статую, и статуя ожила».

Когда в семье родился сын, Полонский снова стал домашним учителем: миллионер Поляков предложил ему 5 тысяч в год, и эту работу можно было совмещать с работой в комитете иностранной цензуры. Отмучившись некоторое время на этой работе и скопив денег, он отказался от места. Вернулся в цензурный комитет; впрочем, и эту работу свою считал «бесполезной для государства и ненужной для общества». За свою должность младшего цензора он держался постольку, поскольку она предполагала один присутственный день в неделю; возможность брать работу на дом высвобождала время для литературы.

В семье подрастали уже трое детей – Александр, Наталья и

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Борис. Жозефина Антоновна занималась скульптурой (более всего известен бюст Тургенева ее работы) и стала первой женщиной-скульптором в России. Полонский по-прежнему много рисовал; летом 1881 года, когда Полонские с детьми гостили у Тургенева в Спасском-Лутовинове, он сделал несколько этюдов, запечатлевших тургеневскую усадьбу, и написал последний прижизненный портрет Тургенева – непрофессиональный, неудачный, но очень живой.

Я.П. Полонский на этюдах. Фото С.С. Боткиной, урожденной Мазуриной

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Семья Я.П. Полонского в гостях у А.А. Фета в Воробьевке. 1890 год

С 1879 года Полонские завели традицию принимать у себя гостей по пятницам: поэт почти не мог ходить, но все-таки хотел видиться с друзьями и читать друг другу стихи. Так появилась знаменитая литературная гостиная Полонских. Здесь бывали чуть не все, кто имел отношение к литературе и искусству второй половины XIX века, – Достоевский, Лесков, Тургенев, Фет, Чехов, Мережковский и Гиппиус; художники – Айвазовский, Верещагин, Крамской, Репин, музыканты (рассказывают, что Рубинштейн однажды играл у Полонских целых три часа подряд)... Это только несколько громких фамилий – один неполный список гостей займет полстраницы.

Признание пришло к нему поздно. В 1886 году Полонского избрали членом-корреспондентом Академии наук; торжественно отметили 50-летие его творческой деятельности: Полонский смущался, отказался от ответного слова после речей и провозгласил тост за процветание литературы и искусства. Его принял царь, пригласил позавтракать с царской семьей; Полонский ответил, что уже завтракал. Может быть, тут дело не в простодушии, а в том, что поэт не одобрял политики монарха и не желал монарших милостей; в возможности «истину царям с улыбкой говорить» он на склоне лет уже, кажется, разочаровался.

В 1890-х годах вышли два его собрания сочинений. Его стихи и проза печатались в «Ниве» и были в каждом интеллигентном доме; Полонского читали все школьники конца XIX и начала XX века. На недолгое время он стал классиком.

В поздних его стихах все больше печали, все больше ожидания смерти, все яснее дыхание вечности. Умер он в 1899 году, замкнув собой XIX век, оставив читателям от него ощущение простора, звенящей тоски и неясной, мучительной радости – щемящий, романсовый звук, особая русская нота. **■**

Разные издания
повести А.С. Пушкина
«Капитанская дочка»

«КАПИТАНСКАЯ ДОЧЬ, НЕ ХОДИ ГУЛЯТЬ В ПОЛНОЧЬ»

«Капитанская дочка» – начало русской художественной прозы. Не гоголевская «Шинель» по утверждению, которое приписывается Достоевскому, хотя Федор Михайлович не говорил ничего подобного. А именно «Капитанская дочка».

Разумеется, русская проза писалась и до нее. Но впервые именно в этой повести прозвучали те религиозные и философские мотивы, что потом громко зазвучат у Достоевского, Толстого и других русских классиков, – христианство, гуманизм, самопожертвование, милость, милосердие, вера, надежда, любовь.

Повесть «Капитанская дочка» без подписи автора напечатана в 1836 году в четвертом томе журнала «Современник», издававшегося Пушкиным. Но задумана она была раньше. По мнению литературоведа Юлиана Оксмана, мысль описать «русский бунт – бессмысленный и беспощадный» впервые появилась у Пушкина в 1830–1831 годах, когда Россию волновали мятежи – Польское восстание, холерные бунты и бунт в военных поселениях Новгородской губернии.

Осенью 1830 года холера помешала Пушкину выехать из имения Болдино в Москву к невесте. Благодаря этому знаменитой Болдинской осенью сокровищница нашей литературы пополнилась такими драгоценностями, как «Маленькие трагедии» и «Повести Белкина». В черновиках этих повестей Оксман нашел зародыш будущего произведения – песню «Капитанская дочка, не ходи гулять в полночь».

В черновом варианте «Барышни-крестьянки» ее пела горничная Настя. В «Капитанской дочке» о песне говорит Швабрин.

ЗАВЕЩАНИЕ ПУШКИНА

АВТОР

ДМИТРИЙ УРУШЕВ

КОГДА В ШКОЛЕ Я ПРОЧЕЛ «КАПИТАНСКУЮ ДОЧКУ», ТО УДИВИЛСЯ СХОЖЕСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПУШКИНА С АМЕРИКАНСКИМИ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИМИ РОМАНАМИ.

В САМОМ ДЕЛЕ, РУССКАЯ повесть чем-то напоминает сочинения Фенимора Купера или Майн Рида. Действие происходит на границе цивилизации и варварства, в степи (в прерии). Эта граница обозначена цепью крепостей (фортов). Действуют одичавшие «бледнолицые» – яицкие казаки (трапперы и ковбои) и настоящие «краснокожие» – башкиры, калмыки и киргизы (индейцы).

Конечно, так рассуждать можно было только по малолетству. И по малолетству я принял «Капитанскую дочку» за увлекательное отечественное чтение про «индейцев и ковбойцев». Я просмотрел в ней то главное, что ставит эту повесть на первое место в русской литературе. Но не зря же Давид Самойлов написал: «Мужицкий бунт – начало русской прозы. // Не Свифтов смех, не Вертеровы слезы, // А заячий тулупчик Пугача, // Насильно снятый с барского плеча...»

А.А. Пластов.
Суд Пугачева.
Иллюстрация
к повести
А.С. Пушкина

ЮРИЙ ИВАНОВ / РИА НОВОСТИ

Якобы из-за нее он поссорился с Гриневым.

К мысли о повести, относящейся к временам Пугачева, Пушкин вернулся в январе 1833 года, во время работы над «Историей Пугачевского бунта». В записной книжке он набросал план будущего произведения. Его главным героем должен был стать подпоручик Михаил Шванвич, случайно оказавшийся среди сообщников Пугачева. Попав в плен к мятежникам, Шванвич в течение нескольких месяцев состоял в штабе самозваного «государя Петра III» в должности переводчика. После разгрома Пугачева бежал в Оренбург, был схвачен, лишен по суду чинов и дворянства и сослан в Туруханский край. Здесь он умер, так и не дождавшись прощения.

По пушкинскому плану Шванвич должен был получить помилование. Его отец, «старый Шванвич», привозит сына в Пе-

тербург и через графа Орлова выпрашивает ему прощение.

Между прочим, Шванвич-отец, Александр Мартынович, подлинное историческое лицо. Гвардейский офицер, кутила и повеса, он в трактирной ссоре обезобразил

М. ФИЛИМОНОВ / РИА НОВОСТИ

Страница
из второй
главы рукописи
А.С. Пушкина
«Капитанская
дочка». 1836 год

Алексея Орлова, разрубив ему щеку палашом. Но Орлов простил обидчика и остался с ним в приятельских отношениях.

Впоследствии план повести меняется. В «Капитанской дочке» Шванвич становится Швабриным. Ходатайствует за офицера, попавшего в беду, не отец, а влюбленная девушка. Соответственно, появляется любовная линия. Будущее произведение из авантюрного романа о дворянине, перешедшем на сторону черни, превращается в известную нам повесть.

Один из этапов превращения романа о Шванвиче в «Капитанскую дочку» – план романа о капитане Башарине, датируемый августом 1833 года. Башарин, как и Шванвич, лицо историческое, но не игравшее существенной роли в событиях Пугачевского восстания. Если Шванвич пусть и недолго, но сознательно служил самозванцу, то Башарин был его пленником.

Капитан попал в руки бунтовщиков при взятии Ильинской крепости. Пугачев хотел его повесить, но пленные солдаты стали просить за своего командира. Самозванец пощадил офицера, сказав: «Коли он был до вас добр, то я его прощаю».

Но Башарин – это еще не «барское дитя» Петруша Гринев, а все-таки забияка Швабрин. Ведь по плану Пушкина капитан «за шалость сослан в гарнизон». Будущий Гринев под именем Петра Валуева появляется в другом плане, составленном зимой 1834/35 года и исключительно близком к центральной части «Капитанской дочки». Затем Пушкин переименовывает главного героя в Буланина. И, наконец, в Гринева.

Эти фамилии не вымышлены. Они взяты из документов о событиях Пугачевского мятежа. Прапорщик Буланин был убит бунтовщиками в окрестностях Пензы. А подпоручик Гринев был в числе тех, кои «находились под караулом, будучи сначала подозреваемы в сообщении с злодеями, но по следствию оказались невинными».

А. СВЕРДЛОВ / РИА НОВОСТИ

ОШИБКА БУЛГАРИНА

Вчерне повесть «Капитанская дочка» была закончена 23 июля 1836 года. В сентябре Пушкин отправил ее первую часть цензору Петру Корсакову. В приложенном письме сочинитель просил: «Осмеливаясь препроводить на разрешение к вам первую половину моего романа, прошу вас сохранить тайну моего имени».

Цензор отвечал: «Я прочел всю рукопись «Капитанская дочка» и не нашел в ней ничего предосудительного. Одно только обстоятельство заставило меня к вам обратиться... Существовала ли девица Миронова и действительно ли была у покойной императрицы?»

Пушкин объяснил в ответном письме: «Имя девицы Мироновой вымышлено. Роман мой основан на предании, некогда слышанном мною, будто бы один из офицеров, изменивших своему долгу и перешедших в шайки пугачевские, был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, ки-

нувшегося ей в ноги. Роман, как изволисте видеть, ушел далеко от истины. О настоящем имени автора я бы просил вас не упоминать».

Повесть была готова к печати. Цензурных препятствий не было. Первоначально Пушкин собирался издавать «Капитанскую дочку» отдельной книжкой. Но его сотрудники по «Современнику», князь Владимир Одоевский и Андрей Краевский, настояли, чтобы повесть печаталась в журнале.

На том же настаивал Борис Враский, редактор «Гуттенберговой типографии», в которой печатался «Современник». С ним Пушкин не мог расплатиться за печатание первых трех томов журнала. Долг был значителен – более 5 тысяч рублей. Наверное, Враский полагал, что размещение повести в «Современнике» будет способствовать лучшей продаже журнала.

В это время небезызвестный критик и издатель Фаддей Булгарин в газете «Северная пчела» поместил статью «Мое перевос-

питание по методе взаимного обучения», направленную против журнала «Современник». В ней «Фиглярин вдохновенный» насмешливо писал об «Истории Пугачевского бунта»: «Для меня почти непостижимо, что из такого драматического сюжета, как несчастный Пугачевский бунт, поэт-автор не мог ничего создать, кроме сухой реляции». Как же ошибался Булгарин!

Четвертый том «Современника» вышел 24 декабря 1836 года. А уже 29 декабря на годовом акте в Академии наук филолог, писатель и издатель Николай Греч чуть не в ноги кланялся Пушкину и восклицал: «Батюшка Александр Сергеевич, исполать вам! Что за прелесть вы подарили нам! Ваша «Капитанская дочка» чудо как хороша! Только зачем это вы, батюшка, дворовую девку свели в этой повести с гувернером? Ведь книгу-то наши дочери будут читать!»

Польщенный автор улыбался: «Давайте, давайте им читать!» Он и не предполагал, что речь идет о его завещании.

В.Г. Перов.

Суд Пугачева.

1875 год.

Картина

не закончена.

Государственный

Исторический

музей

СКОЛЬКО КРИТИКОВ, СТОЛЬКО И МНЕНИЙ

Все читали «Капитанскую дочку». Все хвалили. Но в печати не появилось ни одной статьи о ней, ни одного упоминания. Пушкин умер 29 января (10 февраля) 1837 года. И только на следующий день в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» были напечатаны две строчки о его «превосходной повести».

Впоследствии современники и потомки по-разному оценивали «Капитанскую дочку».

Греч превозносил язык Пушкина: «Слог его повести «Капитанская дочка» простотою, естественностию, выразительностию и правильностию показывает, какую пользу он принес бы русскому языку, если б жил долее».

Историк литературы, критик и поэт Степан Шевырев восторгался «полнотой» повести: «Это произведение лучше всех других он выносил. И в нем можно было видеть переход к какому-то еще новому, дальнейшему развитию Пушкина, если бы жестокая судьба русской поэзии не присудила иначе». Гоголь, всегда безмерно восхищавшийся великим современником, писал: «Решительно лучшее русское произведение в повествовательном роде. Сравнительно с «Капитанской дочкой» все наши романы и повести кажутся приторной размазней. Чистота и безыскусственность возли в ней на такую высокую степень, что сама действительность кажется перед нею искусственной и карикатурной». Гоголю вторил Достоевский: «Весь этот рассказ «Капитанская дочка» чудо искусства. Не подпишись под ним Пушкин, и действительно можно подумать, что это в самом деле написал какой-то старинный человек, бывший очевидцем и героем описанных событий, до того рассказ наивен и безыскусствен, так, что в этом чуде искусства как бы исчезло искусство, утратилось, дошло до естества». Ключевский хва-

Иллюстрация
П.Л. Бунина
к повести
А.С. Пушкина

М. ФИЛИМОНОВ / РИА НОВОСТИ

лил повесть основательно, академически, по-ученому: «Пушкин был историком там, где не думал быть им и где часто не удастся стать им настоящему историку. «Капитанская дочка» была написана между делом, среди работ над пугачевщиной, но в ней больше истории, чем в «Истории Пугачевского бунта», которая кажется длинным объяснительным примечанием к роману». Белинский был сдержан. Для него это лишь «одно из замечательных произведений русской литературы»: «Самая лучшая его повесть «Ка-

С.В. Герасимов.
Пугачев
и Савельич.
Иллюстрация
к повести
А.С. Пушкина

РИА НОВОСТИ

питанская дочка», при всех ее огромных достоинствах, не может идти ни в какое сравнение с его поэмами и драмами. Это не больше как превосходное беллетристическое произведение». А молодой Лев Толстой не без сожаления записал в дневнике: «Я читал «Капитанскую дочку», и увы! Должен сознаться, что теперь уже проза Пушкина стара – не слогом, но манерой изложения».

Марина Цветаева, с детства влюбленная в Пугачева – Вожатого, вдохновенно написала о повести в статье «Пушкин и Пугачев». Для нее «Капитанская дочка» – «магические слова, магические вне смысла, одним уже звучанием своим... слова – самознаки и самосмыслы, не нуждающиеся в разуме, а только в слухе». Для Цветаевой в повести существует только Вожатый: «В «Капитанской дочке» единственное действующее лицо – Пугачев. Вся вещь оживает при звоне его колокольчика». Гринев для Цветаевой – «ничем не замечательный дворянский сын». Ей не нужно общество коменданта, Василисы Егоровны и Швабрина. И не только не нужно, но и презренно общество Марьи Ивановны, «пустого места всякой первой любви», «той самой дуры Машы, которая падает в обморок, когда палят из пушки, и о которой только и слышишь, что она «чрезвычайно бледна».

«Пустым местом» считают Машу не только Цветаева, но и многие критики. Многие из них обращали и обращают внимание на бесхарактерность героев «Капитанской дочки». Белинский относил к «резким недостаткам повести» «ничтожный, бесчувственный характер героя повести и его возлюбленной Марьи Ивановны и мелодраматический характер Швабрина».

Издатель Михаил Катков писал о «Капитанской дочке»: «В рассказе нельзя не заметить той же самой сухости, которою страдают все прозаические опыты Пушкина. Изображения либо слишком мелки, либо слишком суммарны, слишком общи».

ГЛАВНАЯ ГЕРОИНЯ

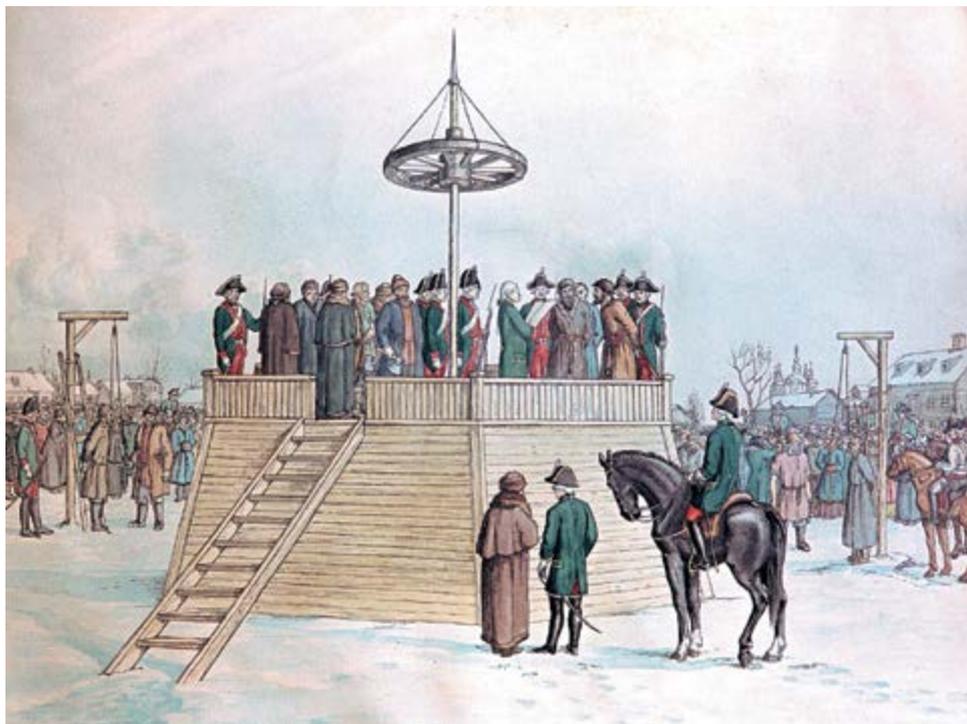
Конечно, если, как писал критик Николай Страхов, «Капитанская дочка» «есть рассказ о том, как Петр Гринев женился на дочери капитана Миронова», то, действительно, может показаться, что и характеры героев ничтожны и бесчувственны, и манера изложения стара, и рассказ сух.

Но перед нами не семейная хроника, не книга о Вожатом – Пугачеве, не исторический роман, не приключенческая повесть о русских «индейцах и ковбойцах». Перед нами завещание великого человека. Завещание гения. Хотя, конечно, сам Пушкин не вкладывал в повесть такого смысла. Но так получилось.

Это завещание написано так, что за внешней кажущейся простотой скрывается внутренняя христианская сложность. Повесть не о Петруше Гриневе, хотя он несомненный главный герой. Не о «любовном заговоре» между Пугачевым и Гриневым, как думала Цветаева. Не о «русском бунте», как настаивали советские пушкинисты. Повесть о христианстве. Конечно, в ней нет открытой евангельской проповеди. Александр Сергеевич не уличный проповедник. Он не хватает читателя за руку со словами: «Постойте, я хочу поговорить с вами о Боге». Пушкин неизмеримо глубже и тоньше.

Если мы приглядимся, то увидим, что христианство «Капитанской дочки» начинается уже с эпиграфа «Береги честь смолоду». Он перекликается с заключительными словами Евангелия от Матфея – Христос велит апостолам проповедовать всем народам, крестя и «уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28: 20).

Беречь, соблюдать, сохранять – в числе важнейших библейских глаголов. «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди» (Ин. 14: 15). А честь – правдивость, верность, справедливость – одно из важнейших понятий христианской нравственности. И Писание преду-

ПАВЕЛ БАЛМАНОВ / РИА НОВОСТИ

Репродукция гравюры «Казнь Пугачева на Болотной площади 10 января 1775 года», выполненной по рисунку А.Т. Болотова. Государственный Исторический музей

преждает: «Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдой» (Рим. 1: 18).

Петр Гринев соблюдает честь – и был помилован. Пугачев честь не соблюдает – и был казнен. И его голова, «мертвая и окровавленная, показана была народу». Несомненная христианская мысль о том, что человек должен быть тружеником, делателем и служителем, содержится

в словах Гринева-отца: «Пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон». Им вторит апостол Павел: «Вы сами знаете, как должны вы подражать нам. Ибо мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работой ночь и день, чтобы не обременить кого из вас... Ибо когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3: 7–10).

Христианской верности исполнены слова Петра Гринева: «Нет, я природный дворянин. Я присягал государыне императрице. Тебе служить не могу». И в ответ им звучат слова Апокалипсиса: «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Откр. 2: 10). Примеры можно множить, но я воздержусь от этого.

«Капитанская дочка» – повесть о христианской любви. О любви, о которой сказано в Евангелии: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15: 13). О любви, о которой апостол Павел пишет: «Любовь долготерпит, милосердствует. Любовь не завидует. Любовь не превозно-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Р.М. Сатуновская. Костюм Маши Мироновой. Эскиз к фильму «Капитанская дочка». Государственный музей А.С. Пушкина

РИА НОВОСТИ

сится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине. Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 13: 4–7).

Олицетворением этой любви является капитанская дочка Маша Миронова, «девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, с светло-русыми волосами, гладко зачесанными за уши». Через все ужасы «русского бунта» она пронесет любовь к прапорщику Гриневу. И спасет его своей любовью. Поэтому повесть и называется – «Капитанская дочка».

Этим объясняется кажущаяся бесхарактерность героев. Ведь все они – только ступени к главной героине. Все они – только зеркала, отражающие и усиливающие ее свет.

Неоднократно отмечалось, что Пушкин в этой повести искусно подражает языку и стилю XVIII века. Действительно, «Капитанскую дочку» можно сравнить с литературными произведениями той эпохи. Например, со старорусским театром, с пьесами Фонвизина. В них одному персонажу соответствует один характер, обозначенный

говорящей фамилией: Простаков, Правдин, Стародум, Скотинин, Вральман. Это следование традициям старинного театра, *commedia dell'arte* – комедии масок, театра Мольера. Как известно, Пушкин предпочитал Мольеру Шекспира. Он писал в *Table talk*: «Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков. Обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры. У Мольера скупой скуп – и только». Пушкин вполне отдал дань уважения Шекспиру в «Борисе Годунове» и «Маленьких трагедиях». Но в повести, посвященной событиям XVIII столетия, он воспользовался литературными приемами того времени. Один герой – одна маска, один характер. «Скупой скуп – и только».

Петр Гринев молод. Это его единственная отличительная черта. Но этим объясняются все особенности его характера. Гринев-отец – строгий родитель. Гринева-мать – любящая родительница. Пугачев – романтический злодей. Швабрин – просто

Кадр из фильма «Капитанская дочка».

В роли Гринева Олег Стриженов, в роли Маши Ия Арепина

злодей. Супруги Мироновы – милые простаки. Старик Савельич – преданный слуга. Императрица Екатерина – *deus ex machina*, торжествующая справедливость. Все эти персонажи выведены только для того, чтобы показать и подчеркнуть христианский подвиг Маши Мироновой.

В советской пушкинистике преобладало мнение, что «Капитанская дочка» – повесть о Пугачевском восстании, а ее главный герой – Емельян Пугачев. Это мнение наглядно представлено в незабываемом фильме Владимира Каплуновского «Капитанская дочка», снятом в 1958 году. В нем роль самозванца великолепно исполнил актер Сергей Лукьянов. Его Пугачев похож на цветавского – черные веселые глаза, огненный взор, грозный голос. Действительно, в такого нельзя не влюбиться. На фоне столь яркого Пугачева прочие герои кажутся мелкими. Гринев (актер Олег Стриженов) – сентиментальный офицерик. Швабрин (актер Вячеслав Шалевич) – опереточный злодей. Все мелки, но только не Маша Миронова. Ее роль чудесно исполнила незаслуженно забытая актриса Ия Арепина, не только чрезвычайно талантливая, но и необыкновенно красивая. По замыслу режиссера роль Арепиной была не главной, а второстепенной или даже третьестепенной – после Пугачева и Гринева. Но она так сыграла Машу, что переиграла всех. Как говорил художник Суриков о своей «Боярыне Морозовой»: «Она всех победила». Вот и Арепина всех победила. Это не удивительно. Ведь как ни задвигай капитанскую дочку на задний план, без нее нет сюжета, нет движения, нет жизни. Вся вещь оживает не при звоне колокольчика Пугачева, а при звуках ангельского голоса Маши Мироновой. Ведь повесть-то о ней.

Пушкин это знал. Но знает ли и понимает ли это современный читатель? 📖

ЭКСТРАВАГАНТНЫЙ АНТИКВАР

АВТОР
АЛЕКСЕЙ ГУДКОВ

ГРИГОРИЙ ПРЯНИШНИКОВ ИМЕЛ В ЖИЗНИ ДВЕ СТРАСТИ: ОБОЖАЛ ДЛИННЫЕ БОРОДЫ И ИСПЫТЫВАЛ НЕОПИСУЕМУЮ ЛЮБОВЬ К СТАРИННЫМ ВЕЩАМ. ВПРОЧЕМ, ЭТО БЫЛИ НЕ ЕДИНСТВЕННЫЕ СТРАННОСТИ ГОРОДЕЦКОГО КУПЦА-АНТИКВАРА, СОБРАВШЕГО ОГРОМНУЮ КОЛЛЕКЦИЮ ИКОН, МОНЕТ, РУКОПИСЕЙ И СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

лявшего пряничным производством. Родители будущего коммерсанта-антиквара были неграмотными крестьянами-старобрядцами. Никакого образования не дали они и своему сыну, который, по воспоминаниям современников, выучился лишь читать по-церковнославянски и писать «какими-то смешными каракулями».

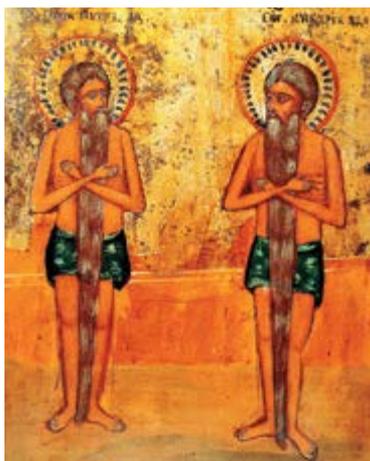
Жизнь Прянишникова кардинально изменилась после женитьбы на Любови Носовой – дочери состоятельного жителя соседнего города Семенова, в приданое за которой он получил 90 тысяч рублей! Кроме того, вскоре после свадьбы тесть, Петр Носов, выстроил в Городце большой двухэтажный особняк и подарил его зятю. Разбогатевший Прянишников открыл собственную мануфактурную торговлю и начал собирать иконы, лицевые рукописи и другой антиквариат.

НЕ СЕКРЕТ, ЧТО ИМЕННО частные купеческие собрания составляют сегодня золотой фонд многих российских музеев. Коллекция Прянишникова – одного из самых ярких и экстравагантных купцов-коллекционеров рубежа XIX–XX веков – не стала исключением.

Фамилия нашего героя подсказывает, чем занимались его предки. И правда, Григорий Матвеевич Прянишников, родившийся в 1845 году, унаследовал ее от своего прадеда Никифора, промыш-

Г.М. Прянишников.
Фото 1896 года

Онуфрий и Петр
Афонские. Икона

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

БРАДОЛЮБИВЫЙ СТАРИНЩИК

С детства Григорий Прянишников имел две страсти: любовь к старинным вещам и длинным бородам. Маленький Гриша подолгу разглядывал изображения святых на иконах – особенно Онуфрия и Петра Афонских. Он даже завидовал им, поскольку сам мечтал иметь подобную бороду. В итоге мечта его сбылась. Городецкий каллиграф и художник Иван Блинов (см.: «Русский мир.ru» №7 за 2016 год, статья «Золотое перо»), оставивший пространственные воспоминания о Прянишникове, писал: «У него также выросла очень длинная борода, имеющая вид две косы, достигавшая много ниже колен, это самое совпадение и послужило ему как основой любить и собирать иконы». Свою необычайно длинную бороду Григорий Матвеевич обычно носил под кафтаном или поддевкой и никогда не расчесывал. Лишь будучи приглашенным на императорский бал в Санкт-Петербурге, Прянишников привел ее в порядок, расчесал и уже с ухоженной бородой снялся на «фотографическую карточку». Любовь ко всему старинному и вовсе переросла в своеобразную одержимость. В течение сорока лет Григорий Матвеевич пил из одной и той же чашки, почти всю сознательную жизнь покрывал стол одной залатанной скатертью, имея около 20 новых кафтанов и массу ненашенных рубашек, ходил в засаленных обносках, а в поездки брал с собой затертый прадедушкин саквояж. Даже пользоваться баней и менять белье Прянишников позволял себе лишь раз в шесть месяцев, отчего в последние годы жизни у него было «страшное обилие» вшей: «В комнате, где он находился, – вспоминал Блинов, – нельзя было садиться на стул или прислониться к стене, потому что везде расплозились ево прикормленные паразиты». Своим домашним Прянишников позволял мыться чаще, но обычно не более десяти раз в год. Скупость и прижимистость Григория Матвеевича были не

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

менее легендарны, чем его борода: торговался он нещадно, подчас вынуждая продавцов старины отдавать ему вещи себе в убыток. Антиквар-букинист Павел Петрович Шибанов вспоминал: «Торговался Прянишников самым жесточайшим образом, и продать ему вызывала только крайняя необходимость в оборотных средствах».

Став со временем превосходным знатоком антиквариата и заработав высокий авторитет в предпринимательской среде, Прянишников собрал великолепную коллекцию икон, лицевых рукописей, старопечатных книг, монет и иных ценных вещей. Именно Григорий Матвеевич заложил среди состоятельных горожан своеобразную моду на собирание домашних моленных, которая нередко оборачивалась «бешеной погоней» за ценными книгами и иконами с целью «щегольнуть» перед соседом. Это «состязание» привело в Городец массу богомазов и торговцев-офеней из сопредельных областей.

Успенская
старообрядческая
часовня. Городец.
Фото конца
XIX века

БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК

Из-за необычайно длинной бороды многие городецкие обыватели почитали Григория Матвеевича за провидца и Божьего человека. Со временем слава об экстравагантном антикваре распространилась далеко за пределами Городца. Наиболее сильное впечатление Прянишников производил на женщин, особенно монахинь, считавших его чуть ли не святым. Но в рядах его поклонников были и многие состоятельные люди, в числе которых выделялся один из богатейших купцов России того времени, Николай Александрович Бугров, не решавший без совета Григория Матвеевича ни одного религиозного вопроса.

Столь значительное число почитателей возникло не на пустом месте: Прянишников помимо того, что был начитан в «святых книгах», и впрямь обладал незаурядными психологическими способностями. «В нем, – пишет Блинов, – было чудное душевное созерцание и великий ум, <...> ужасно чуткое сердце, иногда мог отгадывать мысли людей, <...>. Любил всегда говорить о Боге, о бытии и творении Божии, о небесном чиновачалии. <...> Он твердо верил в загробную жизнь, и сильна у него была вера в Бога. Но любил иногда и шутить, потому что в нем и

Дом Г.М. Пряниш-
никова. Городец.
Современный вид

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

чуждачество было страшное, его немногие понимали, он с каждым человеком был разный, некоторые считали его прямо ненормальным».

В молодости Прянишников любил петь песни и играть в карты. Упомянув о последнем увлечении Григория Матвеевича, Блинов описывает весьма интересный случай: «Одно время с ним случилось такое происшествие: как-то пришлось ему быть в тонком сне, одному в комнате, вдруг ему представляется кто-то, отворил дверь и на пороге появился человек в виде Иоанна Богослова, и грозит ему пальцем и говорит: «Смотри ты, у тебя в руках Евангелие». И затем пропало это видение. А ему тогда часто приходилось читать Евангелие, и вот он размыслил, что это за то ему грозил, что играет в карты, и с тех пор больше никогда не играл». Вина Прянишников не употреблял вовсе, как и любой алкоголь.

Отмеченное Блиновым чуждачество и унаследованный от матери тяжелый характер с годами стали у Григория Матвеевича еще более выраженными. Домашний быт семьи Прянишникова был настолько стеснителен, что все, начиная с жены и заканчивая прислугой, «до такой степени были запуганы его суровым и диким характером, а также и упрямым несговорчивым нравом, что боялись даже свободно взглянуть на людей». Ни одна служанка не задерживалась в доме Прянишникова надолго; а его невестка сразу после ранней смерти мужа, Александра Григорьевича, тут же воротилась к отцу.

В дни памяти родителей и жены, скончавшейся родами, Прянишников устраивал угощение для бедняков, каждому из которых дарил по деревянной ложке. В конце жизни Григорий Матвеевич даже вознамерился принять постриг, для чего заранее приобрел себе старинное облачение. Впрочем, это свое намерение он так и не осуществил.

«ДЕВЯТАЯ НАЛИВА»

Еще одной страстью предпринимателя были продолжительные чаепития, в ходе которых выпивался не один десяток чашек: самовар на полведра, как правило, ставился три раза в день. Самовар Григория Матвеевича был на сто лет старше своего хозяина – покривившийся, с поломанными ручками. Чаепитиям обычно сопутствовал прием гостей, чей поток, по причине обилия поклонников, фактически не прекращался; дом же Прянишникова был открыт буквально для всех. Больше всего Прянишников любил принимать у себя белых попов, бродячих монахов и всевозможных странников, с увлечением слушая их истории. Причем, как это ни парадоксально, ему особенно нравилось расспрашивать их про интимные дела. От некоторых своих посетительниц, которых приходило к нему немало – пожаловаться на семейные неурядицы, получить тот или иной совет, а часто и просто посплетничать, – Григорий Матвеевич настойчиво требовал рассказывать ему все, вплоть до самых тайных подробностей...

Знакомые Прянишникова называли подаваемый им чай «девятой наливой». «Есть-ли Вы напились и больше не хотите, – вспоминал Блинов, – не тут-то было, у него обыкновение угощать до тех пор, когда вода вся в самоваре и чай промочет раз до 10, и когда он будет светлее воды, вот тогда Вы будете свободны, <...>, хотите или не хотите, но до этой 9-й наливки Вам придется высидеть чашек до 30 и больше». Если же в момент прихода очередного гостя чай все же заканчивался, купец всегда находил выход. Так, однажды к нему зашел один почитатель, повиновавшийся Прянишникову буквально во всем, а поскольку в самоваре воды уже не осталось, Григорий Матвеевич заставил его «выкушать» полную полоскательницу сливок.

Как-то раз к Прянишникову, рассказывает Блинов, пришли два известных скупщика антиквариата, которые до того обманули

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Архангел Гавриил, пророк Моисей и Ковчег Завета. Миниатюра из «Хроники Георгия Амартола». Скрипторий Г.М. Прянишникова. 1891 год

нескольких клиентов, и предложили ему купить изящный резной крест XV столетия, стоивший не менее ста рублей. Но Григорий Матвеевич попросил продать ему крест за восемь, предварительно взяв его «посмотреть». Гости, конечно, отказали и уже собирались уходить, попросив хозяина вернуть крест обратно. Однако Прянишников креста не отдал, а усадил их за стол и начал угощать чаем. За время чаепития и последующего «общения» с Григорием Матвеевичем торговцы были доведены до такой степени психического истощения, что буквально сбежали из его дома, не только оставив Прянишникову крест, но даже не взяв предложенные купцом 8 рублей серебром. Прянишников бросил деньги им вслед, когда те уходили, – несмотря на крайнюю скупость, брать что-либо бесплатно коллекционер почитал грехом.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Канон Честному Кресту. Фрагмент выходной записи. Скрипторий Г.М. Прянишникова. 1899 год

ДОМОВЫЙ СКРИПТОРИЙ

Обзаведясь богатым книжно-рукописным собранием, Григорий Матвеевич решил организовать в своем доме книгописную мастерскую, где в 1880-х – начале 1900-х годов было создано около 60 высокохудожественных манускриптов. Из работавших в скриптории Прянишникова каллиграфов и миниатюристов известны такие мастера, как родственник Григория Прянишникова Максим Прянишников, Никандр Копалнин, Иван Зогимов, Григорий Аввакумов и книгописец младшего поколения Иван Блинов.

Лучшим миниатюристом, работавшим на Григория Матвеевича, был Максим Прянишников, являвшийся также талантливым иконописцем. Авторству Прянишникова принадлежат иллюстрации к «Толковой Псалтири», «Книге пророков с толкованиями», «Книге Григория, папы Римского» и к ряду других замечательных по красоте книг. Его «картины», выполненные темперой в иконописной манере, обычно имеют золотой фон, отличаются изяществом и тонкостью линий, тщательной проработкой ликов, складок одежд и различных мелких деталей. Что касается каллиграфии, то в ней уже к середине 1890-х годов не было равных молодому Ивану Блинову, для которого скрипторий Григория Матвеевича стал первой школой мастерства. Для работы в скриптории помимо профессиональных книгописцев Прянишников привлекал и простых обывателей, трудившихся для него подчас лишь за еду и ночлег.

Создававшиеся в скриптории Прянишникова манускрипты ни в коей мере не являлись подделками, но были авторскими копиями переписываемых произведений: в выходных записях ставилась реальная дата, называлось имя каллиграфа и чьим «иждивением» создавалась и оформлялась рукопись, которая могла довольно далеко отходить от копируемого образца. Так, своего рода отражением

хозяйских вкусов и образа жизни является вставка в переписанную по заказу Прянишникова «Хронику Георгия Амартола»: небольшой текст в конце «Хроники» повествует «о том, како первоначально у нас в Россию был привезен чай из китайской земли». Этот рассказ проиллюстрирован соответствующей миниатюрой с изображением царя Михаила Феодоровича, которому посол Василий Старков преподносит «от Алтын-хана» ценный подарок – четыре пуда китайского чая.

Среди написанных в скриптории миниатюр встречается и портрет самого Григория Прянишникова, созданный, согласно подписи, 1 ноября (13-го по новому стилю) 7402 года от Сотворения мира (то есть 1894 года). «Картина» расположена в конце манускрипта, содержащего «Песнь Песней» царя Соломона. Художник поместил Григория Матвеевича справа от зрителя – предвостоящим Христу Великому Архиерею, с книгой в левой руке и храмом – в правой: предприниматель-коллекционер посвящает Богу плоды своих земных трудов. Надпись под изображением, созданная с применением трех видов тайнописи, гласит: «Григорей раб Божий приносит Иисусу Христу дело рук человеческих».

СУДЬБА КОЛЛЕКЦИИ

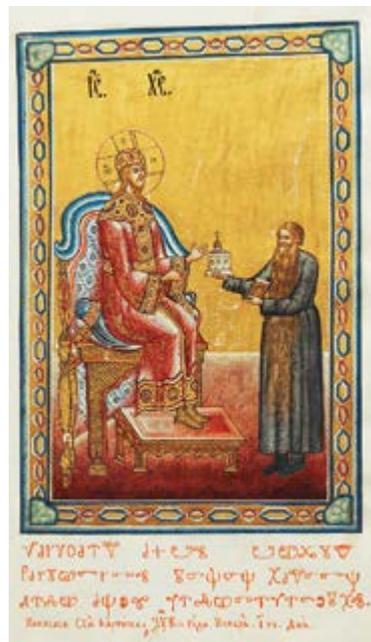
Григорий Матвеевич Прянишников скончался 21 июня 1915 года. К этому моменту его коллекция насчитывала 710 писанных икон, 1500 меднолитых икон, множество шитых икон и воздѹхов XIV, XV, XVI и XVII столетий, ратную хоругвь 1611 года, кафтан, жалованный его деду Екатериной II, 203 рукописи (не менее 18 из них были переписаны непосредственно по его заказу), 300 старопечатных книг, 150 золотых и 950 серебряных монет, среди которых был даже редчайший Константиновский рубль 1825 года, известный сегодня лишь в нескольких экземплярах. Многие иконы имели серебря-

Посол Василий Старков преподносит чай царю Михаилу Феодоровичу. Миниатюра из «Хроники Георгия Амартола». Скрипторий Г.М. Прянишникова. 1891 год

ные оклады общим весом более 4 пудов и жемчужные украшения на 12 фунтов. Заслуги Прянишникова как собирателя-антиквара и хранителя старины были по достоинству оценены современниками – как членами городецкой старообрядческой общины, так и научным сообществом. Пред-

Григорей раб Божий приносит Иисусу Христу дело рук человеческих. Миниатюра из «Песни Песней Соломона с Толкованием». Скрипторий Г.М. Прянишникова. 1894 год

приниматель числился попечителем Городецкой старообрядческой часовни и с 1888 года состоял членом Нижегородской губернской ученой архивной комиссии.

Коллекция Григория Матвеевича вместе с домом перешла по наследству его младшей дочери, Стефаниде Малехоновой. В 1918 году книжно-рукописная часть собрания при посредничестве Ивана Блинова была приобретена Румянцевским музеем и ныне составляет фонд №242 Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. В архиве Григория Георгиевского сохранилась переписка с Иваном Блиновым 1918–1919 годов, посвященная вопросу транспортировки коллекции (Григорий Петрович занимал в те годы должность хранителя Отдела рукописных и славянских старопечатных книг. – Прим. авт.). «Ключи от собраний П.А. Овчинникова и Г.М. Прянишникова хранятся в Городецкой Жилищной Комиссии, – пишет Блинов Георгиевскому в июне 1919 года, – они же дали мне слово отпечатать Библиотеки. Справить на пароходах вполне можно, чрез Нижний или же Ярославль, где угодно». Находившиеся в собрании Прянишникова иконы и старопечатные книги в 1923 году были переданы в Исторический музей. Некоторая часть икон попала также в Третьяковскую галерею; те же, что остались в Городце, – в местный краеведческий музей, а оттуда – в Художественный музей Нижнего Новгорода.

Дело Григория Прянишникова по собиранию предметов старины и организации домашнего скриптория явилось яркой страницей русской культуры рубежа XIX–XX веков. А колоритная личность самого предпринимателя навсегда осталась в свидетельствах современников и памяти потомков символом золотого века поволжского купечества и связанного с ним расцвета антикварной торговли и домашних моленных. ❀

АННА ЛИТМАН

«ОТКРЫТАЯ КАРТА» ДЛЯ ВЛЮБЛЕННЫХ В ГОРОД

АВТОР

ВАЛЕНТИНА ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА

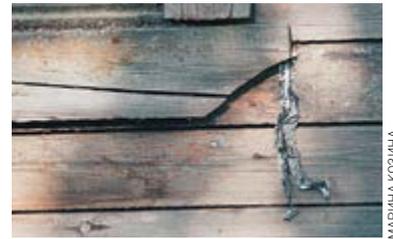
УЖ ВРОДЕ И ТУФЛИ САМЫЕ УДОБНЫЕ ВЫБРАЛА, А ВСЕ РАВНО – ДО МОЗОЛЕЙ. ПРАВО, ГУЛЯТЬ ДО СТОПТАННЫХ НОГ МОЖНО ИЛИ ОТ БОЛЬШОГО ЛЮБОПЫТСТВА (ВАРИАНТ «ТУРИСТИЧЕСКИЙ»), ИЛИ ОТ БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ (ВАРИАНТ «РОМАНТИЧЕСКИЙ»). А ЕСЛИ ОБЪЕДИНИТЬ И ТО, И ДРУГОЕ, ПОЛУЧИТСЯ ДВУХДНЕВНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ЭКСКУРСИЙ «ОТКРЫТАЯ КАРТА» – ЕГО ПРОВОДЯТ МЕСТНЫЕ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ГИДЫ, И НЕ ДЛЯ ТУРИСТОВ, А ДЛЯ СВОИХ ЖЕ ЗЕМЛЯКОВ. НЕДАВНО ТАКОЙ ФЕСТИВАЛЬ ПРОШЕЛ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ.

Н А УЛИЦЕ – ЖАРА И духота, моим прогулкам пошел четвертый час – пить очень хочется. Вот когда пожалеешь, что «Открытая карта» – это не обычный городской фестиваль с традиционными мастер-классами, ярмаркой мастеров и, главное, фуд-кортом. Но пожалеешь лишь на мгновение, пока не заметишь маленькую аптеку на углу: «Мне, пожалуйста, лейкопластырь и бутылку питьевой воды».

Стандартный набор пешего туриста. Сегодня я – турист в родном городе, и мне уже рассказали про «красный» Нижний – места, где Ленин выступал перед местной интеллигенцией, жили видные революционеры, зарождалось революционное движение. Ведущий экскурсии Митя Фролов, психиатр по профессии, не выглядит человеком, который разделяет коммунистические взгляды, но давно исследует слегка подзабытую нынче тему. Оказывается, не ему одному это интересно! Если старшее поколение, может, и устало от маршрутов «по ленинским местам», то для категории 20+ (таких на «красную» экскурсию пришло большинство) тема революции не слишком знакома и крайне романтична. Но это далеко не самый экзотический маршрут в программе фестиваля, а всего их почти три десятка. Фотопрогулка по крышам, гид по барам, экскурсия по центру на самокатах и по автозаводскому соцгороду на велосипедах – организаторы подготовили так много интересного, что фестиваль занял два, а не один день. Сейчас я спешу на экскурсию, на которой... ничего не увижу, потому что ее проводит незрячий гид.

МАРИНА КОЗИНА

МАРИНА КОЗИНА

В Нижнем Новгороде стрит-арт часто создают именно на деревянных домах

новых местах, выйти за пределы своих ежедневных маршрутов. А еще познакомить город с некоторыми сумасшедшими энтузиастами, которые знают о каких-то его уголках больше, чем любой из нас.

Хотя идея фестиваля пришла из Санкт-Петербурга, где он уже с успехом проходил несколько раз, именно в Нижнем Новгороде название «Открытая карта» зазвучало особенно символично. Ведь Нижний из-за многочисленных оборонных предприятий с 1959 по 1990 год находился в статусе «закрытого» города (тогда он еще назывался Горьким). Об этом до сих пор вспоминают, когда говорят о причинах сравнительной непопулярности и неизвестности города среди иностранных туристов. Пятый по величине мегаполис России с 795-летней историей известен в мире меньше, чем, например, небольшие городки Золотого кольца. Сказать по правде, порой у самих нижегородцев от этого развивается комплекс провинциальной неполноценности: кажется, что, кроме Кремля, исторического центра да царственного вида на слияние Оки с Волгой, похвастаться здесь особо нечем.

Но это неправда, и «Открытая карта» стала отличным способом сделать так, чтобы обычные жители почувствовали себя удивленными туристами, увидели то, чего не замечали раньше, побывали там, где не были, а заодно познакомились с эрудированными земляками. Забегая вперед, скажу, что за два дня около 300 нижегородцев стали участниками этого фестиваля.

«ЗАКРЫТЫЙ» ГОРОД ОТКРЫВАЕТСЯ

По пути случайно встречаюсь с другой экскурсией – Никита Nomerz, уличный художник, известный далеко за пределами Нижнего и даже России, показывает самые интересные объекты нижегородского стрит-арта. Здесь замечаю Катю Романову – это именно она придумала, а точнее, подсмотрела у питерцев идею фестиваля. Вообще-то Катя – координатор волонтерских лагерей молодежного движения «Сфера», организатор языковых встреч для иностранцев «Солянка» да и просто известный в Нижнем Новгороде «человек мира». Вы-

пускница местного лингвистического университета, она успела объездить полмира – честно говоря, многие думали, что она так и оседет в какой-нибудь Аргентине или Боливии. Но она вернулась в Нижний Новгород, потому что решила, что можно жить вполне интересно, если не скучать самой и шевелить других. Собрала команду из пяти таких же нескучных девушек и...

– Катя, зачем ты вообще это все затеяла?

– Мне понравился проект и захотелось использовать его, чтобы хорошенько отдохнуть, поэкспериментировать и повеселиться. Самой побывать в

27 экскурсий по разным районам Нижнего Новгорода провели энтузиасты в рамках фестиваля «Открытая карта»

МАРИНА КОЗИНА

Никита Nomerz, уличный художник с мировой известностью, сам предложил провести экскурсию по стрит-арту

НЕ ЭКСКУРСИЯ, А ТРЕНИНГ

У входа в тихий парк имени Свердлова, что в центре города рядом с консерваторией, толпится необычно много людей. На экскурсию с закрытыми глазами записалось более десяти человек, да еще каждому из них полагается волонтер, который, в случае чего, поддержит за руку. Я слегка опаздываю на вводный инструктаж, но мне тут же вручают темный шарф и белую трость:

– Специальных повязок больше нет, но платок вполне подойдет. Мы погружаемся в темноту и, уже не видя стоящих рядом, представляемся по кругу и рассказываем, чего ждем от этой экскурсии. Рассказывать о себе и так не всегда легко, а будто в пустоту – вдвойне. Слышно, как распеваются в консерватории, играют в мяч на площадке и проезжает мимо трамвай – звуки, на которые я еще минуту назад не обращала особого внимания.

– Откажитесь от соблазна думать, что сейчас вы почувствуете, как себя ощущает слепой человек, – предупреждает Марина Рощина, наш экскурсовод. – На самом деле незрячий с детства, если с ним занимались и он был обучен, чувствует себя с тростью

«Экскурсия, на которой вы ничего не увидите» была одной из самых популярных

несравнимо более уверенно, чем вы. А если он потерял зрение внезапно во взрослом возрасте, то переживает это, наоборот, значительно сложнее. Так что эта экскурсия ничего не расскажет вам о слепых – она расскажет вам что-то о вас самих и, может быть, о городе.

Марина Анатольевна – заместитель директора частного Нижегородского центра реабилитации инвалидов по зрению «Камерата» и руководитель Тифлоинформационного центра Нижегородского госуниверситета им. Лобачевского (ННГУ). Она не помнит себя зрячей, хотя в

семье сохранились, как говорит сама Марина, «слухи» о том, что младенцем она собирала с пола игрушки. Инвалидом по зрению I группы она окончила факультет вычислительной математики и кибернетики ННГУ и вот уже почти два десятка лет реабилитирует инвалидов по зрению, защитила диссертацию на тему социальной интеграции незрячих людей. Но такой «тренинг» для зрячих она проводит впервые – организаторы «Открытой карты» сами нашли ее и предложили идею.

Инструкции Марины Анатольевны четкие и понятные, но

Знакомство со шрифтом Брайля

ЕКАТЕРИНА КОНОХОВА

от этого не менее волнующие: пользуясь только тростью, пройти по ближайшей аллее, вернуться, попробовать то же самое другим способом – взявшись за плечо впереди стоящего. Так, гуськом и временами наступая друг другу на пятки, мы приближаемся к одному из арт-объектов, установленных в парке, – пытаемся на ощупь определить, что это. Никогда не догадалась бы, что это беседка, если б не видела ее раньше! И никогда не стала бы так внимательно ощупывать шероховатую поверхность деревянных брусьев, из которых она сдела-

на, если б не повязка на глазах сейчас.

– Присядьте на лавочку, сейчас мы еще поиграем с вами в загадки. – Марина просит волонтеров раздать нам различные предметы. На ощупь мы знакомимся с тем, что до этого ни разу в жизни не видели: специальной сантиметровой лентой, где каждые 5 сантиметров отмечены металлической скобкой; специальными шахматами для слепых – от обычных они отличаются риской по низу фигуры. Кстати, я так и не узнала, черную или белую обозначают таким образом.

Ходьба гуськом – один из способов передвижения слабовидящих в городе

ЕКАТЕРИНА КОНОХОВА

Чем отличается портновский метр для незрячих от обычного?..

В НЕВИДИМОМ ТРАМВАЕ

Впечатлений уже столько, что следующее предложение звучит неожиданно:

– А теперь мы с вами прокатимся на трамвае!

Вцепляюсь в руку мужа, который вызвался быть моим волонтером. Кажется, я еще никогда в жизни не доверяла ему так безгранично, как сейчас. Автомобильное движение здесь не очень интенсивное, но все равно звук каждой проезжающей мимо машины пугающе близок. Доходим до трамвайной остановки за углом – кстати, она никак для незрячих не отмечена, даже стандартной стеклянной будки здесь нет. Узнать, что здесь остановка, можно лишь отсчитав шаги (если подготовился заранее) или спросив у окружающих. Которых, к слову, в этот субботний день рядом не оказалось... Кондуктор подошедшего трамвая удивлена нашей странной компании, но рада: пассажиров-то сколько! Потом многие участники скажут, что выходить из трамвая страшнее, чем заходить в него, но для меня было наоборот: не знаешь, насколько много в нем людей и где именно находятся сиденья, ведь типы вагонов бывают разные.

Выйдя из трамвая, направляемся в популярное антикафе Нижнего: вообще-то я часто там бываю и хорошо представляю себе, где оно находится, но в темноте и с тростью дорога с непривычки кажется намного длиннее.

– Осторожнее, тут дохлая кошка! – вдруг отводит в сторону мою трость муж. Минуту спустя он теряет бдительность, и на входе я слегка врезаюсь в косяк: входить в двери, даже знакомые, оказывается, тоже надо учиться.

УЗНАТЬ «МОНУ ЛИЗУ»

На ощупь рассаживаемся за столы и получаем в руки карточки со шрифтом Брайля: что на них? Разгадав геоме-

трические фигуры и алфавит, переходим к заданию, с которым, как потом расскажет Марина Анатольевна, еще не справился ни один незрячий. Безрезультатно трогаем хаос выпуклостей и точек на листке: никаких идей.

Снимаем повязки. Да это «Мона Лиза»! Марина смеется:

– Этот удивительный экспонат мы привезли с выставки во Франкфурте. Энтузиасты пытались «переложить» репродукции известных картин на шрифт Брайля, но ни один знакомый слабовидящий не смог понять даже того, что на этой карточке изображен человек.

Участники заметно оживляются, сняв повязки, и вопросы еще долго не кончаются:

– Где в городе незрячему человеку ориентироваться проще всего?

– Проще всего – там, где порядок. Где улицы убраны, люки закрыты, автомобили припаркованы в положенных местах. И в помещениях – также.

– Почему иногда люди с тростью отвергают помощь?

– Во-первых, все незрячие, так же как и зрячие, люди разные. Кто-то более общителен, а кто-то менее. Не думайте, что если однажды вашу помощь отвергли, то всем слабовидящим она не нужна. Кроме того, чаще всего из окружающих свою помощь предлагают, к сожалению, люди подвыпившие. Это может быть очень опасно. Поэтому если человек с тростью заподозрил что-то, то может вам отказать. Но чаще всего незрячие люди благодарны за любую адекватную помощь, особенно на остановках и переходе через дорогу.

По общему мнению, «экскурсия с закрытыми глазами» была одной из самых интересных в фестивальной программе. Помимо незрячих «Открытая карта» уделила внимание людям с нарушениями слуха: одну из экскурсий по деревянным дворикам Нижнего сопровождал сурдопереводчик.

ЮЛИЯ ТЯГУНИНА

Елена Хусаиновна Куликова – одна из жительниц дома с «Кружевами памяти» на улице Нестерова, 35

«Кружева памяти» были созданы год назад художниками Тимофеем Радя и Стасом Добрым в рамках фестиваля «Новый город: Древний»

КРУЖЕВА ПАМЯТИ

– Здравствуйте, Елена Хусаиновна! А мы тут про ваш уникальный дом рассказываем! – Краевед Олеся Филатова приветливо здоровается с женщиной, которая вышла на веранду, привлеченная нашей толпой в своем тихом дворе. Люди, живущие здесь, привыкли быть на чеку: их бдительность не раз спасала дом от поджогов и другого вредительства.

Дом построили в 1926 году по проекту архитектора Новикова, и здесь, как рассказывает Олеся, до сих пор живут потомки его строителей: семья Рука-

вишниковых-Новиковых, а также Куликовы, имеющие в роду известного астрофизика Сергея Жевакина и декабриста Иосифа Поджио. Елена Хусаиновна – сама человек науки, много лет проработала в радиофизическом институте. Это настоящее «родовое гнездо» русских интеллигентов, но дом интересен не только этим: год назад он стал центральной работой фестиваля уличного искусства «Новый город: Древний», когда уличные художники в непосредственном сотрудничестве с жителями и при их участии создавали на фасадах старых зданий произведения искусства. Теперь деревянные стены дома №35 по улице Нестерова украшены белыми ажурными мотивами, по ним – цитаты из «Исповеди» Августина Блаженного, где философ рассуждает об устройстве человеческой памяти. Деревянные доски – будто линейки в тетради, кружева – как бабушкины салфетки на комод.

Экскурсия Олеси называется «Свидетели жизни», и она проводит свою группу по дворам деревянных домиков Ковалихинского Оврага, куда редко заходит посторонний. По склону поднимаемся к комплексу зданий, где когда-то находилась земская больница, а до этого – «арестантская рота»: больничный корпус, флигель для служителей, баня, каретник, караулка. Олеся рассказывает об арестантском быте начала века и добавляет, что вскоре эти дома снесут, часть из них уже расселена.

– Здесь можно было бы сделать прекрасный музейный квартал, – мечтает она, – тем более что рядом – Дом-музей Максима Горького, место, где находилась его последняя квартира, памятник федерального значения. Но, несмотря на это и на то, что косвенно музей тоже пострадает от строительства, поскольку вся техника будет заезжать через его территорию, уже принято решение о возведении здесь многоэтажного здания.

ИРИНА ЖУЧКОВА

ЮЛИЯ ТЯГУНИНА

ТРЕБУЕМ ПРОДОЛЖЕНИЯ!

Тех, кого новенькие многоэтажки интересовали больше покосившихся старинных домов, ждала экскурсия «Как устроен мегаполис?» известного в Нижнем архитектурного критика, создательницы проектов «Рейтинг архитектуры» и «Международный день архитектуры» Марины Игнатушко. Вместе с главным архитектором жилого комплекса, вошедшего в десятку лучших построек Нижнего Новгорода по итогам 11-го «Рейтинга архитектуры», она расска-

зала, как устроены современные дома, как добиться «двора без машин» и как поднималась на крышу самого высокого в городе жилого здания в 25 этажей. Марина – одна из приглашенных гидов, которых организаторы знали лично еще до фестиваля:

– Очень рада, что в городе есть люди, готовые к нестандартным маршрутам и рассказам, к личным открытиям и неожиданным ракурсам. Такое послойное узнавание Нижнего Новгорода нам всем необходимо!

Всего экскурсоводов в нижегородской «Открытой карте» собралась чертова дюжина, и среди них были как приглашенные, так и те, кто заявился сам, заполнив специальную анкету в Интернете. Таким образом, рассказать о своем любимом уголке мог абсолютно любой нижегородец. Для популярности экскурсии роль гида порой была определяющей: так, про Юрия Попова, основателя сообщества «Едакция» в «Фейсбуке», который вел прогулку по Среднему рынку, кто-то в Сети написал: «Ребята, если вы пропустите Попова, то вы пропустите всё!» Вроде бы дело нехитрое: совместный поход на один

из самых старых рынков города, советы, как лучше выбирать продукты, знакомство с продавцами и, конечно, дегустация. Но после такой рекламы билеты на экскурсию по рынку разлетелись молниеносно. И кстати, не все экскурсоводы забирали свои гонорары – просили организаторов перевести деньги на нужды благотворительных организаций. Часть экскурсий вообще была бесплатной.

Самый частый из отзывов участников – благодарности и просьба сделать фестиваль ежегодным. И организаторы почти сразу сказали: понравилось – повторим! 8–9 октября энтузиасты вновь отправятся изучать город, но маршруты будут уже совсем другими. Чтобы быть независимой от дождей и непогоды, осенняя «Открытая карта» сосредоточится внутри зданий. Организаторы уже сейчас анонсируют изучение закулисья театров, музыкальные коридоры консерватории, научные лаборатории, заводские и фабричные цеха, а также другие интересные места с не совсем свободным пропускным режимом. На то она и «Открытая карта», чтобы распахивать даже закрытые двери. 🍷

Краевед Олеся Филатова не просто знает историю домов и улиц, она лично знакома со многими жителями

КОЛЛЕГИ СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ, ЛОМОНОСОВ И СЕВЕРНЫЙ ХОР – СЕГОДНЯ ЭТО ТРИ САМЫХ ИЗВЕСТНЫХ «БРЕНДА» АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ. И ХОТЯ ПОСЛЕДНИЙ ИЗ НИХ САМЫЙ «МОЛОДОЙ», ОДНАКО Ж ПРИ ЭТОМ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЕВЕРНЫЙ РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ХОР – ОДИН ИЗ СТАРЕЙШИХ ХОРОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ РОССИИ. В НЫНЕШНЕМ ГОДУ ЕМУ ИСПОЛНИЛОСЬ ДЕВЯНОСТО ЛЕТ.

СВОЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ гастрольный тур Северный хор начал концертом в Вологде. И это удивительно: ведь именно этот город сыграл в истории коллектива огромную роль. В 1919 году уроженка Вологодской губернии, простая учи-

тельница народной школы Антонина Колотилова решила объединить земляков-любителей русской народной песни. Антонина Яковлевна сама была превосходной певицей-самородком, к тому же обладала незаурядными организаторскими способностями. Довольно бы-

стро самодеятельный женский коллектив стал пользоваться заслуженной популярностью в Великом Устюге.

Свой первый концерт хор дал 8 марта 1926 года, а спустя пять лет Антонине Колотиловой предложили переехать в Архангельск – там к хору присоединились местные таланты, и начались большие гастроли по всей стране. На концертах Северного хора не только пели песни и плясали, но даже сказки рассказывали – руководитель коллектива разыскала в архангельской глубинке народных сказительниц и уговорила их выйти на сцену. А сцены у Северного хора уже в 30-е годы были как провинциальные, так и столичные – вплоть до кремлевской.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В 1940 году ансамбль становится профессиональным. Все годы Великой Отечественной войны хор ездил по госпиталям, артисты в то время дали более тысячи концертов. Старейшая солистка Северного хора, Надежда Иосифовна Чурон, накануне юбилея вспоминала о том, как во время одного из таких выступлений фашисты бомбили дворец культуры, в котором выступал коллектив. «Немцы бомбят, а зрители не уходят», – рассказывает она.

В 1960 году в Северный хор пришла новый хормейстер – Нина Константиновна Мешко, которая спустя год возглавила коллектив. Она была выдающимся специалистом по народной песне, получившая звание народной артистки СССР. Период, когда хором руководила Нина Мешко, принято считать «золотым» в истории коллектива. В эти годы Северный хор – всесоюзно признанный государственный коллектив, который приглашают на многие крупные концерты и показывают по центральному телевидению. Нина Константиновна собрала уникальный коллектив, балетное и оркестровое отделения возглавили самобытные мастера: балетмейстер Иван Меркулов, опираясь на архангельские танцевальные традиции, фактически изобрел особый

стиль танца; а многолетний руководитель инструментальной группы Борис Туровник, новатор в манере игры и звукоизвлечении, сделал звучание Северного хора узнаваемым. Нина Константиновна возглавляла ансамбль до самой смерти в 2008 году.

Сегодня Северный хор – «бренд» Архангельской области наряду с Ломоносовым и северным сиянием. Ансамбль начинал с 20 исполнителей, теперь же в коллективе работает более 70 артистов. Юбилейная программа «У моря живем, морю песню поем», которую в этом году увидят десятки городов России, включает как номера из золотого фонда, так и новые постановки. Несколько номеров посвящено народным обрядам, например брачным – от знакомства до свадьбы.

Став профессиональным коллективом, Северный хор обзавелся ансамблем балалаечников-частушечников

С коллективом работали лучшие хореографы страны. На фото – пляска в постановке Михаила Годенко

СЕВЕРНАЯ ПЛЯСКА

Перед вологодским концертом нам удалось побывать на репетиции Северного хора. Коллектив знает программу назубок, но каждая новая площадка требует «оживания» на ней. «Я откуда выхожу?», «Я где стою?», «Я куда выбегаю?» – вопросы сыпятся со всех сторон, и все они обращены к главному балетмейстеру Северного хора – Александру Селиванову. На первый взгляд может показаться, что он непривычно молод для такой должности. Подвижный блондин в концертном костюме, подпоясанный кушаком, отвечает всем и сразу, но любым разговорам предпочитает действие – мечется по сцене из угла в угол, расставляя танцовщиков и певцов, как шахматист фигуры. Ему недавно исполнилось 30 лет, но в коллективе его величают исключительно по имени-отчеству – Александром Петровичем. И заметно, что это не из субординации, а из уважения. От его внимательного взгляда танцорам и на концертах не спрятаться – Александр Селиванов в хоре вроде «играющего тренера»: танцует сам во многих номерах, но чаще в массовке, отдавая сольные партии коллегам. «С одной стороны, танцующий балетмейстер – это плюс для коллектива и самого балетмейстера, который видит номер изнутри и понимает, что танцор может сделать, а что – нет, – говорит Александр Селиванов. – Но есть и минусы: например, не видишь себя со стороны. Поэтому стараюсь танцевать реже, но нередко приходится заменять кого-то».

«В Северном хоре я три года, – рассказывает хореограф. – Родом я из Ульяновска, учился в Санкт-Петербургском университете культуры и искусств, остался работать на кафедре. Директор Северного хора сам нашел меня и предложил нам с супругой – а она тоже балетмейстер – перейти в коллектив. Нас пугали климатом, но в Архангельске он не так уж суров, как многие думают. Например, в Санкт-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Петербурге с его вечными дождями и сыростью я простужался гораздо чаще, чем в Архангельске. А тут, на Севере, уж если мороз – то мороз, без всяких резких перепадов».

Постижение северной русской пляски оказалось для петербургского балетмейстера делом непростым и небыстрым. Довольно скоро он понял, что многое в северной пляске нарушает привычные каноны, но именно в этом ее особенность и красота. Например, если в южном танце подача открытая, все эмоции видны, то на Севере танцуют более сдержанно, хотя местный танец и славится быстротой дробы. Впрочем, концертная обувь у северных танцоров все равно изнашивается быстрее, чем у спортсмена или путешественника. Те ведь не бегают и не ходят на носках своих кроссовок или ботинок, не подпрыгивают на каблуках, а для балета Северного хора это в порядке вещей. У солиста каблуки и подошвы приходится ремонтировать едва ли не после каждого концерта, так что в штате хора числятся и сапожники. Подошва Александра Селиванова, которую он продемонстрировал по нашей просьбе, из-за обилия шляпок гвоздей напоминает звездное небо.

В балете Северного хора подавляющее большинство артистов – молодежь, ведь выдержать танцевальный «забег» продолжительностью два-три часа смог бы, наверное, не всякий атлет. Принимая на работу танцовщика, Александр Селиванов смотрит не на место

Первые большие гастроли Северный хор провел спустя несколько лет после возникновения

СЕРГЕЙ СЮРИН

рождения и не на пропорции (жестких требований по росту и телосложению, как в других ансамблях, здесь нет), а на чувство ритма и подвижность.

«Настоящую северную пляску изучают на основе репертуара Северного хора, и увидеть ее воочию можно только здесь, других источников фактически нет, – говорит хореограф. – Можете себе представить, какая на нас лежит ответственность?» У всякого творческого коллектива, опирающегося на фоль-

клор, есть опасность впасть в две крайности: либо в лубочность, либо в элитарность, потеряв связь с народным искусством. Северный хор держится золотой середины. Об этом коллективе говорят, что немалая часть его очарования изобретена талантливыми хореографами и хормейстерами, а в советские времена здесь работали лучшие мастера страны. Причем говорят об этом и когда критикуют ансамбль, и когда хвалят его. Александру Селива-

СЕРГЕЙ ЮРИН

нову это мнение известно, так что он старается не отрываться от народа – обязательно посещает ежегодный архангельский фестиваль имени Нины Мешко, на который съезжаются любительские коллективы со всей Архангельской области. «В их выступлениях ощущается та самая подлинность и народность, которые необходимы и профессиональному коллективу, – говорит балетмейстер. – Безусловно, мы многое заимствуем или переосмысливаем для своих программ, возникают какие-то интересные новые идеи. Конечно, хотелось бы самому поехать по архангельской глубинке, окунуться в этот быт и эту культуру, но из-за напряженного гастрольного графика это сделать пока не удалось. Но обязательно съезжу, это важное дело».

Зрители юбилейной программы смогли увидеть старинные концертные костюмы Северного хора

СЕРГЕЙ ЮРИН

ДОНСКОЙ ПОМОР

Баянист Александр Качаев оказался в Северном хоре в те времена, когда на «севера» еще на заработки ездили – в конце 80-х годов. Уроженец Волгоградской области, донской казак после окончания консерватории планировал работать в одном из казачьих коллективов, но, услышав от знакомого об уникальном искусстве Северного хора, сорвал-

ся с места. В Архангельск Александр Качаев прибыл с чемоданом в руке и инструментом под мышкой – в коллективе начал с третьего баяна, за шесть лет вырос до руководителя оркестровой группы, под его началом работают 14 музыкантов. Музыкальные инструменты, которые оркестр использует на сцене, это балалайки, домры, баяны и гармошки, свирели и жалейки, а также ударные. Правда, нередко в программу включаются номера, в которых не обойтись без инструментов, названия которых в энциклопедиях сопровождается неизменное «устар.» (устаревшее). «Чем северная мелодия отличается от южной? Задушевностью, а еще каким-то особым спокойствием и добротой, – считает Александр Качаев. – Люди – главное украшение северной

СЕРГЕЙ СЮРИН

земли, это я понял без малого за три десятка лет жизни в Архангельске. И песни здесь очень человеческие. Знаете, здесь еще остаются уголки, в частности островные поселения, до которых не добралась цивилизация. Не та цивилизация, которая развивает, а та, которая портит, опошляет, причесывает под одну гребенку. Старинные устои на Архангельщине сохранились и очень сильны».

Вместе с Северным хором главный музыкант коллектива объездил половину мира, и, по его словам, во всех странах – от Италии до Китая – зрители принимали ансамбль на ура. «Но душевнее всех на наше искусство реагируют скандинавы, которые, как считается, особой эмоциональностью не отличаются, – говорит Александр Качаев. – На наших концертах они сами себя не узнают. Наверное, ощущают нечто общее с Северной Русью».

Сегодня о своих казацких корнях Александр Качаев вспоминает нечасто, а в первые годы рыдал на концертах усатых земляков. «Не раз думал: что я здесь делаю? – говорит он. – Но уйти не ушел. А сейчас переболело, тепер я северянин».

Оркестровую группу уже двадцать лет возглавляет Александр Качаев (крайний справа), приехавший из-под Волгограда

Многие ведущие артисты Северного хора выросли из ансамблей и студий при коллективе

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ГОВОР

Впрочем, представлять Северный хор коллективом, созданным варягами и составленным из варягов, было бы неправильно. Так же как и раньше, большая часть ансамбля – уроженцы Архангельской области, в том числе из самых дальних деревень. Особенно много таких в вокальной группе, где нужен особый северный говорок и манера пения, в буквальном смысле впитанная с колыбели от матери и бабушки. Хормейстер ансамбля Татьяна Рудукан провела в Северном хоре почти половину жизни, многие

годы постигала она певческую науку под крылом легендарной Нины Константиновны Мешко. «У нее было великое множество талантов, но я особо отмечу ее умение создавать микроклимат в коллективе», – вспоминает Татьяна Рудукан.

«Народная песня началась для меня с ансамбля «Морошка», который создали при новом Дворце пионеров в качестве детской студии Северного хора, – рассказывает она. – Я в детстве очень любила петь и танцевать, поэтому пошла туда. И меня, конечно, увлекло это искусство, и мои пе-

СЕРГЕЙ СЮРИН

СЕРГЕЙ СЮРИН

дагоги, и Северный хор, который часто выступал во Дворце пионеров. Потом было Музыкальное училище и Институт Гнесиных, а на третьем курсе меня пригласили в Северный хор, оканчивать учебу пришлось заочно. И вот почти двадцать лет я здесь». Говоря о северной русской песне, Татьяна Рудукан упоминает об октавном удвоении, но тут же переходит к более понятным для непрофессионалов сравнениям с застывшим ручьем и замысловатым морозным узором на окне. Кстати, Северный хор до сих пор исполняет песни, собран-

ные в первых фольклорных экспедициях основателями коллектива. Архивы хора бездонны, Татьяна Рудукан время от времени перелистывает толстые книги с записанными девяносто лет назад от руки песнями, обрядами и традициями архангелогородцев. Выбрав песню, нужно распisać ее на голоса и придумать, как подать на сцене.

«С северным говором обращаемся трепетно и бережно – цоккаем, окаем, – рассказывает хормейстер. – Филологи в Северном хоре не работают, но архангельский язык живет, не

умирает. Это происходит благодаря живой передаче знаний и умений от старшего поколения младшему. Наверное, это самый правильный путь – когда из уст в уста».

Современный репертуар пополняется не только из этих книг, иногда артисты приносят новый материал. Например, для певицы Татьяны Паховой каждая поездка домой – настоящая фольклорная экспедиция.

«Я родилась в поселке Каменка Мезенского района Архангельской области, – рассказывает она. – Наша деревня самое что ни на есть Приморье, Белое море совсем рядышком. Выросла в творческой семье – папа танцевал, пел и вел разные кружки в Каменке, хотя образования у него не было. А мама руководила народным хором нашего поселка». За сорок лет работы Татьяны Паховой в Северном хоре ансамбль объездил почти весь мир, но лишь однажды побывал в Каменке. И для Татьяны Паховой это был самый счастливый день в жизни. «Мы много ездим, но любим выступать дома, для своих, – говорит она. – Их одобрение для нас очень важно, ведь мы представляем этих людей по всему миру». ❀

В юбилейной программе одной из центральных тем стало море и все, что с ним связано

КРАСКА, КИСТИ И ИДЕЯ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

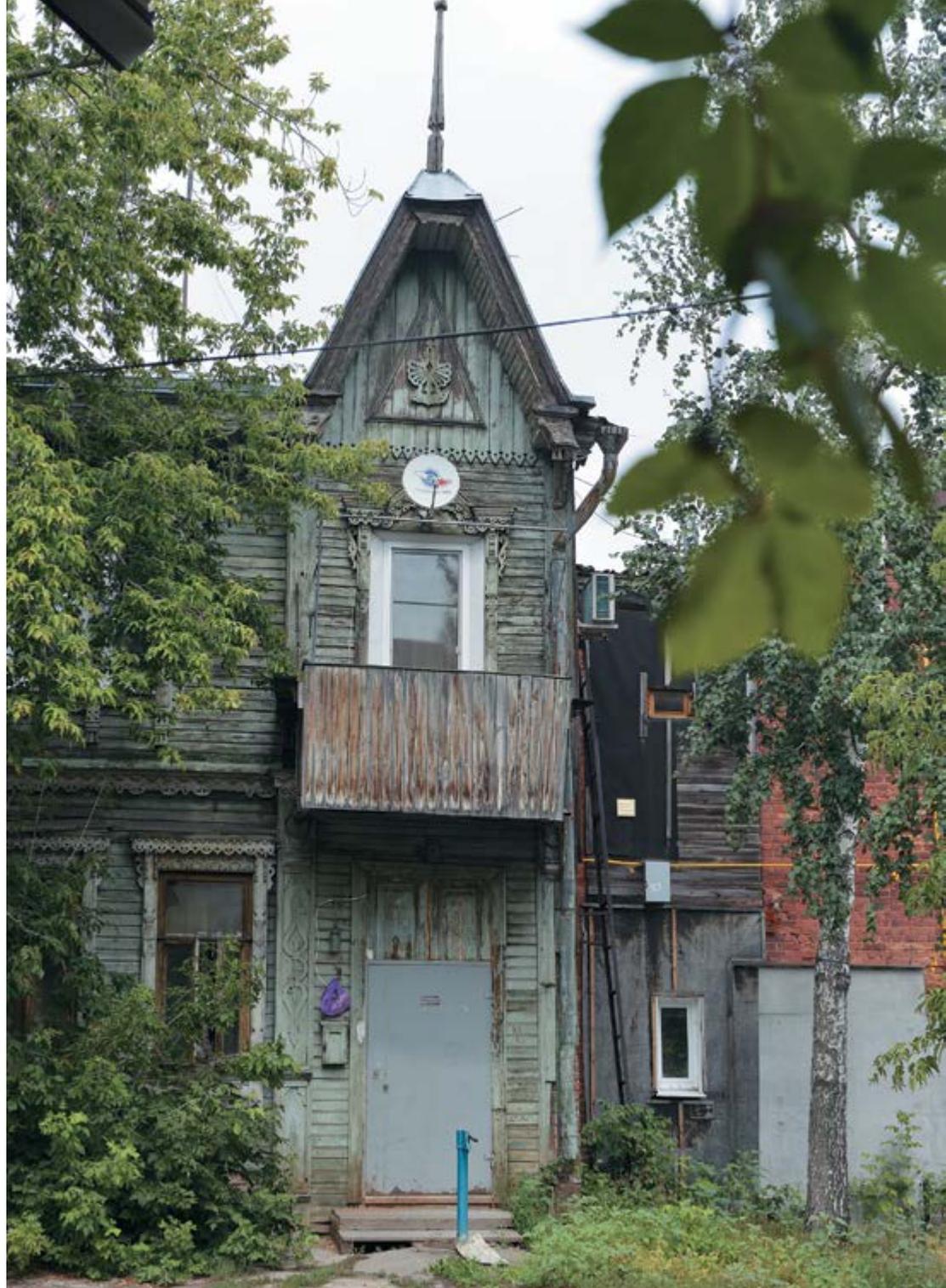
АНДРЕЯ СЕМАШКО

КАК РЕШИТЬ ЗАДАЧУ – ПРИВЛЕЧЬ К ПРОЕКТУ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЫ РОДНОГО ГОРОДА НЕРАВНОДУШНЫХ И АКТИВНЫХ ЛЮДЕЙ? ДА ОЧЕНЬ ПРОСТО: ПРИДУМАЙТЕ ИГРУ, ПОСТРОЕННУЮ НА ЭПИЗОДЕ ИЗ ПОПУЛЯРНОГО РОМАНА, А УЧАСТНИКАМ ДАЙТЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ В РОЛИ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ ЛЮБИМОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ. ИМЕННО ТАК И ПОСТУПИЛИ САМАРСКИЕ ЭНТУЗИАСТЫ, СОЗДАВ «ТОМ СОЙЕР ФЕСТ».

ЗАХВАТИТЕ ОДЕЖДУ, которую не жалко испортить. Не забудьте термос с чаем или бутылку воды... Правда, в списке вещей, которые организаторы предлагают взять с собой для участия в проекте, связанном с покраской домов, пропущен один пункт. Чтобы его восполнить, надо хорошенько порываться в уличном лотке с фруктами. Потому что зеленое или кислое яблоко никак не подойдет. Обязательно нужно найти красное, большое и сладкое. Помните? Ведь такое яблоко – обязательный объект известной на весь мир истории о том, как строгая тетя Полли в субботний летний день отправила своего племянника Тома Сойера красить забор длиной 30 ярдов. Он попытался было свалить работу на слугу Джима, но был уличен в этом тетей. Тогда ему в голову пришла гениальная идея: выдать наказание за привилегию. Том красил забор, изображая из себя человека, занятого важным и интересным делом. Соседский мальчик Бен Роджерс, шедший мимо с большим красным яблоком, поверил Тому, что красить забор – это привилегия. И получил возможность взяться за кисть в обмен на яблоко.

КТО ИЗ НИХ ТОМ СОЙЕР?

В Самаре на улице Льва Толстого последователи известного детского героя Марка Твена вот уже второе лето подряд с увлечением красят заборы и дома и называют свое занятие фестивалем восстановления исторической среды «Том Сойер Фест». Правда, на литературного героя они не очень похожи. Ни подтяжек, ни широкополых дырявых шляп, ни закатанных рукавов. Их лица прячутся за защитными очками и респираторами, руки защищены перчатками. Да и красят участники фестиваля не заборы, а фасады старинных деревянных домов. Роднит их с Томом Сойером только одно – атмосфера. Идея в самом деле гениальная, потому как к своей работе люди действительно относятся как к награде. Занимают

очередь за инструментом, даже отнимают его друг у друга с криком: «Дайте же наконец покрасить!» Проходящие мимо граждане от любопытства просто головы сворачивают и, кажется, сами готовы занять очередь.

Сначала мне кажется, что на Тома Сойера больше похож инженер-радиотехник Дмитрий Карюхин, который, вооружившись ленточной шлифовальной машиной, расправляется со старой краской на фасаде. Позже я думаю, что это, скорее, Антон Кириллов, который важно расхаживает между «малярами». Но все-таки – нет, и не он Том Сойер. Может быть, столяр-реставратор Антон, приехавший из Москвы?

Или координатор по строительным работам Михаил Власов? Он распоряжается, кому на каком участке работать, распределяет инструменты, раздает всем советы и хранит ключи от четырех сараев, где находятся ведерки с краской. Послушать Михаила, так он – вылитый Том Сойер, настолько красочно он рассказывает о пользе ремесла маляра и реставратора. По его мнению, если в нашем урбанистическом мире мужчина умеет управляться, к примеру, с ножовкой, то он уже герой. А Михаил умеет, и не только с ножовкой. Так что на фоне остальных Власов – профессиональный строитель! Владельцев домов Михаил критику-

Разрешение покрасить этот жилой деревянный двухэтажный особняк XIX века, объект культурного наследия регионального значения, «Том Сойер Фест» воспринял как высокую оценку своего труда со стороны городских властей

Андрея Кочеткова, вдохновителя проекта по восстановлению исторической среды Самары, друзья называют Томом Сойером. А его помощника Михаила Власова вполне можно принять за Гекльберри Финна

ет за плохое содержание своих жилищ, за дыры в фундаменте, которые хозяева зацементировали, посчитав, что из-за них зимой холодно. И тем самым испортили цокольные этажи деревянных домов, возведенных купцами и мещанами еще в XIX веке. Лицо у Михаила Власова, который живет не в Самаре, а в селе у реки, где преподает в школе историю, загорелое, штаны на нем висят, голову он живописно обматывает какой-то тряпкой, в пальцах дымится папироска. Нет, Михаил Власов, скорее, Гекльберри Финн. Как и у последнего, у Михаила есть своя вдова Дуглас, которая за ним присматривает и поругивает за при-

страстие к курению. Это 77-летняя Инесса Михайловна Негина, типичная жительница старой Самары. Ее семья живет в деревянном доме напротив через дорогу – страшно сказать – с 1910 года! Она помнит всех жильцов своего и соседних дворов с 1940-х годов. Раньше она работала инспектором по торговым точкам в райисполкоме, сейчас разводит цветы и держит кошек с собаками. Никаких удобств в ее халупе нет, а за водой Инесса Михайловна ходит через трамвайные пути во двор дома по Галактионовской, 91, где стоит водонапорная колонка. К молодым людям, которые сдирали наждаком старую краску с дере-

вянного фасада, она сначала отнеслась скептически. Особенно когда они стали разбирать старую завалинку и делать новую. Но, увидев, как ловко и хорошо у них все получается, она вдруг прониклась к ним доверием и стала приносить старые пластиковые баклажки. Волонтеры резали их пополам, заполняли краской и раздавали участникам проекта вместе с кистями. А Инессу Михайловну прозвали «спонсором». А потом старушка даже стала помогать волонтерам очищать фасад. Глядя на такую ретивость, они и ее дом решили внести в план работ. За что вдова благодарна Михаилу и считает его главным.

Если продолжать параллели между романом Твена и старыми двориками Самары, то надо упомянуть, что роль реки Миссисипи тут успешно исполняет Волга. Говорят, до революции по Волге ходил колесный пароход «Миссисипи», приписанный к Самарскому пароходству. Этот факт раскопал Андрей Кочетков – самый большой, наверное, знаток старой Самары из всех участников проекта. Андрею было 9 лет, когда отец повел его по старым деревянным улочкам. С тех пор многое в Самаре поменялось, но те впечатления от старых двориков и двухэтажных деревянных домов с уникальной резьбой остались. В последние годы деревянная Самара, впрочем, как и многие другие города, стала таять, исчезать, растворяться... Одни стонали и посыпали голову пеплом. А Андрей с коллегами решили просто взять ведро с краской. Желающих безвозмездно поработать кистью нашлось немало. Потому-то проект и назвали именем Тома Сойера.

Но, признаться, и Андрей на Тома Сойера мало похож. Он носит бородку, у него серьга в ухе, за плечами – рюкзачок. В него он с улыбкой прячет мое большое красное яблоко. Но кисть и краску взамен я не получаю. «Чего захотели! Честь взять кисть надо заслужить многодневной работой на расчистке дома от пыли!» – смеются надо мной волонтеры.

Самарский старожил Инесса Михайловна Негина поражена, что дожила до времен, когда заборы и фасады красят за просто так...

НАЧАЛО

Покраска пусть самая важная, но не самая продолжительная и трудная часть проекта. Ведь больше всего времени уходит на переговоры с жильцами и подготовку площадки для работы. Вот в доме №91 на Галактионовской улице пришлось счищать граффити на брандмауэре. Кроме того, впервые за время существования дома, построенного в XIX веке, волонтеры поменяли завалинку: между бревнами и обшивкой дома были раньше опилки, а ребята из «Том Сойер Фест» насыпали базальтовую крошку. В цокольном этаже заменили расколовшийся кирпич на целый – точно такой же, который набрали в развалинах старых домов. Отреставрировали наличники. А когда наконец-то настал вожделенный момент и пришла пора браться за кисти, против выбранного цвета вдруг восстала одна из жительниц дома. Краска ей не понравилась – слишком яркая, а она привыкла к серой. И хотя цвет был согласован с архитектором, который консультирует волонтеров, и четверть дома к тому моменту покрасили, работу пришлось приостановить. «С жильцами мы не ссоримся, – объясняет Андрей. – Подберем другой цвет, согласуем с архитектором и продолжим».

Такая мягкость пришлось не по душе Вере Владимировне Закржевской. «Даренному коню в зубы не смотрят, сказали бы мне – я бы ее уговорила мигом! – категорически резюмирует она. – Красьте и не бойтесь!» Веру Владимировну волонтеры шуливо называют «тетя Полли», с которой и начинается знаменитый роман. Известная в городе портниха Вера Закржевская – хозяйка трех этажей в усадьбе на Галактионовской, 91. Фасад деревянного флигеля этой кирпичной усадьбы в числе прочих домов и красят этим летом волонтеры. Вера Владимировна выделила аж четыре деревянных сарая под хранение ведерок с акриловой краской, мешков с песочно-цементной смесью для ремонта цоколя, инструмента,

расходного материала и рабочей одежды.

Вера Владимировна с интересом наблюдает за деятельностью «томсойеровцев». Когда-то она за свой счет установила кованые ворота во дворе усадьбы. А теперь ее умиляет, что нашлись люди, которые задарма красят и ремонтируют заборы и фасады старых домов Самары. Она часто приглашает ребят в гости, поит чаем и учит жизни. Для участников проекта она стала лучшим другом. Когда проекту нужно помещение для проведения церемонии открытия фестиваля, лекций по урбанистике или для концерта джазовой музы-

ки (сборы от него пошли в фонд «Том Сойер Фест»), она без колебаний безвозмездно предоставляет веранду своего верхнего этажа. В благодарность волонтеры в архиве выяснили, что первые сведения о застройке этого участка относятся к 1860-м годам, а в двухэтажном каменном здании до революции располагалось мыловаренное производство. И только затем его отдали под коммунальное жилье. Сидя на веранде и рассматривая с нее уголки старой Самары, «томсойеровцы» вместе с Верой Владимировной порой мечтают создать когда-нибудь на Галактионовской уголок дореволюционной

Бесплатный обед в термосах – ежедневный вклад городских кафе в дело «Тома Сойера»

Самарский резчик по дереву Сергей Пимахин восстанавливает для проекта деревянные кружева

Красить – это удовольствие...

Самары: оборудовать ремесленные мастерские, включить улицу в туристический маршрут. Вернуться к старой доброй Самаре... Старые деревянные дома, построенные в Самаре в конце XIX – начале XX века, привлекают внимание даже кинематографистов: именно здесь снимался фильм по роману Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Жители города потом с удовольствием узнавали в фильме знакомые с детства кварталы и дома, которые обычно называли «гнилушками» и «бараками». Время в них будто остановилось. До сих пор в этих деревянных кварталах Самары можно встретить кур, петухов и даже поросят.

Со съемочной площадки «Жизни и судьбы» Андрей Кочетков – редактор интернет-журнала «Другой город» – готовил репортаж. И именно тогда восторги кинематографистов, воспоминания коллег на работе и собственные

детские впечатления привели его к мысли о том, что это богатство необходимо сохранить.

Для начала инициативная группа решила покрасить какой-нибудь дом и показать людям, что он совсем не плох, просто заботиться о нем надо по-другому. Выбрали три первых старинных деревянных дома на улице Льва Толстого в историческом центре Самары. В архивах искали информацию по истории каждого из объектов – когда был построен, кто в нем жил. Выбирали дома, стоящие друг рядом с другом, чтобы работа не носила точечный характер. Но тут же уперлись в проблему: нужно содействие и разрешение жителей, живущих в этих старых домах. А они все люди разные, с ними непросто договориться. В одном старом деревянном доме несколько квартир, несколько владельцев, у них ссоры по полвека! Некоторым даже хотелось бы, чтобы дом сохранял

ся в неприглядном виде. Вроде бы потом легче добиться переселения, а старое жилье отправить под снос...

Первым был дом №34, украшенный интересной резьбой. Вести переговоры с жильцами поручили преподавателю хореографии Дарии Григорьевской. Сначала у нее ничего не получалось: жильцы встречали ее с подозрением, думали, что она – представительница управляющей компании, которой зачем-то нужны подписи под непонятными бумагами. Помог случай: оказалось, что в одной из квартир живет ее ученица с родителями. Дария случайно увидела родителей своей ученицы. Так лед недоверия был сломан. Ребята из «Том Сойер Фест» заручились письменным согласием жильцов, договорились с местной управляющей компанией, привлекли к работе архитектора. Когда вокруг здания стали появляться строительные леса, то жители двух соседних домов, №34 и №36, стали сговорчивее. Отчет о работе и всех происшествиях, просьбы о помощи или нехватке какого-то строительного материала ребята ежедневно публиковали в Интернете. Конечно, не все было гладко. Как-то ночью озорники испортили стену беленького, только что подготовленного к покраске фасада. Пришлось все переделывать. Некоторые жильцы донимали вопросами: дескать, зачем вам это надо? Кто-то подсмеивался над ребятами, кто-то говорил, что этим должны заниматься те, кому население налоги платит. Но большинство отнеслось с пониманием. Житель дома №38 Гусман Шайхутдинов предоставил в распоряжение волонтеров сарай. Обитатель дома №36 Андрей Левин несколько раз кормил волонтеров яблочными пирогами собственного приготовления. А уж сколько раз он угощал их чаем, конфетами и, конечно, яблоками! Руководил строительными работами Михаил Власов, с которым Андрей Кочетков давно познакомился на археологических раскопках и пригласил участво-

вать в проекте. Прошлым летом Михаил потратил на «Том Сойер Фест» 56 дней своего учительского отпуска и запомнился жителям улицы Льва Толстого своим велосипедом. На этом железном коне он мотался из конца в конец, перевозя с точки на точку то материал, то инструмент, то самих волонтеров...

Главное – изменить отношение жителей к своим домам, говорят организаторы «Том Сойер Фест». И это у них получилось. К примеру, жительница дома №34 засадила аллею кустарниками и разбила клумбы. Другие стали вдруг делать ремонт в своих квартирах, менять входные двери и крылечки. Третьи начали самостоятельно сооружать забор и ворота между домами №34 и №36. А сотрудники банка, расположенного на улице Льва Толстого, самостоятельно починили и покрасили ограду вокруг своего офиса. Пример оказался заразительным: народ так повалил красить дома, что по многочисленным просьбам пришлось продлевать работы до наступления темноты. Как-то мимо домов, которые красили волонтеры, ехали владельцы одного из городских кафе. И участники «Том Сойер Фест» так их порази-

ли, что бизнесмены организовали ежедневную доставку обедов и ужинов. Бесплатно! Известный русским зрителям по фильму «Особенности национальной охоты» финский актер Вилле Хапасаало тоже внес свой вклад в проект. Он плыл по Волге вместе со съемочной группой во время работы над многосерийным фильмом о пути из варяг в греки. Фестиваль восстановления домов заинтересовал его. «Вы даёте домам второе дыхание. Я привезу на следующий год финских волонтеров», – обещал он. Вилле покрасил фасад дома №34. Времени у него было не очень много, но актер, по признанию волонтеров, не халтурил.

Энтузиазм участников фестиваля оценили и строители: некоторые компании предложили прислать профессионалов, которые помогли бы волонтерам. Денег строители за это не просили, но Андрей Кочетков от предложения отказался. Смысл ведь не в том, чтобы привлечь как можно больше рабочей силы, а в том, чтобы возникла атмосфера общности. «Пусть человек поработает двадцать минут или два часа, – объясняет Андрей Кочетков. – Главное, чтобы это было сделано с душой».

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР

Отреставрированные и покрашенные дома настолько изменили вид улицы Льва Толстого, что люди, ходившие по ней десятки лет, даже перестали ее узнавать. А у Андрея появилась новая привычка. Напротив трех выкрашенных домов находится здание филармонии, рядом с которой знаменитый Федор Шаляпин посадил дуб. Теперь Андрей часто садится на крыльцо и наблюдает, как люди, идущие по улице, останавливаются и рассматривают обновленные дома. Иногда к нему присоединяется Михаил Власов, и вот тогда они действительно похожи на Тома Сойлера с Гекльберри Финном, которые, сидя на берегу реки, мечтают о чем-то несбыточном и строят великие планы... На каждом из покрашенных домов теперь висят таблички, на которых указано, что за люди и в каком году построили эти дома. Так, на улице Льва Толстого вернулись имена мещанки Авдотьи Петровны Комаровой, «личного почетного гражданина» Михаила Ивановича Орлова, а также Ивана Никитича Повалина. Волонтеры записывают истории семей, которые жили в ре-

Обновленные фасады домов на улице Льва Толстого. Выглядят как игрушки

Призыв присоединиться к друзьям «Тома Сойера» мало кого оставляет равнодушным

ставрируемых домах за полтора века их существования. Узнают, кем были эти люди, какой след оставили в памяти города. Так, из небытия появилась история о шляпном мастере, который держал мастерскую в одном из домов. Его большой портрет волонтеры решили изобразить на глухой кирпичной стене.

Собирая информацию о прошлом домов на улице Льва Толстого, ребята и познакомилась с Верой Закржевской, обшивающей самарский бомонд. Ее детство прошло во дворе дома №38, где она часто играла в бадмин-

тон и на всю жизнь влюбилась в своего партнера по игре. С тех пор она заодно влюбилась и в старые самарские двory с их неповторимой архитектурой. Об этой романтической истории она рассказала Андрею Кочеткову и Михаилу Власову. Поэтому когда на следующее лето составлялся новый список объектов для фестиваля восстановления исторической среды, то в него попал и дом №91 по Галактионовской улице. Вернее, его жилой деревянный флигель, который является частью каменной усадьбы. Это строение упомянуто в книге Вагана Каркарьяна

«Тайны деревянных украсов Самары». Там он назван примером модерна в деревянном зодчестве Самары, «черты которого видны в изогнутой форме сандриков, вытянутых оконных наличниках, украшенных цветочным орнаментом, в прорисовке пилястр с капителями в виде коней-кронштейнов».

Когда разбирали кирпичи в фундаменте этого деревянного дома по Галактионовской, то между досками нашли старую дохлую крысу. Тут же вспомнили, что Тому Сойеру, когда он красил забор, один мальчишка приволок дохлую крысу на веревочке. Именно тогда волонтеры и придумали вырезать из фанеры маленьких крыс и дарить их участникам проекта. Сувенир, похожий на брелок на шнурке, расхватали так быстро, что сегодня он стал настоящей редкостью. Но один такой «брелок» сохранился у Веры Закржевской, которая прячет его в шкатулке среди своих драгоценностей. Именно оттуда она с гордостью достает деревянную крыску, кладет ее на ладонь и говорит: «Это только кажется, что для ребят это игра в имена, символы. На самом деле это важное и серьезное дело, которое носит, не побоюсь сказать, характер революционный. Они меняют не только город, но и людей».

К проекту «Том Сойер Фест» проявили интерес другие города: Бузулук, Архангельск, Тамбов, Орел, Ижевск. А в Казани с помощью ребят из Самары уже покрестили несколько домов.

Недавно самарские энтузиасты получили своеобразное признание от местных городских властей. «Том Сойер Фест» решили заняться двухэтажной деревянной постройкой XIX века, которая является объектом наследия регионального значения. И расположена она на той самой улице Льва Толстого, из подворотен которой, собственно, и вышел наш российский Том Сойер, чтобы с ведром в руке и кистью на плече зашагать по стране. 📍

И эти старые улочки тоже поменяют свой цвет...

МОЙ СЕВЕР

АВТОР

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

ФОТО

ЛЕОНИДА АРОНЧИКОВА

У НАС, СТУДЕНТОВ, ЧТО УЧИЛИСЬ В 80-Х ГОДАХ ПРОШЛОГО ВЕКА В ЛЕНИНГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ, КУМИРОМ БЫЛ ЖИВОПИСЕЦ ВИКТОР ПОПКОВ. ЕГО ПОЛОТНО «СЕВЕРНАЯ ПЕСНЯ» СТАЛО ЭПОХАЛЬНЫМ. В ИЗБЕ ЗА СТОЛОМ СИДЯТ МОЛОДЫЕ ТУРИСТЫ, НАПРОТИВ – ПОЖИЛЫЕ КРЕСТЬЯНКИ. ЭТО НЕ ПРОСТО РАЗГОВОР ПОКОЛЕНИЙ. ГОРОДСКИЕ ЖИТЕЛИ ОТКРЫВАЮТ ДЛЯ СЕБЯ СЕВЕРНУЮ ДЕРЕВНЮ, ЕЕ ТРАГИЧЕСКУЮ СУДЬБУ.

Э ТА КАРТИНА ДА И ВСЕ другие рисунки, большие полотна и этюды Попкова, написанные в Архангельской области, произвели на нас невероятное впечатление. А тут еще один из преподавателей основ архитектуры ездил на Север обмерять деревянные храмы, у него была карта лесных дорог, по которым можно было идти пешком от

деревни Конево до Каргополя, по красивейшим местам Кенозерья. Карту показывали только посвященным...

Настало время, и мои старшие товарищи пригласили меня в такой поход. Позже я побывала во многих местах и странах, но такого путешествия, как тогда, в моей жизни больше не было... Цвета Севера сдержанные, гамма – ярко-синее небо, серые

бревна изб и часовен, розовый иван-чай. С рюкзаками за спиной мы шли через лес и по берегу огромного Кенозера. Шли по коровьим дорогам, увязая в грязи. Изредка на пути встречались поклонные кресты. А момент, когда из темного леса выходишь к деревне, стоящей на берегу озера – настоящее чудо.

Первой на нашем пути была деревня Вершиино с Никольской часовней на холме – здесь, кстати, тоже рисовал Попков. Затем через деревню Видягино мы попали на Порженский погост. Вошли в церковь, приблизились к иконостасу. У Богоматери и младенца на иконе лики отсечены топором – это 30-х годов... Кто-то принес полевые цветы и положил у иконы... Помню, как я просилась на ночлег в одной из деревень. Поднялась на высокое крыльцо, зашла в избу. Посреди огромной

комнаты за столом сидел старик. Сидел удивительно прямо, глядя перед собой незрячими глазами. На пиджаке блестели боевые награды. Он сразу же отказал мне, вежливо, но твердо. Люди Севера неохотно пускают к себе. Но если уж ты стал гостем, то непременно дорогим. Мы ночевали в заброшенных домах, где еще оставалась кре-

стьянская мебель, расписанная львами и букетами цветов. Сколько на пути было мертвых деревень, пустых изб, где еще белели в окнах занавески! Такая жалость и такая любовь поднималась в душе к нашему измученному XX веком народу, к крестьянской культуре, к каждой избе. Как-то ночевали в доме, принадлежавшем дере-

Вид на поморскую деревню Кимжу со стороны одноименной реки. Здесь сохранилась старинная планировка. Две параллельные улицы и «набережная», на которую выходят столетние избы

венскому сапожнику, здесь осталось много болванок для обуви. Стены были оклеены газетами 1928 года. Значит, хозяева ушли отсюда, когда началась коллективизация? Может быть, и так. Спали мы в кроватках с высокими бортами, в которые кто-то заботливо положил душистое сено – по тем тропам, которыми шли мы, ходили и другие туристы. И все это были люди, любившие Север.

Много лет мне хотелось вернуться в эти места. Посетить Кимжу, где писал Попков, где жили героини его полотен – статные старухи в старинных сарафанах и платках. Вернуться на Кенозеро, побывать в других живописных деревнях Архангельской области. Поговорить с людьми, которые еще помнят коллективизацию, тяжелейший труд в колхозах, испытания военного времени. В этом году мечта исполнилась.

Картина Виктора Попкова «Северная песня»

МАТИГОРЫ

Холмогоры – родные места Михайло Ломоносова. Когда-то центр всего Двинского края. В южной части поселка на горе высятся обнесенные лесами стены каменного Спасо-Преображенского собора, выстроенного в конце XVII века. Храм знаменательный. Север, как известно, всегда был оплотом старообрядчества. В 1682 году Холмогорскую епархию возглавил епископ Афанасий, который безуспешно пытался бороться с расколом. Спасский собор строили по его указанию. Он должен был напоминать московский Успенский собор. Рядом архиерейские палаты, где в 80-х годах XVIII века открыли первую в России Мореходную школу торгового флота. И здесь же, на этой же горе, памятный знак об одном из первых советских концлагерей для врагов народа. И как-то очень примечательно, что совмещается на этом небольшом лоскутке земли память о столь разных событиях жизни. Всего в 5 километрах Матигоры. Тут и населения меньше, и работать людям особенно негде, «градообразующее предприятие» одно – исправительная колония. Но Матигоры негласно соперничают с Холмогорами. Когда-то возникла идея объединения двух сел, но жители дружно от нее отказались.

Если ехать от Архангельска, то издалека будет видна Воскресенская церковь с колокольней, построенная в конце XVII века. Краса Матигор и всей области стоит на высоком берегу Быстрокурки, одного из рукавов Северной Двины. Этому храму повезло. В 1930-х было предложено разобрать его на кирпичи, однако не разобрали. Причем Воскресенская церковь почти все время была действующей.

Вокруг раскинулись плодородные поля. Но вот недавно эту землю решили отдать под участки для многодетных и ветеранов. Угроза нависла

Архиерейские палаты в Холмогорах построены в конце XVII века. Здесь жил архиепископ Афанасий, бывал Петр I. А в 1744 году они стали местом пребывания Анны Леопольдовны с семьей

Глава администрации Матигор Алексей Короткий. На заднем плане Воскресенская церковь

и над опытной станцией животноводства и растениеводства, и над прекрасным видом на церковь. Глава администрации Алексей Короткий выступил против. В 2012 году земляки выбрали Алексея на эту должность, до этого он работал в органах внутренних дел. Он шутит: стал потомственным главой, ведь его дед сорок лет назад был председателем сельсовета. Короткий и живет поблизости от церкви с женой и тремя дочерьми. С Алексеем говоришь, будто чистую незамутненную воду пьешь. Настоящий северянин – спокойный, сдержанный, с какой-то внут-

ренней силой. Он всей душой болеет за родные Матигоры. Сейчас решает вопрос, что делать с памятником Ленину. Лет пятнадцать назад его изуродовали вандалы, и теперь Ильич указывает куда-то обрубком руки.

Алексей привел нас в гости к сестрам Головиным. Это известная здесь семья – потомки Ломоносова по линии его сестры Марии Васильевны. Местная интеллигенция. В 1937 году учителя Михаила Головина репрессировали, семью выселили из дома. Настало время мытарств. Только в 1983-м, уже на пенсии, старшая из сестер, Елена, выкупила у сельсовета родной дом. Много лет она была старостой Воскресенской церкви, сумела разыскать архивные документы, записала воспоминания жителей о приездах в Верхние Матигоры святого праведного Иоанна Кронштадтского. Сейчас Елена Михайловна уже не встает, дом нам показала младшая сестра, Лилия. Он не изменился за сто лет. Огромный, с дверями, покрашенными в синий цвет, и высокой лестницей на второй этаж...

Деревня Зехново в Кенозерье. Часовня апостола Иоанна Богослова XVIII века. Недавно отреставрирована сама часовня и ее расписные «небеса», то есть потолок

КЕНОЗЕРЬЕ

Единственное озеро Севера тектонического происхождения – это Кенозеро, из которого вытекает река Кена, через Онегу впадающая в Белое море. По такому пути и шло освоение этих земель. Интересно, что языческая культура здесь до конца так и не вытеснена: в этих местах по-прежнему поклоняются священным рощам, в часовнях оставляют так называемые заветы-платки. На некоторых из них вышиты молитвы. Считается, что такой «завет» поможет больному вылечиться.

С 1991 года Кенозерье стало национальным парком, которому передали на баланс деревянные храмы с расписными потолками «небесами». «Диких туристов», как в советское время, уже нет. Теперь здесь организованные экскурсии проводят сотрудники парка. Мы, как и большинство туристов, приехали на машине и расположились в старом центре Кенозерья – деревне Вершинино. Стоит деревня на плоском берегу, над ней высится холм с Никольской часовней XVII века. Она очень гармоничная – с двускатной крышей и маленькой главкой-луковкой. Звонница,

пристроенная в начале XX века, совсем не портит ее. Кстати, часовня эта была отреставрирована первой из деревянных храмов Кенозерья. В прошлом году привели в порядок Порженский погост. Теперь на очереди Ильинская церковь в Видягино.

Бабушка Анна Семенова, сказительница, жительница деревни Зехново, защитница Иоанновской часовни

Вершинино держится главным образом за счет туристов, а многие деревни вокруг за последние четверть века еще больше обезлюдели. Живут по две-три семьи, да дачники летом приезжают. Мертвой стала деревня Видягино, где мы сфотографировали деревянную Ильинскую церковь конца XIX века – самую позднюю из храмов Кенозерья. Она производит необычное впечатление: на четырехскатной кровле сруб с широкими окнами. Из Вершинино на лодке можно добраться до других деревень на берегах Кенозера. Например, Тырышкино, где показывают дом с красивым резным балконом. Деревня Зехново, где над озерком, на Буй-горе, поставлена в XVIII веке часовня Иоанна Богослова – выдающийся памятник деревянного зодчества, единственная часовня с галереей на консолях. Внутри характерные для Кенозерья расписные «небеса». Рядом с часовней живет бабушка Анна Семенова. Она каждый день приходит сюда: моет полы, убирает погасшие свечи. В 1970-х часовню эту решено было увезти под Архангельск. Решили не разбирать, а вывез-

ти вертолетом. Доставили бы до Архангельска строение, а в каком виде – неизвестно. Анна Александровна решила бороться за дорогу сердцу церковку. Она с гордостью рассказывает: люди взяли за руки, образовали три живых кольца вокруг памятника. Были и дети из начальной школы – всех, кого можно, собрала Семенова. Когда приземлился вертолет, летчики услышали: «Не дадим!» Улетели ни с чем.

Погожими днями Анна Семенова сидит на стульчике перед избой и не спускает глаз с часовни. У бабушки Анны, кстати, есть особый талант – она умеет рассказывать былины. Про Соловья-разбойника, Бову-королевича. Когда-то Кенозерье славились былинниками. Теперь осталась одна Анна...

Северные избы, высокие, с окнами в сторону реки или озера, всегда пример невероятной чистоты. Полы тут моют по два раза в день, некрашенные еще и скоблят. В жилых комнатах и на повети всегда порядок. Чистота не показная, а известная примета Севера. Недавно на Кенозерье снимал документальный фильм очень известный режиссер. В избу одного из героев перед съемкой он специально принес мусор, раскидывал пустые бутылки и ветошь. Тех местных, что снимались в фильме, очень настойчиво просил употребить побольше нецензурной брани. Местные промолчали, но поведение режиссера и стиль работы осудили. Многие от съемок вежливо отказались.

«Мне трудно выразить словами мое восхищение, мое преклонение перед этим краем. Когда впервые мальчиком 13 лет я проехал по Баренцеву и Белому морям, по Северной Двине, побывал у поморов, в крестьянских избах, послушал песни и сказки, посмотрел на этих необыкновенно красивых людей, державшихся просто и с достоинством, я был совершенно ошеломлен. <...> А какой необыкновенный язык, песни, рассказы! <...> В Русском

Устьянский лесопромышленный комплекс – безотходное предприятие замкнутого цикла. Горы спиленного леса производят впечатление, рядом можно встретить зайцев

Севере удивительное сочетание настоящего и прошлого, современности и истории (и какой истории русской! самой значительной, самой трагической в прошлом и самой философской), человека и природы, акварельной лиричности воды, земли, неба и грозной силы камня, бурь, холода, снега и воздуха, – писал Дмитрий Сергеевич Лихачев. – Север спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию – песенную, словесную, русские трудовые традиции...».

УСТЬЯНСКИЙ РАЙОН

Недалеко от поселка Октябрьского, что в Устьянском районе, в деревне Едьма, живет 90-летняя Аполлигария Козлова. Фотографироваться она категорически не хотела. Все время приговаривала: «Сейчас я паду!» – то есть «упаду от усталости». И грозила нам кулаком. Глубоко посаженные, внимательные глаза смотрят строго. Лицо правильное, высокий лоб, губы сжаты. Чем-то ее облик напоминает боярыню Морозову, что на картине Сурикова вскидывает руку в крестном знамении. Правда, нам показалось, что строгость у бабушки Поли немного напускная.

Аполлигария Козлова, 90-летняя труженица тыла, трактористка, живет в деревне Едьма

Во время войны, когда ровесники-юноши ушли на фронт, она выучилась на трактористку. Трактор был газогенераторный, работал на дровах, постоянно ломался. Но Аполлиналирия к нему привыкла. Она даже в сельсовет для регистрации брака со своим Федором приехала на тракторе. Расписались, молодая жена вскочила за руль трактора и умчалась. Шестеро детей родились у Козловых, все те-

перь разъехались, только один сын живет неподалеку. Аполлиналирия устала от гостей, и мы засобирались в путь. Отъехав от ее дома, вышли из машины, чтобы полюбоваться деревней. Вдруг на дороге в клубах пыли показалась Аполлиналирия Ивановна. Шла она бойко, управляясь огромным батогом. И, конечно, успела сменить нарядное платье на повседневное ситцевое.

Кимжа. Знаменитая Одигитриевская церковь 1709 года постройки. Сейчас она беляя – ее только что отреставрировали методом «полной переборки»

КИМЖА

Местные говорят, в Кимже живут чернотропы. Почему так называют местных жителей? То ли из-за бань, что и сейчас топят по-черному, то ли из-за тайных троп, которыми ходят старообрядцы? Когда-то эта деревня была хорошо известна: здесь лили медные колокольца – украшения для конской сбруи. Сейчас этот промысел забыт.

Если идти в Кимжу от реки, то справа на холме, заросшем молодым леском, можно увидеть огромный обетный крест. Его поставил в 1878 году купец Савин в благодарность за то, что спасся во время кораблекрушения. Мы были здесь в праздник Троицы, и к кресту пришли несколько женщин. Помолились, зажгли свечи... Крест этот необычный, с рельефом фигуры Христа плоской, как будто безжизненной. На руках Спасителя видны следы от ударов топором. Хорошо читаются буквы – «Царь славы Божий Иисус Христос». В богоборческие вре-

Поклонный крест, который в 1878 году поставил в память о своем чудесном спасении купец Савин

мена крест несколько раз рубили и сбрасывали в воду. Но жители его спасали и водружали на место.

Раньше сюда можно было приехать только по реке Мезени. В 2008-м проложили дорогу, и теперь здесь стали чаще бывать туристы, появились даже гостевые дома.

Высится над Кимжой огромная Одигитриевская церковь – памятник архитектуры начала XVIII века. Считается, что сама Кимжа возникла в начале XVI века. Люди, которые обживали этот суровый край, не зря посвятили церковь Богоматери-путеводительнице – Одигитрии. Когда-то это был распространенный на Мезени и Пинеге тип церкви – шатер на крещатой бочке. Теперь осталась только эта, Одигитриевская. Она высокая, вытянутая вверх. Дома стоят поодаль от храма, что дает возможность любоваться церковью, которая видна и с реки. Вообще, северные мастера умели выбирать место для храма: он не должен был занимать плодородную землю, обычно его ставили у реки, на опушке

Мельницы на окраине Кимжи считаются самыми северными мельницами России

леса. Его должны были видеть издали.

Я ожидала увидеть серую, как на картинах Попкова, даже темную церковь. Но она оказалась белой – ее сейчас реставрируют, перекрывают новым деревом.

Вся деревня Кимжа считается памятником архитектуры ре-

гионального значения. Здесь нельзя сносить или перестраивать даже избы. Особенно красиво выглядит центральная большая улица с рядом высоких домов. На некоторых еще остались древние обереги – деревянные кони. На многих избах красные звезды – значит, хозяин ушел в 1941 году

Иван и Таисия Потроховы живут в селе Дорогорском на Мезени. Вместе они уже 64 года. Иван – фронтовик, Таисия во время войны ловила рыбу на Белом море. Живут в доме, который построил Иван для будущей семьи

на войну и не вернулся. Кстати, на Мезени совсем недавно еще сохранялся обычай хоронить хозяев рядом с домом. Оттого у многих изб возвышаются кресты. А за деревней, чуть поодаль, сохранилось еще одно чудо деревянного зодчества – мельницы. Когда-то их было пятнадцать, теперь осталось всего две, да и те без крыльев. В соседнем селе Дорогорском мы побывали в гостях у Ивана и Таисии Потроховых. Главе семьи 89 лет, супруга на три года моложе. Они живут в большом доме на берегу Мезени, вырастили троих детей, сами ведут хозяйство. Настоящие северяне. Крепкая порода, нестибаемая. В избе невероятная чистота и порядок. Недавно Потроховы отметили свою «алмазную» свадьбу, гостей было сорок человек, огромные столы накрывали на повети. Живут они душа в душу на зависть многим. Ни разу Иван на свою благоверную руки не поднял. А Таисия его иначе как Иванушкой не называет. Оба супруга ветераны труда, Таисия еще и труженик тыла. В войну

девочкой на Белом море рыбачила, зимой ходила на навагу. Рыбу сдавала государству. Била и зверя. В ней особенно видна поморская основательность.

Подруги
Светочка
и Ира,
жительницы
Кимжи

Идея Игнашева из деревни Шардонемь на реке Пинеге. Имя ей очень подходит. Идея Ивановна убежденная атеистка, мать-героиня, воспитала 10 детей

Таисия Яковлевна любит всякие прибаутки. На прощание рассказала нам одну такую – про колхоз. «Нарядно не ходили, сладко не ели, так и жили». «О заселении Беломорья в XIV веке говорят многочисленные документы: летописи, писцовые книги, великокняжеские грамоты и указы. Отсутствие на Севере татарского ига, отсутствие крепостного угнетения обеспечили поморам более свободную жизнь и дальнейшее развитие принесенных поселенцам культурных и технических ценностей: грамотности, строительных навыков, архитектурных приемов, поэтического творчества – песен и сказываний, – пишет в книге «Сказ о Беломорье» Ксения Гемп. – Суровую природу – заломные леса, болота – необходимо было осваивать. В этом труде одновременно лесоруба, строителя, добытчика формировался характер помора, его мужество, смекалка, складывались и закреплялись быт и обычаи».

...Деревня Шардонемь знаменита своими амбарами. По понятным причинам их строили целыми группами на расстоянии от изб: если случится пожар, добро уцелеет. Стоят на ножках – это спасает от грызунов. Амбар строился по типу избы, мог принадлежать одному или нескольким хозяевам. В Шардонеме целая улица таких амбаров. А еще в этой деревне мы познакомились с бабушкой Идеей Игнашевой.

«Я сразу сказала: будут меня хоронить, попов не надо, ладана и вот этого всего». – Идея Ивановна делает выразительный жест, как будто бы в руке у нее кадило. И смотрит на нас хитро. Для деревенских жителей все-таки очень нехарактерно быть убежденным атеистом. Может быть, имя повлияло? Идея Ивановна говорит, что ее так назвал отец. Она старшая в семье, где было восемь детей. Мать умерла, отца в 1941-м забрали на фронт. Они бы и жили в своей деревне, но вме-

шалось начальство: Идею отправили учиться на слесаря в ФЗО, младших определили в детский дом. Она сбежала из училища, вернулась в деревню. Твердо стояла на своем: не хочу учиться. Требовала вернуть братьев из детдома. Сказала: «Я их дорошшу сама». И ей уступили. В 1942 году Идее было 15 лет. На ней хозяйство, забота о младших и работа нянечкой в детском саду. Она и сейчас со слезами вспоминает эпидемию дифтерита, которая унесла несколько малышей. И Идея ничем не могла им помочь. Она очень гордится своей работой – у нее в садике была чистота и дети все ухоженные, накормленные. Особо подчеркивает: не унесла домой ни кусочка хлеба, ни чашки муки. Быть честной с детства учил отец.

Идея Игнашева – мать-героиня, воспитала десять детей. Над окном у нее, как и во всех северных избах, портрет покойного мужа и фотографическая карточка самой Идеи в молодости.

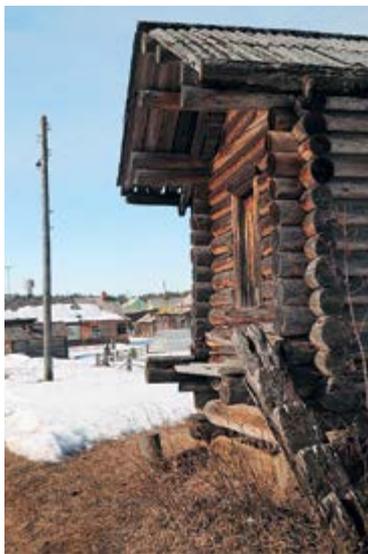
Типичная изба в селе Веркола. Крепкая, но давно заброшенная, с заколоченными окнами

Амбары рядом с селом Веркола. Они стоят на ножках – чтобы грызуны не могли проникнуть внутрь. Иногда таким амбаром могли владеть несколько семей. Это настоящее произведение деревянного зодчества

ВЕРКОЛА

Веркола тянется вдоль берега Пинеги. Когда-то многолюдное село сегодня вымирает. Школу новую отстроили, а учиться никому. Молодые уезжают в поисках лучшей жизни. Совхоза давно нет. На всю Верколу одна лошадь, пара коров да козы у дедушки Митрия Клопова.

В Верколе сейчас много пустых домов, разваливающихся на глазах. Всего три дома, на крыше

которых высятся деревянные кони. Только амбары на ножках, что стоят в стороне от изб, производят впечатление еще крепких. Церкви здесь нет с 1930-х годов. Верколу, что стоит на реке Пинеге, прославил уроженец этих мест, писатель Федор Абрамов. Когда-то его трилогией о жителях северной деревни Пряслиных зачитывались. Первый роман, «Братья и сестры», вышел в 1958 году. И тогда страна узнала о тех невероятных испытаниях, которые выпали на долю жителей Верколы (в романе деревня Пекашино). Абрамов считал, что второй фронт во время войны открыли не американцы, а простая русская женщина, крестьянка, которая заменила ушедшего на фронт мужа. Сейчас молодежь Абрамова не читает...

Характерная деталь из истории северных деревень: во время войны всех подростков, по сути детей, забирали на лесозаготовки. С сентября по май они жили в бараках в лесу, пилили двуручной пилой, весной сплавливали лес по реке. Летом трудились в

Река Мезень.
Пейзаж
производит
фантастическое
впечатление.
Течение реки
меняется, и вода
образует такие
песчаные мели.
Берега красные

колхозах. И при этом голод. Государству ведь еще надо было платить налоги. Про труд в колхозах хорошо известно – вместо трудодней так называемые «палочки». Прототипами героев романа Абрамова стали его земляки, конкретные люди. Хотя все нынче живущие здесь 90-летние люди – герои тыла. Василий Белоусов показал нам миску из кровельного железа. Когда он мальчишкой работал в лесу, в эту миску три раза в день наливали болтушку из воды и муки. Еще давали хлеб. Вот и вся еда. Александра Михайловна Яковлева живет в новенькой избе вместе с дочерью Любой и псом Тимофеем. Часто сидит на лавочке у дома, любит колотить дрова: топорик в ее руках так и играет. Она считается героиней рассказа Абрамова «От жалости». Хотя сама она так не считает, но говорит, что вот ее брата Алешу, горбатенького, невероятно доброго художника-самоучку, Абрамов описал в одной из последних книг. Александра Михайловна, в юности Леля, в начале войны отправилась на лесозаготовки, ста-

ла бондарем, освоила неженскую профессию одна из всех девчонков. Норма – бочка в день, а бочки были больше ее самой – маленькой хрупкой девушки. В лес отправляли по повестке, уклониться было невозможно. Но юность всегда остается юностью: в лесу работали и бегали домой по 10 километров, чтобы поплясать в клубе. Хотя кавалеров-то не было, все ровесники на фронте. И все равно – плясали и пели песни. Вернее, «ревели песни», как тут говорят...

Федор Абрамов переживал смерть каждого человека в родной Верколе. Отрывок из его записных книжек: «Для любителя роши – не все равно, когда вырубают ее и исчезает дерево за деревом. И в моей деревне на моей памяти одни за другим падают кряжи. Великолепные люди, которых по-настоящему то только сегодня и понимаешь. Я жизнелюб, но бывают минуты, когда я иду по своей деревне и на меня дует пустотой...» Веркола с ее непередаваемой красотой, конечно, главный герой книг Абрамова. А ведь мно-

гим кажется, что северная природа скупая. Суровая. Не растут тут ни яблони, ни сирень. Но летом красивее и щедрее северной природы как будто нет. «Целый месяц Михаил не был на своем пряслинском угоре (так ныне зовут угор против его нового дома) и как вышел к амбару да глянул перед собой, так и забыл про все на свете. Волнами, пестрыми табунами ходит разнотравье по лугу (первый раз в жизни не видел, как одевалось подгорье зеленью), а за лугом поля, Пинегга, играющая мелкой серебристой рябью, а за Пинеггой прибрежный песок-желтяк, белые развалины монастыря, красная щелья и леса, леса – синие, бескрайние, до самого неба...» – это отрывок из романа Федора Абрамова «Дом». Говорят, того, кто хоть раз побывал в этих местах, Север уже не отпускает. Здесь и величественная природа, и люди несуетливые, не мелкие – крупные личности. Здесь все кажется значительным и гармоничным. И связь человека с природой такая, какой она была изначально. 📖

Памятник
основательнице
Богородска-
Ногинска
императрице
Екатерине
Великой

НОГИН И АЛЯСКА

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ВСЕМ ХОРОШ БЕССМЕННЫЙ АВТОР ГРУППЫ «ЛЮБЭ» ПОЭТ-ПЕСЕННИК АЛЕКСАНДР ШАГАНОВ. ОДИН К НЕМУ ВОПРОС: ЧЕМ ЕМУ ЕКАТЕРИНА II НЕ УГОДИЛА? В ЧЕМ ГОСУДАРЫНЯ БЫЛА НЕПРАВА? АЛЯСКУ АМЕРИКАНЦАМ ПРОДАЛА ВО ВСЕ НЕ ОНА, А ЕЕ ЦАРСТВЕННЫЙ ПРАВНУК АЛЕКСАНДР II В 1867 ГОДУ. ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ К ТОМУ ВРЕМЕНИ УЖЕ СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ КАК ПОЧИЛА В БОЗЕ.

КТО-КТО, А ЕКАТЕРИНА Алексеевна права была куда как более других русских царей и цариц. Потому – и Великая. Пределы своего реформируемого государства расширяла как могла, увеличив население империи в полтора раза. 18 ноября 1775 года государыня подписала указ под названием «Учреждение для управления губерний Российской империи». В результате в течение десяти лет в стране произошла административная реформа. Оформилось 50 губерний. Только в европейской части России, исключая Новороссию, Малороссию, Белоруссию, Прибалтику и Выборгскую губернию, появилось 159 новых городов. Один из них – Богородск в Московской губернии, родившийся в 1781 году на месте ямского села Рогожи, издревле стоявшего на столбовой дороге из Москвы во Владимир. Тот самый Богородск, что сегодня носит имя Ногинск.

БОЛЬШАЯ МАЛАЯ РЕКА

Ощущение такое, что ты в мгновение ока потерял здоровье. То ли голова кружится, то ли колени подгибаются. Чудно! И страшновато. Хочется ухватиться рукой за что-нибудь надежное, хотя бы за мостовые перила. Но до них – несколько шагов, а асфальт качается под ногами. Мало-помалу доходит, что дело не в организме, а в мостовой конструкции. Это пешеходное сооружение, переброшенное через неширокую Клязьму в центре Ногинска, держится на толстых канатах, протянутых от берега к берегу. Никаких там тебе «быков» или каких прочих опор. Потому и вибрирует узкое мостовое полотно при каждом шаге. А шагов посекудно случается много, так как местные жители мостом пользуются чрезвычайно активно. И повседневно, и по праздникам. На свадьбах-женитьбах, например. Последнее подтверждают разнообразные навесные замки и замочки, сот-

На улице
Соборной
всегда праздник

нями висящие на перилах. Вот один, амбарный красавец с два кулака! Тут уж точно: жить они будут долго и счастливо и умрут в один день. Аки князь Петр с Февронией.

Вот он, спасительный поручень – под рукой! А под ногами – Клязьма. Одна из больших малых русских рек, давшая жизнь многим городам и селениям. Даром что плывет она всего-то около 700 километров из северного Подмосковья мимо восточных его земель, владимирских угодий, чуть задевая нижегородские пределы и впадая в Оку. А по берегам ее – Лосино-Петровский, Ногинск, Павловский Посад, Орехово-Зуево, Петушки, Ковров, Вязники, Гороховец. И сам Владимир-батюшка, столица Владимиро-Суздальского княжества!

В Ногинске ширина Клязьмы от силы 70 метров. Старые источники утверждают, что в XIX веке река здесь судоходной не была. Навигация прерывалась в Коврове, за 300 верст ниже по течению. И что же мы видим с моим бесменным товарищем по репортерским скитаниям фотографом Александром Бурым? Откуда ни возьмись появляется на глади реки белый кораблик с дюжиной-другой пассажиров на борту. Выруливает себе по фарватеру под мост и двигает дальше – к

Фонтанная площадь с видом на торговые ряды и колокольню Богоявленского собора

уже большому автомобильному мосту – Декабристскому. Пробуем сообразить, что общего между Ногинском и декабристами. Ведь одна из главных городских улиц носит такое же название. Сообразить удастся. Северная граница старого Богородска – та самая Клязьма, отделявшая город от левобережного поселка Глухово. Южная – Владимирский тракт, который не миновать было осужденным на каторгу участникам восстания 14 декабря. А также отправлявшимся следом женам-декабристам.

Фотограф щелкает, кораблик уплывает... С высоты подпрыгивающего «моста влюбленных» вода в Клязьме видится темной, отвечающей глубокой зеленью склонившегося по берегам

ивняка и прочей флоры. Вспоминается досадно далекое детство. Дачный поселок Болшево, в котором отдыхали весьма солидные граждане. Двухэтажные дома по черневшего от времени дерева с мелко застекленными верандами. Узкая петля речки посреди заливного луга. Пятачок пляжа с плотным и чистым песком. Тут Клязьма дарит маленький заливчик, в котором можно было не только плескаться, но и плавать. Тогда впервые в жизни довелось купаться в воде необычного активно коричневого цвета. Прозрачной, но коричневой. Взрослые туманно поясняли, что в клязьминской воде много железа. Так и виделись большие ржавые металлические листы, лежащие на дне в глубоких местах.

А говорят, Клязьма в Ногинске – река не судоходная

КУПОЛА И НЕ ТОЛЬКО

С «моста влюбленных» открывается чудный вид на кафедральный Богоявленский собор. Вот он-то как раз насыщенного голубого – Богородичного – цвета. Собор могучий, вмещает до 3 тысяч человек. Судьба его сродни многим православным храмам. Когда-то на этом месте в селе Рогожи стояла деревянная церковь Николая Чудотворца. В середине XVIII века на средства прихожан был возведен каменный храм Богоявления. Характерный штрих – на средства прихожан. Не было еще на свете Богородска, соответствующего уезда, крупнейшего во всей губернии, обширных торговых рядов и текстильных мануфактур морозовского семейства.

А средства – были! У прихожан, коих в Рогожах перед их превращением в уездный город насчитывалось... 122 человека купеческого и мещанского сословия. В 1797 году по требованию императора Павла I собрали сведения об экономическом положении новых уездных городов, учрежденных его матушкой. О Богородске, равно как и о других уездных центрах Московской губернии – Бронницах, Воскресенске, Никитске (ныне – село Кольчево на реке Пахре. – Прим. авт.) и Подольске, доложили так: «во всех пяти жители упражняются более в хлебопашестве, а потому и городами почтены быть не могут». Может, и приврали чинуши в угоду Павлу Петровичу, заинтересованно

Богоявленский собор Богородичного цвета

му в дезавуировании екатерининских начинаний, но суть вряд ли посмели исказить. Дотошный император мог и перепроверить. Ларчик открыть проще, если б наверняка знать, что среди прихожан были и князя Волконские, чье поместье Волхонка, оно же – Никольское-Торбеево, стояло на берегу Клязьмы аж с XVII века.

С годами Богоявленская церковь обросла приделами, трапезной, колокольней. Но к концу XIX века, когда церковь уже получила статус собора, стало ясно, что для Богородска она маловата. В 1876 году закончили строительство нового здания собора. Того самого, что мы видим сейчас. Однокупольного, в стиле позднего классицизма. Добавили роста и колокольню. А в 1890 году на звонницу подняли 20-тонный главный колокол, который стал самым многопудовым колоколом в Московской губернии. После Октябрьского переворота собор «продержался» два десятка лет. Примечательно, что в середине 20-х годов XX века здесь на клиросе пел будущий Патриарх Московский и всея Руси Пимен. Одна из городских легенд гласит, что Пимен, в миру Сергей Извеков, родился в 1910 году в Богородске. Потому, мол, и оказался с малых лет в хоре Богоявленского собора. По поводу раннего приобщения к церковным службам верно глаголют. Отец будущего патриарха работал в Богородске механиком на Глуховской мануфактуре. Но родился Пимен в деревне Кобылино Калужской губернии. Путаница произошла потому, что крестили младенца в церкви соседнего с Кобылином села Глухово. Короче говоря, и под Калугой – Глухово, и в Богородске – Глухово. Остальное же – сушая правда. В 13 лет Сергей стал петь в хоре Богоявленского собора, в 15 – уехал в Москву, в Сретенский монастырь, где в 17 и принял постриг. Памятник патриарху Пимену, стоявшему во главе Русской православной церкви почти двадцать лет, установили к 100-летию со

дня его рождения на той же Рабочей улице, на которой находится Богоявленский собор. В 1938-м собор закрыли, спустя два года завели в его стенах сапоговаляльное производство. Храм вернули верующим в 1989 году, удивительным образом сохранив огромный купол, на который после окончания Великой Отечественной войны покусился местный горисполком. Но на этом испытания для собора и его прихожан не закончились. В 1993-м на целых четыре года храм попал в руки так называемой Украинской православной церкви Киевского патриархата. Возглавив приход, митрополит Адриан, в миру Валентин Старина, принял решение о смене юрисдикции. Как? Вот так, взял и принял. Валентин Егорович вообще был горазд на разные лихие решения и поступки. Выдворить представителей неканонической церкви удалось лишь в 1997 году, когда терпение церковных и светских властей окончательно лопнуло. С помощью ОМОНа. Бродить по Ногинску – одно удовольствие. Чисто. Опрятно. И одновременно – довольно людно. Казалось бы, лето, макушка воскресенья, солнца – невпроворот. Сиди на даче с чашкой чая и ро-

Памятник патриарху Пимену в честь 100-летия со дня рождения председателя Русской православной церкви

Скромное здание железнодорожного вокзала

зеткой днями назад сваренного малинового варенья. Или – валяйся на пляже, благо они в городе имеются. На той же Волхонке. Или на Черноголовском пруду, что на севере города. Ан нет, народу в центре полно. Центр – будто крест. Пешеходная часть улицы 3-го Интернационала с торговыми рядами пересекается с Патриаршей и Соборной, вдоль которой играют водой фонтаны главной площади. За фонтанами – Вечный огонь и изрезанный аккуратными дорожками сквер. Народ, правда, попадаетея разный. Что абсолютно нормально. В самом конце сквера за

спинами массивных автобусов теряется здание железнодорожного вокзала. Даже ярко-красный цвет не помогает. Уж больно маленькое. Может быть, оттого, что в свое время, когда вели «железку» на Нижний Новгород, богородские магнаты решили, что вреда от нее будет больше, чем пользы, и город с их подачи от такой благодати отказался. Когда спохватились, было поздно: дорогу провели через нынешний Железнодорожный (тогда – Обираловка) на Павловский Посад. Все, чего удалось добиться, – это бросить тупиковую ветку из Фрязева длиной 13 верст.

Так вот, о народе. Неподалеку от вокзала достойного вида мужчины в тапочках энергично дискутируют о неведомом, сжимая в ладонях различные емкости. Рядом с Фонтанной площадью под пристальным наблюдением красивых мам снуют на специальной площадке крошки-шоферы, крутя рули крохотных электромобильчиков. Чуть дальше у главного входа в ногинский театр драмы и комедии джаз-банд исполняет что-то афроамериканское. Зрителей – в достатке. Традиция, однако. В свое время в этом театре играли Ольга Книппер-Чехова и Василий Качалов. А в противоположном конце пешеходной зоны прямо на тротуаре лежит стареющая красавица-ротвейлерша. Перед ней – ящик для благотворительных сборов на собачий приют. Позади – молчаливая женщина на раскладном стульчике с раскрытой книгой в руках. «Никогда не проси у сильного», так ведь? В ящике купюры уже плотно прикрыли дно. А ротвейлершу, как выяснилось, зовут Лета. Забвение или вечность?

Что удивляет, так это дефицит куполов. В обозримом пространстве – два храма: Богояв-

ленский и Тихвинской иконы Божией Матери середины XIX века, построенный на деньги купца Елагина. Красивый – Византия, да и только! После обнаружим на глуховской стороне Клязьмы церковь Константина Богородского, а перед мостом с необычным названием «Улица Климова» – белостенную церковь Матроны Московской. Позже узнается, что в городе более 20 культовых сооружений РПЦ. Но многие – очень скромные домовые храмы: при реальном училище, при доме-интернате для престарелых и инвалидов, при СИЗО. Другие и вовсе не церкви – часовенки.

Мемориал на Фонтанной площади, посвященный Великой Отечественной войне

Ротвейлер Лета и ее хозяйка

А вообще, Ногинск – город в этом плане разнообразный. Когда-то Богородск был одним из центров старообрядчества Московской губернии. Община достигала 20 тысяч человек. Был и свой храм, построенный на средства Арсения Морозова. Точнее, здание сохранилось по сей день. Но находится Захарьинская церковь на территории, принадлежащей хлебокомбинату. В храме сейчас бараночный цех. Верующих на секретное производство не пускают. В 2014 году Общественное российское телевидение сообщило, что официально признающих себя членами старообрядческой общины в Ногинске осталось... 19 человек.

БОГОРОДСКИЙ МОДЕРН

Превращая вчерашние села в уездные города, Екатерина II подписанием указов не ограничивалась. Внимательно изучала предлагаемые планы реконструкции поселений, собственноручно вносила правку в градостроительные схемы. Смотришь на безукоризненный с точки зрения геометрии план и диву даешься. Не Рогожи – Манхэттен. И все с толком. Вот место для дома городничего, вот – для полицейской части, вот – для торговли дровами, а вот – для пивоварен...

Понятно, что при таком комплексном подходе от древней ямской слободы ничего не сохранилось. Кстати, о сроках древности. Официально считается, что первое упоминание об организованном поселении в этих местах относится к 1389 году. Ссылаются на вторую духовную грамоту великого князя Дмитрия Донского, писанную рукой его внука. Среди прочих московских волостей, передаваемых князем 4-летнему сыну Петру, помянута и некая «Рогож». Дмитровский и углецкий князь Петр Дмитриевич ушел из жизни в 1428 году бездетным, его вдова Ефросиния приняла постриг. Таким образом, волость Рогожи вновь отошла в великокняжескую казну,

являясь государственным владением Рюриковичей. Вроде все предельно ясно. Но споры продолжаются. Потому как за полвека до Дмитрия Донского, в 1339 году, великий князь Иван Калита, дедушка победителя Орды на Куликовом поле, тоже составил завещание. В нем говорится о селе «Рогожь», которое наследовала супруга, княгиня Ульяна. Судя по соседствующим в перечне населенным пунктам, речь об одном и том же месте. Разумеется, архитектурной эстетикой ямские слободы на главных путях Руси похвастаться не могли. Даже такие экономически успешные, как Старый Рогожский ям, отстоявший от прежней Москвы на 50 верст. То есть был первой станцией на восточном пути. О Богородском модерне заговорили значительно позже, в конце XIX века, когда город стал крупным промышленным центром и мог позволить себе излишества в зодчестве. Благо обрели финансовую мощь местные предприниматели, ворочавшие миллионами рублей и не чуравшиеся меценатства.

Собственный архитектурный стиль в уездном городе – не преувеличение ли это? По словам исследователя богородской истории Евгения Маслова, из разных стран Европы приезжали в Богородск профессиональные зодчие, искусствоведы и любители архитектуры любоваться и изучать здание начальной школы, построенное промышленником Арсением Морозовым в 1908 году. «Самая красивая школа в России», – без тени сомнений замечает Евгений Николаевич. И спорить вовсе не хочется. Особенно когда попадаешь внутрь нынешней ногинской школы №10. Двусторонняя широкая – чуть ли не дворцовая! – лестница с коваными перилами ведет на второй этаж. Лепнина на потолках и в стенных проемах, изящные колонны, тяжелые двери из цельного дерева ручной работы, огромные окна разнообразной формы родом будто из итальян-

Дом №1,
построенный
для рабочих
Морозовской
мануфактуры

ских палатцо. А еще – майоликовые фризы под потолком входной залы. И все это настоящее, вековое! Равно как и оригинальные водосточные трубы снаружи. В такой школе стыдно получать двойки.

Морозов построил школу прежде всего для фабричных детей. Официально она называлась ранним начальным училищем высшего типа при Богородско-Глуховской мануфактуре. Справочник того времени сообщает, что в училище имеется «3 приготовит. и 4 старших класса, обучение бесплатное. Обучаются мальчики – 629 чел., в т.ч. из дворян, почетных граждан, купцов и священников – 10, из мещан – 116, из крестьян – 503». Умел Арсений Иванович готовить кадры для своих предприятий. И город свой любил. И людей. Под стать этому зданию и здания других учебных заведений, построенных до Первой мировой войны. На въезде в цен-

тральную часть Ногинска с московской стороны – за стройной металлической оградой краснокирпичный параллелепипед бывшего реального училища 1913 года постройки. Теперь тут педагогический колледж. По соседству с Фонтанной площадью красуется бывшая женская гимназия, изысканностью форм не уступающая морозовскому училищу. Этот дом-дворец проектировал известный московский архитектор Александр Кузнецов. Здание и сейчас служит своему предназначению – школа №2 имени Короленко. Приглашенный Морозовым столичный зодчий оставил в Ногинске несколько рукотворных памятников. Он строил дом Арсения Морозова в промышленном поселке Глухово на берегу Черноголовского пруда. К сожалению, шедевр частного строительства пришел в советское время в полное запустение, но совершенно недавно

пление, вентиляция, холодные шкафы для продуктов, канализация. Начало XX века, между прочим. «Тяжка и беспросветна была жизнь трудового народа в дореволюционном Богородске», – сообщил нам в 1957 году автор заметки в ногинской газете «Знамя коммунизма». Сейчас дом №1 на капитальном ремонте, а до недавнего времени оставался жилым. Его братьям-близнецам под номерами 2 и 3 пока не так везет. Там сейчас психиатрическая лечебница. С другой стороны, психи – тоже люди. Им без канализации никак нельзя.

ВОЙНА И МИР

Богородск–Ногинск из тех счастливых русских городов, которые от войн напрямую не страдали. Хотя насмотрелся изнанки войны – мало не покажется. Город госпиталей. Город военных заводов. Таким он был и в Первую мировую, таким был и в Великую Отечественную. Да, сам город не сражался. Но его дети... Памятная табличка на стеле у Вечного огня лаконично сообщает: «В годы войны ушло на фронт 37 000 ногинчан, погибло и пропало без вести 14 875 человек». Нет сомнений, эта страшная статистика известна многим жителям города. Она, что называется, на виду. О том, что в Первой мировой погибло более 2 тысяч мужчин Богородска и уездных сел, слышали меньше. Дань памяти солдатам 209-го пехотного Богородского полка, сформированного в августе 1914-го из запасных и новобранцев уезда, город отдает с 2009 года. Начали с малого – с выставки «Прорыв» в краеведческом музее. Установили закладной камень в сквере на улице 3-го Интернационала, где она уже вовсе не пешеходная, а вполне себе обыкновенная. В 2014 году Московская областная организация «Центр поддержки социальных и общественных инициатив», базирующаяся в Ногинске, отправила по местам боев 209-го полка в

нашлись в городе люди, наследовавшие традициям благотворительности, приверженцем которых был сам Арсений Иванович, и началось восстановление усадеб. Приложил руку Кузнецов и к промышленным объектам. Новоткацкая фабрика в Глухове, построенная по его проекту в 1908 году, – одно из лучших предприятий начала XX века со всех точек зрения. Красивое, удобное, функциональное. Говорят, на крыше между огромными стеклянными колпаками, дающими в цеха свет, был разбит шикарный травяной газон.

Названия улиц на глуховской стороне – бальзам для души ностальгирующих по временам СССР. Улица Советской Конституции, Индустриальная, Ильича – это в тренде. Но ведь есть еще Совнархозная. Прелесть! Совнархозы как система управления народным хозяйством были упразднены сразу после свержения первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева. Тогдашние ногинские власти на этот факт не отреагировали. От Совнархозной убегает в тупичок улица 8 Марта. По левую руку скучная, как конспект по истории партии, советская многоэтажка имени Леонида Ильича. Но по правую... Три красавца-дома, будто три богатыря. Краснощечкие, с огромными гла-

зами-окнами. Над входной дверью ближайшего на белой облицовке крупно – «Домь 1». Это так называемые морозовские казармы для рабочих. Довелось насмотреться казарм в Петербурге, предназначенных для элитных гвардейских полков. Морозовские ни в чем не уступают. А по части благоустройства, возможно, и превосходят. В них работали общие кухни, прачечные, оснащенные стиральными машинами, воздушное ото-

Бывшая женская гимназия, ныне – школа №2 имени Короленко

Закладной камень в честь 209-го пехотного Богородского полка на месте будущего памятника русскому солдату Первой мировой войны

Калининградской области делегацию из 50 старшеклассников и студентов. Они-то и привезли капсулу с землей из городка Полесск, рядом с которым полк принял первый бой с германцами. Ее поместили у подножия закладного камня. Ребятам не удалось побывать в Августовском лесу, где полк в феврале 1915-го погиб, прикрывая отход частей 20-го корпуса. Сейчас Августовский лес – это польские земли...

Говорят, скоро на месте закладного камня в безымянном сквере встанет бронзовый пехотинец Русской армии с шифровкой «209» на погонах. А сквер получит сообразное название. Верится. На газонах в сквере смятых пивных банок не валяется. И окурков – тоже. Перед гранитным камнем с памятной табличкой свежие цветы.

...Впрочем, один раз Богородск видел лица врагов живьем. В 1812 году. Город-младенец, 31 года от роду, навестил маршал Франции Мишель Ней. Да не один. Начальник штаба наполеоновской армии маршал Луи Бертье посчитал, что французские корпуса должны контролировать ситуацию по всем направлениям от Москвы на расстоянии до 100 верст. Заодно заниматься фуражировкой и сбором продовольствия. Восточной «столицей» Бертье

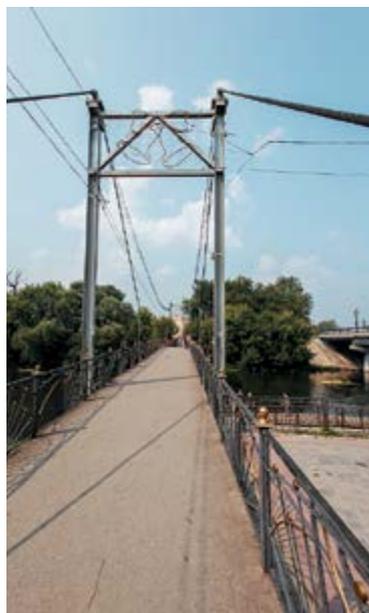
Новоткацкая фабрика Богородско-Глуховской мануфактуры – образец промышленной архитектуры начала XX века

определил Богородск. Туда отправился отряд в 6 тысяч пехоты и кавалерии при 8 орудиях под командой генерала Мишеля-Мари Клапареда. Хорошая половина 3-го корпуса Нея. После непродолжительного боя у городского вала и западной заставы с отрядом гусар Павлоградского полка из 74 человек во главе со штабс-ротмистром Богданским и конной командой хорунжего Горбачева в 50 сабель 4 октября французы вступили в город. Сам «Храбрый из храбрых», как называл Нея Наполеон, прибыл в Богородск 5 октября. Войск в городе скопилось столько, что

французам пришлось немедленно строить казармы. Каково же было удивление Нея, когда он получил из Москвы приказ быть готовым покинуть Богородск в 24 часа. Через девять дней маршалу пришлось это требование Бонапарта исполнить. Мародерствовали перед этим? А как же! Грабили, сожгли в уезде более 250 домов, пятерых крестьян казнили. Потому и провожали французов из Богородского уезда вилами да топорами. Именно здесь отличился государев крестьянин Герасим Курин, собравший отряд в 5 тысяч человек и после нескольких побед над французами решивший освободить уездный город. Не успел. Ней ушел сам.

Любопытно, что, несмотря на стратегическое положение в губернии, Богородск никогда не имел постоянного военного гарнизона. Исключение – период с 1898 по 1914 год. Связано оно, по всей видимости, с тем, что предвидели в Царском Селе надвигающуюся революционную волну. Богородск – центр текстильной промышленности, тысячи пролетариев, неподалеку – буйные промышленные поселки Орехово, Зуево и Никольское, где еще в 1885 году грянула знаменитая Морозовская стачка. Ближе к Москве – промышленные Лосино-Петровский и Балашиха.

Пешеходный «мост влюбленных» над Клязьмой

три. Еще одна легенда гласит, что это – развалины господского дома Волконских, владевших усадьбой до середины XIX века. Красиво, но не факт. Есть версия, что это остатки одноэтажного дома некой дворянки Марии Андросовой, владевшей Волхонкой с 1890 года. К слову, сторел дом без всякой романтики. Уже в советское время один из живших в нем геологов, будучи нетрезвым, заснул с горячей сигаретой. Если так, то на глазах рухнет и второй миф, связанный с усадьбой. Впрочем, он рухнет независимо от дворянки Андросовой и выпивающих по вечерам геологов.

Согласно легенде, у Волконских останавливалась семья драматурга Федора Иванова. В числе прочих дочь его Наталья 1813 года рождения. В 1830–1832 годах в нее был серьезно влюблен студент Московского университета Михаил Лермонтов. И якобы, влекомый страстью, поэт навещал Наталью Федоровну на Волхонке. Лермонтов действительно встречался с Ивановой в восточном Подмоскowie, но в Лосино-Петровском, где находилось имение матери девушки, когда-то принадлежавшее Волконским, – Никольское-Тимонино. Обе усадьбы роднит не только принадлежность Волконским, но и то, что от них почти не осталось следа...

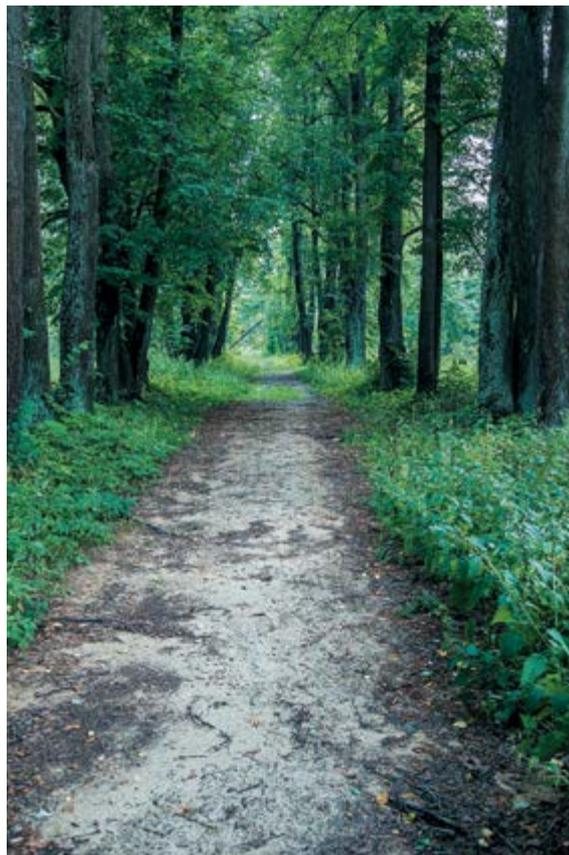
И еще одна легенда, советская. Почему Богородск перестал быть Богородском после революции – понятно. Но почему стал Ногинском? В честь видного большевика Виктора Ногина. Логично было предположить, что Виктор Павлович крепко связан с этим городом. На деле же он родился в Москве, в ней и помер от перитонита в 1924-м. Жил и работал... Где только не жил и где только не работал. В Богородске трудился на Глуховской мануфактуре в возрасте 15–17 лет. После чего отъехал в Питер и ударился в революцию. Иными словами, имел к Богородску примерно такое же отношение, как Екатерина Великая к продаже Аляски. ❀

Куда ж тут без казачков? За два года до пришествия XX века указом императора была образована 6-я отдельная донская казачья сотня, которая и разместилась на постой в Богородске, в специально построенных для нее казармах. Сотня контролировала Владимирский тракт и заодно следила за порядком в уезде. Когда пришла первая русская буза, в 1905 году, сотня свою задачу выполнила: Богородск удержала от безобразий. И революция прошла тут тихо – в отличие от Москвы или тех же Орехова и Коломны. Единственное шумное событие – летом 1906 года на Волхонке собрались на маевку глуховские текстильщики послушать московских агитаторов. Казачьи нагайки разогнали любопытных. Кого – по сараям соседней деревни Торбеево. Кого – в плавание по Клязьме.

всякий помнил, где будет висеть, если что. Печальная Ванькина история запечатлена в народном фольклоре – в песне. Не скажу, что мы с Александром Бурым излазили весь старый парк в поисках той липы, но на аллее ее точно нет. В глубине парка таится остов старого дома. Если точнее – остатки стен высотой метра два-

Пешеходная часть улицы 3-го Интернационала в центре города

Липовая аллея в бывшей усадьбе князей Волконских на Волхонке

ЛЕРМОНТОВ И ВОЛХОНКА

Это был. Но с Волхонкой связано несколько городских легенд. Одна из них – о Ваньке-ключнике, соблазнившем молодую жену старого князя Волконского. Тот, прознав, велел повесить Ваньку на одной из могучих лип, высаженных на главной аллее барского парка, ведущей к усадьбе. Тело, ясен пень, с липы вскоре сняли. Но для верности велел князь обить ствол дерева железными листами. Чтобы

ГОЛУБИНЫЙ ГОРОД

АВТОР

ДМИТРИЙ РУДНЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЕСЛИ МЫ БРОСИМ БЕГЛЫЙ ВЗГЛЯД НА ГЕРБЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ РУССКИХ ГОРОДОВ, ТО В БОЛЬШИНСТВЕ СЛУЧАЕВ УВИДИМ, ЧТО ИХ ОБЫЧНО УКРАШАЛИ КАКИЕ-ТО ГРОЗНЫЕ ИЛИ БЛАГОРОДНЫЕ ЖИВОТНЫЕ: ЛЬВЫ, МЕДВЕДИ, ОЛЕНИ, ВОЛКИ, ОРЛЫ... А ВОТ ТОРЖОК ЕЩЕ С XV ВЕКА ВЫБРАЛ СЕБЕ... ГОЛУБЯ. ЭТА ПТИЦА, КАК ИЗВЕСТНО, СИМВОЛ МИРА, А ВЕДЬ ИСТОРИЮ НОВОГО ТОРГА, КАК В ПРОШЛОМ НАЗЫВАЛИ ЭТОТ ГОРОД, МИРНОЙ НИКАК НЕ НАЗОВЕШЬ.

САМАЯ ЯРКАЯ И ТРАГИЧЕСКАЯ страница истории Торжка относится к временам монголо-татарского нашествия на Русь. Речь идет о героической обороне города от вражеского войска, командовал которым сам Субудай-багатур. Но прежде, чем начать разговор об этом событии, стоит познакомиться с историей Нового Торга на самом раннем ее этапе.

НОВГОРОДСКИЙ РАСЧЕТ

Торжок, или Новый Торг, – это плоть от плоти Великого Новгорода, это – нерв жизни всей мощной боярской республики. Напомним, целый ряд материалов «Русского мира.ru» были посвящены водному пути, соединявшему Новгород и низовые, южно-русские земли. Мы рассказывали и о Волоколамске, самом дальнем, юго-восточном форпосте Новгородской республики, стоящем на водоразделе между Волжским и Окским речными бассейнами. И о Вышнем Волочке, соединявшем волжский приток Тверцу с Цной – рекой, по которой можно доплыть до озера Ильмень. По этому пути Новгород, не имевший возможности обеспечивать сам себя продовольствием, получал основной, жизненно важный объем провианта. И если с Западом великая древнерусская республика торговала ради обогащения (именно здесь пролегал один из участков знаменитого пути из варяг в греки. – Прим. ред.), то в данном случае торговля шла ради выживания.

Центром этого торгового направления был Торжок. Скорее всего, сами «новгородские гости» не спускались за товаром дальше Торжка. Они приходили сюда на своих лодках и только поджидали «низовых» купцов, которые и привозили жизненно важное для республики зерно. И новгородских купцов можно было понять. Торжок стоит на реке Тверце, а не на водоразделе. Здесь торговца трудно застать врасплох. Чуть какая

опасность, и торговец с набитой мошной – раз и прыгнул в струг. Только его и видали.

А рисковать товаром и деньгами на мелководных реках между Окой и Волгой хитрые новгородцы предоставляли рязанским, суздальским и московским коллегам.

ПТИЧЬЯ ДОЛЯ

Но когда уж «низовые» купцы привозили в Торжок товар, вот тут-то все и начиналось! У причалов одна за другой разгружались лоды, амбары заполнялись мешками с рожью, ячменем, пшеном, чечевицей, горохом и драгоценной пшеницей. Часть этого добра при перегрузке, естественно, рассыпалась по торгу, что привлекало огромное количество птиц, и прежде всего голубей.

Стаи сизарей настолько прочно ассоциировались с Новоторжской «ярмаркой», что когда у новоторгов во второй половине XV века возникла нужда чеканить собственную монету, то именно голубь появился на ее аверсе.

И можно сколько угодно спорить на тему того, голубь или какая другая птица изображена на новоторжской «денге», но достаточно посмотреть прорисовки и качественные фотографии торжокских монет в статье Петра Гайдукова и Петра Мальгина «К изучению новоторжских монет», и становится очевидно, что это все-таки голубь...

АХИЛЛЕСОВА ПЯТА БОЯРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Конечно же, Новый Торг привлекал не только птах небесных, этим богатым городом желали владеть многие средневековые властители Древней Руси.

Археологические данные показывают, что Торжок существовал уже в X–XI веках, но первое упоминание его в летописи повествует как раз о том, что город в 1139 году был захвачен знаменитым и могущественным суздальским князем Юрием Долгоруким.

Это был очень выверенный и логичный шаг, дабы «приструнить» своевольный Новгород, призвать его к порядку, вынудить выступить на стороне князя Юрия Владимировича в борьбе за великокняжеский киевский стол, захваченный черниговским князем и родственником Долгорукого – Всеволодом Ольговичем.

Затем, буквально через двадцать лет, сын смоленского князя Святослав Ростиславич, получив войско от сына Долгорукого, Андрея Боголюбского, разоряет Торжок, чтобы вынудить новгородцев снова позвать его на княжение. Так Новый Торг становится самым уязвимым местом Новгорода, после захвата которого боярская республика попадает в торговую блокаду и становится очень управляемой.

А сын Всеволода Большое Гнездо, князь Ярослав Всеволодович, когда новгородцы предложили

Насыпной вал. Когда-то на нем стояли целых три башни. Эта часть крепости считалась самой неприступной

ему княжить у себя, приехал в Новгород и, увидев, какие там царят порядки, немедленно уехал оттуда от греха подальше. Он оставил за собой титул новгородского князя, но управлял городом через наместника. Сам же обосновался в Торжке. Дело в том, что Великий Новгород встретил князя поножовщиной, которая развернулась на улицах между теми, кто выступал за призвание князя Ярослава, и теми, кто был против его княжения в боярской республике. Дальновидный и хитрый отец Александра Невского справедливо посчитал, что таких ребят надо держать в ежовых рукавицах. Прибыв в Торжок, он немедленно перекрыл поставки хлеба, чтобы охладить горячие новгородские головы.

ПРИШЛА БЕДА – ОТВОРИЯ ВОРОТА

Одна из главных трагедий Торжка произошла, когда новгородским князем был сын Ярослава – Александр, будущий Невский.

Зимой 1238 года, уже разорив такие великие и гордые русские города, как Рязань и Владимир, войско Бату-хана, а точнее, главный его отряд отправился покорять богатый, но далекий Новгород.

Естественно, первым солидным городом древнерусской республики на пути завоевателей оказался Торжок. Но в нем в тот момент, увы, не было ни княжеской дружины, ни новгородского ополчения. Оборону пришлось организовывать новоторжским боярам самостоятельно. И сделали они это весьма профессионально и умно. К тому моменту, когда монголо-татарские войска подошли к городу, склоны кремлевского холма и валы с напольной стороны города уже были покрыты толстым слоем льда. Ворота также облили водой, и они намертво замерзли.

Все эти меры смогли лишь задержать, но не остановить врага. После первого неудачного штурма Субудай-багатур, главный полководец не только Батия, но и

Внутри кремлевских валов можно увидеть древнюю камнететную машину

самого Чингисхана, приказал обнести город частоколом и приготовиться к осаде. Китайские мастера собрали мощные камнететные машины – пороки, и уже на следующий день началась безжалостная бомбардировка крепостных стен и города, в том числе и зажигательными «бомбами».

В Торжке начались пожары, но только через две недели в стенах образовались широкие бреши, и монгольский военачальник приказал начать новый штурм. Город был вырезан полностью и сожжен дотла. Монголо-татарское войско двинулось дальше, но, пройдя незначительное расстояние по Новгородской земле, в итоге повернуло обратно. А Великий Новгород, к счастью, избежал тогда страшной участи своего форпоста.

КОСТЯ-НОВАТОР

Если верить старым местным преданиям, повернул Батый назад неспроста. Все мы знаем о рязанском боярине Евпатии Коловрате. Памятен и его подвиг, когда он, вернувшись из Чернигова, застал вместо родного города дымящееся пепелище. Тогда Евпатий собрал уцелевших рязанцев и бросился в погоню. Нагнав Батю, Евпатий дал ему бой, порубил несчетное число врагов, но и сам пал смертью храбрых в неравной сече.

Но мало кто знает, что такой же витязь был и в Торжке. Звали его Костя-новоторженин. Наиболее исчерпывающее исследование о нем провел Валерий Цыков, изложив результаты своей работы в статье «Фольклорные данные к вопросу об образе Кости новоторженина».

Письмо из прошлого. Берестяная грамота, найденная при раскопках в Торжке. Это третий в России город по количеству таких артефактов

Торжок – город церквей, а еще его по праву называют вторым Суздалем

Автор статьи из разных источников, по большей части из материалов собственных этнографических экспедиций, сконструировал фабулу предания об этом полуполюгендарном-полуисторическом персонаже.

Костя, крестьянский сын, с рождения отличался богатырской силой. Однажды он отправляется в Новгород и вступает там в ватагу таких же, как и он, искателей приключений. Понача-

лу он терпит насмешки за свой крестьянский вид и манеры, но, пройдя испытания, поражает всех не только удачью и смекалкой, но и своими «габаритами». На него не налезает ни один доспех!

Затем Костя в составе этой ватаги участвует в битве, где побеждает главного супостата, да и вообще, победу новгородцы одерживают именно благодаря новоторжскому крестьянину. После он то

Вот эта плинфа, на которой средневековый зодчий начертил план своего творения – Борисоглебского собора конца XII – начала XIII века

ли по собственной воле, то ли по принуждению покидает Новгород и возвращается в Торжок. Дома он собирает свою дружину – «триста золотых поясов», поскольку каждому, кто в эту дружину принимался, выдавали шитый золотом пояс.

И вот, когда приходят монголо-татары, «триста поясов» Кости отважно защищают город, а в тот момент, когда враги прорываются через стены, дружинники прикрывают эвакуацию горожан. В районе деревни Бранья (вариант: Баранья) Гора в решающем бою все сподвижники Кости, да и он сам, погибают. Правда, есть версия, что Костя новоторженин выжил в той битве, вернулся в свою деревню, которая с этого момента и стала называться Костенино, посадил там дуб, а потом ушел в монахи. Дуб простоял до 70-х годов XX века, сейчас от него остался обугленный пенек.

Между прочим, очень забавную деталь обнаружили исследователи в 1999 году в деревне Тресно. Здесь рассказчики легенды о Косте называли его «новатором», не Костей-новотором, а именно «новатором», человеком, придумавшим новый способ побеждать врага.

Вид с ротонды надвратной колокольни Борисоглебского монастыря. Торжку не привыкать к тревожному небу над куполами своих церквей

ОБИТЕЛЬ ЕФРЕМА УГРИНА

Есть про Торжок и еще одно, гораздо более древнее предание. Восходит оно к временам Крещения Руси. Когда Владимир Святославич, князь Киевский, принял христианство, примерно в это же время в Венгрии начались гонения на православных. Спасаясь от них, на Русь пришли три брата. Одного из них звали Георгий. Он стал конюшим у сына Владимира, ростовского князя Бориса.

После смерти Владимира-крестителя его старший сын, Святополк, желая быть единственным правителем в государстве, решил погубить всех своих братьев. Исполнять задуманное он начал с князя Бориса, которого любили и народ, и дружина.

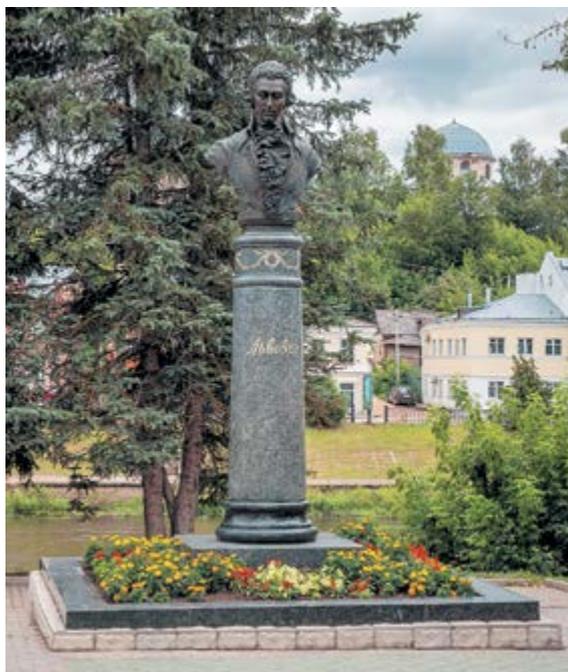
Убийцы, отправленные Святополком к Борису, нашли его на берегах реки Альты и закололи в шатре копьями. Верный слуга князя Георгий Угрин (то есть венгр. – Прим. ред.) также принял смерть вместе со своим господином. Один из убийц, увидев на его шее драгоценную гривну, отсек Георгию голову, чтобы снять ее. Брат Георгия, узнав об убийстве, отправляется на Альту, находит отсеченную главу, забирает ее и решает уйти из мира.

Он отправляется в новгородские пределы и в итоге основывает

Памятник Николаю Александровичу Львову, строителю современного Борисоглебского собора и автору идеи размещать наверху колоколен смотровую ротонду

на холме, на берегу реки Тверцы, монастырь. В честь господина своего брата он называет обитель Борисоглебской.

Третий брат тоже в итоге стал монахом, он известен как преподобный Моисей Угрин Печерский, наш же герой – это преподобный Ефрем Новоторжский. Основанный им монастырь существует до сих пор. Если верить церковному преданию, то это – один из древнейших сохранившихся русских монастырей.

ЕДИНСТВЕННЫЙ НА ТЫСЯЧУ ВЕРСТ

Центром обители был и остается Борисоглебский собор. Сегодня это – здание, построенное в XVIII веке по проекту знаменитого архитектора, местного уроженца Николая Львова. Оно сменило древнее, укрепленное во времена Иоанна IV здание. О том, что это был за храм, мы узнали совсем недавно.

Проводя раскопки на территории монастыря, Новоторжская археологическая экспедиция возле южного фасада постройки Николая Львова обнаружила древние фундаменты, часть которых скрыта под собором XVIII века. Как и было известно прежде, боковая пристройка относилась к середине XVI века, а вот центральная часть оказалась значительно старше. Датировалась она XII–XIII веками. Причем ученые склоняются к тому, что наиболее точной датировкой является XII столетие. Ценность находок, сделанных при раскопках фундамента древнего храма, несказанно порадовала археологов. Прежде всего нужно упомянуть, что ими была найдена плинфа, на которой древний зодчий, видимо объясняя свою задумку рабочим-строителям или согласовывая ее с заказчиками, несколькими быстрыми и твердыми штрихами нарисовал на еще мягком необожженном кирпиче план возводимой постройки. Сейчас эту плинфу можно увидеть в экспозиции местного музея.

Помимо декоративных резных элементов здания археологи обнаружили обломки штукатурки с настенной росписью. Эти находки, точнее, элементы внешнего и внутреннего декора позволили установить, что строители и художники, работавшие над обликом собора, расписывали его в разных традициях: южной, киевской, и северной, новгородской. Роспись храма производилась в начале XIII века. До самого конца этого столетия Борисоглебский храм Торжка был единственной каменной церковью на пространстве от Новгорода до Ростова.

УТЕРЯННАЯ ТВЕРДИНЯ

Борисоглебский монастырь, как и многие обители своего времени, выполнял защитные функции. Его стены и башни прикрывали Новоторжский кремль, который был не только грозной, но и уникальной фортификацией.

Начиналось все довольно стандартно. Город появился на клиновидном плато, образованном крутыми склонами берега Тверцы и обрывами оврага ручья Здоровец. Во время княжения в Торжке смоленского князя Давыда Ростиславича с напольной, то есть открытой, стороны этого клина насыпается высокий вал и копается глубокий ров. На гребне этого вала строится стена с тремя башнями, возводятся стены по остальному периметру. Так новоторжские укрепления в период с 1158 по 1161 год превращаются в классическую древнерусскую крепость мысового типа.

Но в XIV веке здесь происходит глобальная реконструкция, которая превратила Торжокский кремль в уникальное сооружение.

В 2002 году Новоторжской археологической экспедицией были обнаружены остатки белокаменного пилона Тайничной башни кремля. Помимо этого экспедиция обнаружила остатки еще двух белокаменных башен и следы целого каменного прясла стен.

Датировке этих сооружений посвящена статья Петра Мальгина и Натальи Сарафановой «Деревяно-каменные укрепления Торжка XIV века и некоторые особенности древнерусского военного

зодчества». Исследователи убедительно доказали, что каменное строительство в Торжке велось в 40-е годы XIV века.

Разрушены же каменные укрепления были всего лишь через тридцать лет после постройки. В 1372 году Торжок был полностью разорен тверским князем Михаилом Александровичем. Это был не первый враждебный акт со стороны тверских князей:

Гениальное творение архитектора Львова. Нижняя часть здания – ворота в монастырь. Над ними церковь Спаса Нерукотворного Образа, еще выше колокольня, над ней ротонда и шпиль

в 1315 году (по другим данным – в 1316 году) Торжок был разграблен Михаилом Ярославичем. Несмотря на то, что этот князь причислен к лику святых за мученическую гибель в Орде, ни в одном из новоторжских храмов вы не найдете его иконы. До сих пор новоторы не могут ему простить того набега, резни и разорения, который они считают даже более жестоким, нежели набег Батыя. К сожалению, около десяти лет назад Новоторжская археологическая экспедиция прекратила свою деятельность, и точный облик, этапы развития и особенности кремля в Торжке пока остаются загадкой.

И тем не менее по аналогиям с другими крепостями Древней Руси процесс смены деревянной крепости на каменную, прерванный в 1372 году, нам понятен. Обычно он происходил так: сначала разбирались деревянные башни, но оставались пролеты стен между ними, так называемые прясла. Каждую разобранный башню старались восстановить в камне за один строительный сезон. Зачастую получалось так, что крепость долгие десятилетия сменяла деревянный облик на каменный, и белоснежные башни, построенные из тесаного известняка, перемежались дубовыми стенами, рубленными «в клеть».

В Торжке этот процесс был прерван походом Михаила Александровича Тверского, но винить его в утрате Новоторжского кремля несправедливо. И в XV, и в XVI веках крепость неоднократно возрождалась из пепла и снова жигалась завоевателями. Чего стоит одно разорение города Иоанном IV в 1569 году!

ПЕРВАЯ ПОБЕДА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Пожалуй, в последний раз Новоторжская крепость сыграла свою главную, оборонительную роль в 1609 году. Тогда под ее стенами, как это ни парадоксально звучит, польско-литовское войско билось со шведской армией, основной костяк которой составляли немецкие пикинеры.

В надвратной церкви сохранилась настенная роспись. Три преподобных подвижника

Конечно, и с той, и с другой стороны в битве участвовали и русские воины, было их немало, но русскими междоусобицами Торжок нельзя было удивить. А тут собралась очень представительная иностранная команда.

Произошло же все так: еще при Лжедмитрии I Торжок присягнул самозванцу и «по наследству» перешел под владычество Лжедмитрия II.

В 1609 году царь Василий Шуйский через своего племянника Михаила Скопина-Шуйского заключает договор со шведским королем Карлом IX. Тот отправляет в помощь царю Василию корпус во главе с генералом Якобом Делагарди. Отряды царского племянника и шведского генерала начинают двигаться от Новгорода в сторону Москвы по параллельным маршрутам. Первый – через Торжок, второй – через Старую Руссу. В Торжке оба войска должны были объединиться и двинуться по торной сухопутной дороге на Москву. Чтобы подготовить плацдарм для будущей армии, в Торжок отправляется аррьергард под руководством воеводы Корнилы Чоглокова и шведов Клауса Боя и Отогельмера Фармернера. Они быстро берут ситуацию в городе в свои руки и поджидают подхода основных сил.

Но враг, как водится, не дремлет. Вести о начавшемся походе Скопина-Шуйского и Делагарди доходят до Тушина, и сторонники самозванца решают предпринять ответные действия. Против идущих на Москву царских войск выступает польский ротмистр Ян Кернозицкий, наделенный Лжедмитрием громким титулом воевода Вяземский.

Его войска подкрепляет отряд польского магната Александра Зборовского и тушинского воеводы Григория Шаховского. Однако ни с одной, ни с другой стороны военачальники так и не смогли сосредоточить все имевшиеся у них силы. Так что и у нападавших на Торжок, и у защищавших его на момент битвы в наличии оказалось тысяч

Храм Архангела Михаила. Наиболее сохранившийся из всех городских. Как бы хотелось все церкви города видеть именно в таком состоянии

по пять-шесть воинов. У поляков ударным ядром были крылатые гусары – около 2 тысяч человек, а у шведских офицеров – пикинерский корпус примерно такого же размера.

Сторонники Шуйского сначала запираются в кремле, но, когда враг в ярости сжигает городские посады, защитники выходят в сожженный город и готовятся к бою.

Поляки, располагая сильным кавалерийским корпусом, принимают вызов. Однако их панцирная конница, налетев на жесткий строй немецких пикинеров, несет ужасные потери и отступает. Между тем на фланге рота гусар сминает колонну шведских и русских конников. Видя эту беду со стен кремля, Корнила Чоглоков приказывает резервному отряду совершить молниеносную вылазку. Поляки терпят поражение и здесь.

Гетман Сапега доносил королю Сигизмунду о битве под Торжком как о победе, но, судя по тому, что город остался за войсками Шуйского, а Зборовский экстренно оттуда ретировался, сообщение Сапеги подтвердило одно почти непреложное правило: во все времена хвататься шляхта умела лучше, чем воевать.

Победа под Торжком позволила царю Василию Шуйскому собрать на берегу Тверцы армию, довести ее до Москвы, нанести несколько решающих поражений тушинцам и полякам, в числе которых – долгожданное снятие осады с героически оборонявшейся Троице-Сергиевой лавры. Да, поход ополчения Скопина-Шуйского не привел к полному изгнанию захватчиков, однако он стал предвестником первого и второго ополчений князя Пожарского. Потому этот поход и можно было бы назвать победоносным. И началась эта череда побед именно под стенами Новоторжского кремля...

***

Как и у большинства средневековых русских городов, военная история Торжка закончилась одновременно с завершением Смутного времени. Во время Великой Отечественной войны он целых три года был прифронтовым городом. Так что война, можно сказать, миновала Торжок. И сейчас над его куполами и колокольнями, мостами и городскими усадьбами все так же, как и в древности, кружатся стаи голубей – птиц, ставших символом мира. 🕊